

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 1

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Ивченков С. Г., Ситникова С. В., Калугина Т. А.** Российский «Русский марш» как индикатор социально-политической активности горожан 4
- Темаев Т. В., Колязина Л. В., Телегина Е. Е.** Удовлетворенность пожилых людей системой социального обслуживания населения: региональный аспект 9
- Иванов Д. Л.** Проблематизация потребительского поведения старших возрастных групп 14
- Понукалина О. В.** Детско-родительские конфликты в контексте цифровизации повседневности 18
- Mogilevich B. R.** Some Aspects of Social Communication Phenomenon Evolution [Могилевич Б. Р. Некоторые аспекты эволюции феномена социальной коммуникации] 23
- Иванов Р. В.** Трансформация социальной сферы в системе культуры повседневности 27
- Ковалев Д. С.** Развитие социальной модели организации жилищ в модернизируемых дореволюционных многоквартирных зданиях (на примере Санкт-Петербурга) 31

Слово молодым социологам

- Гребенюк А. И., Данакин Н. С., Гребенюк А. А.** Социальные технологии в формировании положительного социально-психологического настроения молодежи как фактора национальной безопасности Российской Федерации 35
- Круглов А. В.** Социальная толерантность и социальная нетерпимость: теоретико-методологическая концептуализация 40
- Салистая Г. С.** Раннее материнство как проблема преждевременной социализации российских подростков 43
- Соболева Е. В.** Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров 47

Политология

- Шестов Н. И.** «Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть первая) 52
- Афонасова А. В.** Традиционные и нормативные основы политической функциональности государства в современной России 59
- Вилков А. А.** Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России 64
- Горбачев М. В.** Концепт «цивилизационный политический проект»: между теорией цивилизаций и проектным подходом 69
- Магомедов А. К.** Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке 75
- Богданов А. В.** Игровые технологии формирования политической культуры молодежи: структурно-функциональный анализ деятельности молодежных организаций (на примере работы МолРОП Саратовской области) 80
- Васильева М. М.** Современные информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России в сфере международных отношений 85
- Казаков А. А., Карев А. С.** Политическая ресурсность региональных СМИ в современной России (на примере ГТРК «Саратов») 91

Слово молодым политологам

- Вайсов Ф. Б.** Борьба с терроризмом «снизу-вверх»: предпосылки терроризма и роль негосударственных акторов в их устранении 96
- Зейд М.** Генезис политического взаимодействия России и Сирии 104
- Шафинская Н. В.** «Мягкая сила» как инструмент гуманитарной политики США в отношении Социалистической Республики Вьетнам 112

Критика и библиография

Представляем книгу

- Передня Д. Г.** К вопросу об актуальных политико-стратегических уроках Первой мировой войны 118

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 22.00.01; 22.00.03; 22.00.04; 22.00.05; 22.00.06; 22.00.08; 23.00.01; 23.00.02; 23.00.03; 23.00.04; 23.00.05; 23.00.06)

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.02.20.

Подписано в свет 02.03.20.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 11-Т.

Цена договорная

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.sozipolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.sozipolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Ivchenkov S. G., Sitnikova S. V., Kalugina T. A.** Russian “Russian March” as the Indicator of Citizens’ Social and Political Activity 4
- Temaev T. V., Kolyazina L. V., Telegina E. E.** Elderly People’s Satisfaction with the System of Social Services: Regional Aspect 9
- Ivanov D. L.** Problematization of Senior Age People Consumer Behavior 14
- Ponukalina O. V.** Child-Parents Conflicts in the Context of Everyday Life Digitalization 18
- Mogilevich B. R.** Some Aspects of Social Communication Phenomenon Evolution 23
- Ivanov R. V.** Transformation of Social Sphere in Everyday Life Culture System 27
- Kovalev D. S.** Development of Dwelling Organization Social Model in the Modernized Pre-Revolutionary Apartment Buildings (By the Example of St. Petersburg) 31

New Voices: Young Sociologists’ Research

- Grebenyuk A. I., Danakin N. S., Grebenyuk A. A.** Social Technologies in the Formation of Positive Social and Psychological Young People’s Mood as a Factor of National Security 35
- Kruglov A. V.** Social Tolerance and Social Intolerance: Theoretical and Methodological Conceptualization 40
- Galistaya G. S.** Early Motherhood as a Problem of Premature Socialization of Russian Teenagers 43
- Soboleva E. V.** Senior Citizens’ Volunteer Activity of as One of the Forms of Active Longevity of Russian Pensioners 47

Politology

- Shestov N. I.** “Value” as a Prerequisite for the Quality of Modern Political Research (Part One) 52
- Afonasova A. V.** Traditional and Normative Bases of the State’s Political Functionality in Modern Russia 59
- Vilkov A. A.** Images of the Future within Political Science and Public Discourses of Modern Russia 64
- Gorbachev M. V.** Civilizational Political Project: Between Civilization Theory and Project Approach 69
- Magomedov A. K.** Energy Aspect of Modern Russian Foreign Policy in the Middle East 75
- Bogdanov A. V.** Game Technologies of Formation of Political Culture: Structural and Functional Analysis of Youth Organizations’ Activities (Exemplified by Youth Branch of the Russian Society of Political Scientists of the Saratov Region) 80
- Vasilyeva M. M.** Modern Information Technologies Boosting National Interests of Russia in the Sphere of International Relations 85
- Kazakov A. A., Karev A. S.** Political Resource Potential of Regional Mass Media in Modern Russia (Exemplified by State Tele- and Radio Company “Saratov”) 91

New Voices: Young Political Scientists’ Research

- Vaysov F. B.** “Bottom-Up” Counterterrorism: Prerequisites for Terrorism and the Role of Non-State Actors in Their Elimination 96
- Zeid M.** Genesis of Russian and Syrian Political Interaction 104
- Shafinskaya N. V.** “Soft Power” as a Tool of USA Humanitarian Policy Towards the Socialist Republic of Vietnam 112

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Perednya D. G.** On the Issue of Relevant Political and Strategic Lessons of the First World War 118

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, PhD политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук (Москва, Россия)
Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, профессор (Пенза, Россия)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Готтлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)
Данилов Михаил Викторович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук (Ульяновск, Россия)
Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия),
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Саранск, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

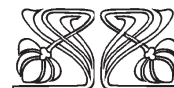
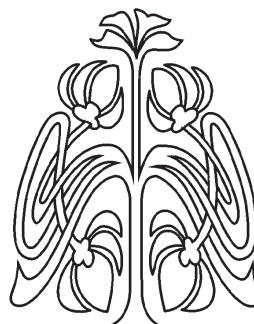
Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Irina A. Beginina (Saratov, Russia)

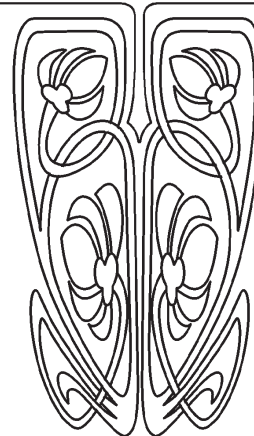
Members of the Editorial Board:

Brian Itchison (London, Great Britain)
Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)
Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)
Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)
Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)
Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)
Mikhail V. Danilov (Saratov, Russia)
Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)
Marina E. Elutina (Saratov, Russia)
Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)
Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Arbakhan K. Magomedov (Ulyanovsk, Russia)
Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)
Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)
Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)
Irina M. Fadeeva (Saransk, Russia)
Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)
Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.45

Российский «Русский марш» как индикатор социально-политической активности горожан

С. Г. Ивченков, С. В. Ситникова, Т. А. Калугина

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии молодежи, декан социологического факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, ivchenkovsg@mail.ru

Ситникова Светлана Викторовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, skareva@yandex.ru

Калугина Татьяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор кафедры истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, kaluginaTA@yandex.ru

Статья посвящена анализу социально-политической активности горожан. На примере ответов участников шествия «Русский марш» в г. Саратове показана мотивационная специфика подобного рода социально-политической активности. Рассмотрены и показаны социально-демографические критерии как факторы, определяющие поведение активных представителей протестного движения. Перекрестный статистический анализ позволил представить портреты типичных участников шествия и его активистов. Самыми активными участниками являются чаще всего молодые мужчины, предпочитающие открыто выражать свои социально-политические позиции, с готовностью участвовать в подобных митингах на регулярной основе, хорошо информированные о цели проведения данного мероприятия, являющиеся одними из его организаторов, предпочитающие мирные, санкционированные властью формы выражения своего политического мнения. Группа активных участников шествия составила менее трети всех присутствующих на митинге. Исследование показало региональную специфику, проявленную в малочисленности и слабой выраженности протестного движения, не имеющего потенциала радикализации и агрессивности.

Ключевые слова: «Русский марш», протестные движения, социальные движения.

Russian “Russian March” as the Indicator of Citizens’ Social and Political Activity

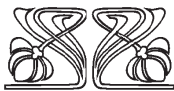
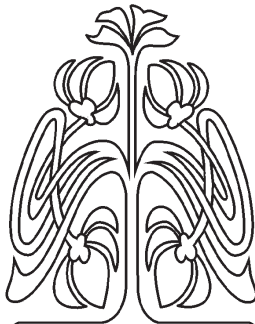
S. G. Ivchenkov, S. V. Sitnikova, T. A. Kalugina

Sergey G. Ivchenkov, <https://orcid.org/0000-003-1939-214X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, ivchenkovsg@mail.ru

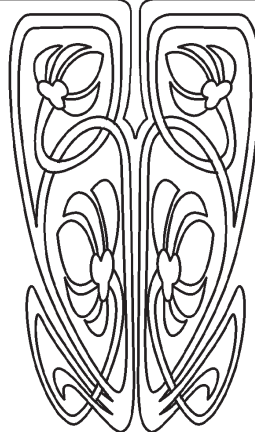
Svetlana V. Sitnikova, <https://orcid.org/0000-0003-2365-8780>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, skareva@yandex.ru

Tatyana A. Kalugina <https://orcid.org/0000-0002-8237-3833>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, kaluginaTA@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of citizens’ social and political activity. The motivational specifics of this kind of social and political activity is shown by the example of the responses of the “Russian March” participants in Saratov. Socio-demographic criteria as the factors determining the behavior of active representatives of the protest movement are considered and shown. Cross-statistical analysis allowed to present the portraits of typical participants of the “March” and its activists. The most active participants are often young men preferring to openly express their socio-political positions, willing to participate in such rallies on a regular

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

basis and well-informed about the purpose of the event. They take part in organizing activity and prefer peaceful, authorized forms of expressing their political opinion. The number of active marchers made up less than a third of all those present at the rally. The study showed the regional specifics manifested in a small number and weak intensity of the protest movement, which has no potential for radicalization and aggression.

Keywords: "Russian March", protest movements, social movements.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-4-8>

Одним из маркеров социально-политической активности населения можно считать появление и развитие социальных движений. В современных обществах, как справедливо замечает Н. Баранов, создан ряд благоприятных условий для подобного рода солидаризации масс. К их числу он относит: процессы урбанизации, индустриализации, массовый характер образования, развитие современных технологий, распространение прогрессистской идеологии, демократизацию политического строя и, наконец, возможность использования, доступность различного рода ресурсов (время, техника, помещения, площадки для дискуссий и т. д.)¹.

Динамику роста протестных движений в современном мире определяют, на наш взгляд, развитие информационных технологий, способность создания различных сообществ в интернет-пространстве с возможностью коммуникации в режиме «нон-стоп».

Протестное движение в классической социологической теории понимается как организованное движение народных масс, преследующих определенные социально-экономические и (или) политические интересы².

Националистические партии и общественные организации, объединяющиеся в ходе ежегодного протестного ритуального шествия – «Русский марш», приуроченного к Дню народного единства, становятся все более известными среди российского населения.

Ко дню 4 ноября Всероссийский центр изучения общественного мнения проводит исследование «Единство нации: что нас объединяет?»³. Результаты опроса представлены на сайте ВЦИОМ. Исследователи предложили рассмотреть национальное единство через призму объединяющих символов – литературные и музыкальные произведения, персонажи, фильмы, традиционные блюда, праздники и исторические события. Рейтинги выстраивались по наибольшему числу упоминаний. Народ, любовь к родине и патриотизм как символы, объединяющие граждан России. Роман «Война и мир», фильм «Ирония судьбы, или С легким паром», Обломов доминируют в предложенных вариантах. Однако следует сказать, что по этим пунктам разброс мнений достаточно высок (наибольшие доли упоминаний вышеуказанных позиций не превышали 11%). Наибольшая согласованность проявлена отно-

сительно музыкального произведения и важного исторического события. Главным национальным событием 63% опрошенных россиян считают победу в Великой Отечественной войне. Гимн России, как объединяющую песню, назвали пятая часть респондентов. Следует заметить, что о национальной – русской – идентичности, языке или ментальности упоминаний нет.

В этой связи становится интересным, о какой степени проявленности национализма в России можно сегодня говорить. Если обратиться к формальным данным, например, численности националистических организаций в Российской Федерации, первичная информация, нужно сказать, настораживающая: 53 объединения представляют умеренных, радикальных и запрещенных националистов (соответственно 43, 41 и 16% от общей численности). Однако, на наш взгляд, масштабность любого явления только формальной статистикой оценивать нельзя. Необходимо обратиться к содержательным тенденциям.

Государственный праздник День народного единства в России можно рассматривать как социальную площадку для проявления активности националистически настроенных граждан. «Русский марш» – митинг, по данным российских СМИ⁴, согласованный в 12 городах России, не собрал нигде и более сотни человек.

Заявка на митинг 4 ноября на бульваре Мюфке в г. Саратове была подана от инициативных групп граждан заблаговременно и согласована с местной администрацией. С целью выявления социально-демографического портрета митингующего в рамках протестного движения на примере «Русского марша» Центром региональных социологических исследований СГУ при непосредственном участии авторов был проведен опрос. Данные исследования подтверждают общероссийские тенденции о малочисленности подобных демонстраций. Опрошены были все присутствующие, численность которых составила 36 человек. Имеющаяся модальная статистика позволяет говорить о наиболее типичных социально-демографических характеристиках участников шествия «Русский марш» в г. Саратове. Чаще это мужчины. Они составили почти 64% из числа присутствующих. Возрастной разброс достаточно большой – от 18 до 92 лет; 36,3% – молодые люди в возрасте 18–29 лет, представителей когорты 30–55-летних оказалось 39,1%, старшая возрастная категория представлена пятой частью присутствующих (19,6%). Более половины участников мероприятия состоят в браке и имеют детей. Уровень образования большинства опрошенных участников мероприятия высокий: высшее (специалитет) указали 44%, высшее бакалавриат – 19,4%. Большая часть участников митинга являются работающими.

Интересные данные мы получили об уровне информированности участников о цели и характере мероприятия, на котором они присутствуют.

Лишь треть из их числа знают, что происходит, 20% не могут сказать однозначно, но догадываются, и более 40% не знают, каков характер данного мероприятия. Организаторами митинга назвали себя 11,0% от числа опрошенных, 19,0% – участниками, 27,8% – случайными прохожими, заинтересовавшимися происходящим, и 36,0% – сторонними наблюдателями. И, что вполне логично, 60% участников не знали заранее о планировании данного мероприятия. Около трети опрошенных говорят об отсутствии мотивации своего присутствия на митинге: «Я вообще не знаю, как здесь оказался». Менее значимыми по числу упоминаний стали: «Выражаю свои взгляды» (22,2%), «Помогаю в организации» (13,9%), «Интересуюсь происходящим» (13,9%), «За компанию, с друзьями или родственниками» (8,3%), «Провести время, пообщаться» (5,6%). При этом 41,7% присутствующих на мероприятии готовы принимать участие в подобных митингах на регулярной основе. Наиболее популярными формами выражения политических взглядов из числа приемлемых для участников митинга являются: мирные шествия, демонстрации (42,9%); дискуссии, беседы с друзьями, знакомыми; письма, петиции представителям власти; открытые, агрессивные митинги (по 14,3%); личное общение с представителями власти; пикеты, забастовки; обращения через СМИ (по 11,4%). Следует отметить, что около четверти опрошенных предпочитают вообще не выражать свое политическое мнение. Итак, подводя итог анализа дескриптивных модальных статистик, можно представить наиболее типичные характеристики присутствующего на протестном митинге горожанина: мужчина средней возрастной когорты с высшим образованием, состоящий в браке, имеющий детей, являющийся стихийно вовлеченным (случайный прохожий, наблюдатель со стороны) участником митинга, при этом не имеющим предварительной информации о данном шествии, так же как и о его целях и идеях, однако с готовностью ре-

гулярного участия в подобных мероприятиях, таким способом выражающим свои социально-политические взгляды.

Глубинный корреляционный анализ позволил выявить ряд мотивационных особенностей участия в протестном митинге, что, в свою очередь, позволило нам представить портрет активного участника «Русского марша».

Одним из критериев сравнения выступал возраст. Выявлены статусные различия. Так, среди представителей младшего поколения организаторов больше, чем среди среднего и старшего. Статистической значимости подобной связи в ходе расчета коэффициентов корреляции не выявлено, однако процентное распределение позволяет выделить данную особенность (табл. 1).

Кроме того, среди представителей младшей возрастной категории также больше оказалось тех, кто потенциально готов принимать участие в подобных мероприятиях на регулярной основе (соотношение: 38,5% младшего поколения к 28,6% старшего и 21,4% среднего поколения (табл. 2)).

Следует обратить внимание также и на некоторые возрастные особенности в выборе допустимых форм выражения политического мнения. Так, при общей тенденции доминирования мирного митинга среди тех, кто предпочитает выражать свое мнение в беседах и дискуссиях с друзьями, представителей старшего поколения существенно больше. Молодые люди в допустимости такой формы, как открытые, агрессивные митинги, доминируют по сравнению с ответами представителей других поколений (табл. 3).

Есть поколенческая специфика и в способах получения информации о происходящих социально-политических событиях подобного рода. Социальное окружение чаще выступает источником информации для представителей старшего поколения, СМИ – среднего, официальный сайт Правительства области – младшего поколения (табл. 4).

Таблица 1

Социальные роли участников мероприятия (поколенческий срез), %

Поколение	В качестве кого Вы принимаете участие в данном мероприятии?				
	один из организаторов	участник мероприятия	случайный прохожий	просто наблюдатель	итого
Младшее	23,1	23,1	7,7	46,2	100,0
Среднее	7,7	23,1	46,2	23,1	100,0
Старшее	0%	16,7	50,0	33,3	100,0

Таблица 2

Возрастные особенности потенциального участия в протестных митингах, %

Поколение	Если бы подобные мероприятия проводились регулярно, Вы принимали бы в них участие?					
	да	скорее да	скорее нет	нет	затрудняюсь ответить	итого
Младшее	38,5	7,7	15,4	38,5	0	100,0
Среднее	21,4	21,4	21,4	21,4	14,3	100,0
Старшее	28,6	0	42,9	28,6	0	100,0

Таблица 3

Рейтинг форм выражения социально-политических взглядов (возрастные особенности), %

Допустимые формы выражения своих социально-политических взглядов	Поколение		
	младшее	среднее	старшее
Предпочитаю не выражать своего мнения вообще	25,0	14,3	42,9
Дискуссии и беседы с друзьями, знакомыми	8,3	7,1	28,6
Письма, петиции представителям власти	8,3	14,3	14,3
Личное общение с представителями власти	16,7	0	14,3
Мирные шествия, демонстрации	41,7	50,0	42,9
Пикеты, забастовки	8,3	7,1	14,3
Обращения через СМИ	8,3	21,4	0
Открытые агрессивные митинги	25,0	7,1	0
Посещение выборов	0	14,3	0

Таблица 4

Источники информации о митинге (поколенческая специфика), %

Источники информации о данном мероприятии	Поколение		
	младшее	среднее	старшее
Я о нем ничего не знал(а)	61,5	57,1	57,1
От друзей, знакомых	7,7	14,3	28,6
Из местных СМИ	7,7	21,4	14,3
Я в числе организаторов	15,4	0	0
Из анонсов официального сайта Правительства Саратовской области	7,7	7,1	0

Выявлены также гендерные особенности позиций участников шествия. Так, среди мужчин потенциальных участников подобных мероприятий больше, чем среди женщин, 70% женщин не проявят подобного рода активности (табл. 5).

С точки зрения форм социально-политической активности также проявлена гендерная специфика. Среди женщин больше тех, кто предпочитает вообще не выражать своих политических взглядов. Дискуссии с друзьями, письма представителям власти также чаще выбирали женщины. Мужчины чаще, чем женщины, отдают предпочтение личным встречам с представителями власти, обращения через СМИ и открытые агрессивные митинги. Это позволяет говорить о гендерных типологиях форм политической активности. Для женщин характерен опосредованный, недемонстративный тип, для мужчин – прямой, открытый (табл. 6).

Мотивация участия напрямую зависит от статуса участника, что вполне логично доказывают и наши данные. Организаторы и активные участники чаще выбирали ответы: «Помогаю в

организации», «Выражаю свои взгляды», случайные прохожие – «Интересуюсь происходящим». Однако нами выявлены некоторые мотивационные особенности, которые вызывают исследовательский интерес. Так, среди организаторов оказались те, для кого мотив участия – «поддержать компанию друзей», а среди случайных прохожих нашлись те, для кого это способ выразить собственное политическое мнение.

Кроме того, среди организаторов и активных участников есть упоминания о нежелании принимать участие в подобных мероприятиях на регулярной основе. Вероятно, мотивация поддержать компанию друзей является слабой в формировании стабильной потенциальной активности подобного характера. А вот стихийность вовлеченности случайных прохожих может выявить политически активных граждан. Это доказывает и тот факт, что указавшие в качестве мотива присутствия на данном мероприятии выражение своих взглядов все приняли бы участие в подобных митингах на регулярной основе. В общей тенденции среди участников и организа-

Таблица 5

Гендерные особенности потенциального участия в протестных митингах, %

Пол	Если бы подобные мероприятия проводились регулярно, Вы принимали бы в них участие?				
	да	скорее да	скорее нет	нет	затрудняюсь с ответом
Мужской	34,8	13,0	13,0	34,8	4,3
Женский	20,0	10,0	50,0	20,0	0

Таблица 6

Рейтинг форм выражения социально-политических взглядов (гендерная специфика), %

Допустимые формы выражения своих социально-политических взглядов	Пол	
	мужской	женский
Предпочитаю не выражать своего мнения вообще	22,7	30,0
Дискуссии и беседы с друзьями, знакомыми	13,6	20,0
Письма, петиции представителям власти	4,5	30,0
Личное общение с представителями власти	13,6	10,0
Мирные шествия, демонстрации	45,5	40,0
Пикеты, забастовки	9,1	10,0
Обращения через СМИ	9,1	0
Открытые агрессивные митинги	18,2	10,0
Посещение выборов	0	10,0

торов более 70% выражают согласие принимать участие в подобных митингах на регулярной основе, среди случайных прохожих, наблюдателей – треть.

Некоторые особенности обнаружены в допустимых формах выражения своих социально-политических взглядов в зависимости от статуса участника мероприятия. Так, организаторы чаще выбирали мирные шествия и письма представителям власти, активные участники – мирные шествия, пикеты, забастовки и агрессивные митинги. Случайные прохожие – чаще те, кто предпочитают не выражать своего мнения вообще либо выбирали форму мирного шествия. Сторонние наблюдатели чаще предпочитают не выражать своего мнения либо допускают участие в открытых агрессивных митингах. Из этого можно сделать вывод, что экстремальные, агрессивные формы выражения социально-политических взглядов допускаются и могут быть спровоцированы либо представителями активных участников мирного шествия, либо агрессивно настроенными, стихийно вовлеченными участниками митинга.

Таким образом, можно говорить и о типичных характеристиках активного участника шествия «Русский марш». Это молодой мужчина, предпочитающий открыто выражать свои социально-политические позиции, с готовностью участвовать в подобных митингах на регулярной

основе, хорошо информированный о цели проведения данного мероприятия, чаще и являющийся одним из его организаторов, предпочитающий мирные, санкционированные властью формы выражения своего политического мнения. Группа активных участников шествия составила менее трети всех присутствующих на митинге.

На сегодняшний день можно говорить о существовании протестного движения националистического характера в России и в частности в Саратовской области. Однако общероссийские данные и результаты нашего исследования доказывают его малочисленность и слабую выраженность. Кроме того, активная его часть, мирно шествующих и выражающих свою социально-политическую позицию горожан имеет потенциал радикализации и агрессивности.

Примечания

- 1 См.: Баранов Н. Протестные социальные движения. URL: <http://nicbar.ru/fotonovgorod/pages/105.htm> (дата обращения: 11.12.2018).
- 2 См.: Социологическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2. Национальный общественно-научный фонд. М. : Мысль, 2003. С. 274.
- 3 См.: URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 07.10.2018).
- 4 См., например: URL: <https://www.svoboda.org/a/29581580.html> (дата обращения: 07.10.2018).

Образец для цитирования:

Ивченков С. Г., Ситникова С. В., Калугина Т. А. Российский «Русский марш» как индикатор социально-политической активности горожан // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-4-8>

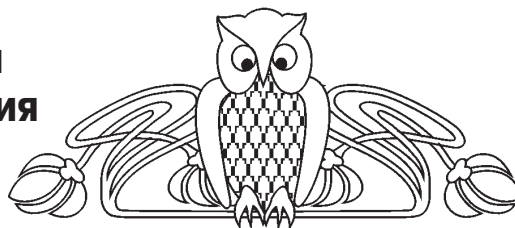
Cite this article as:

Ivchenkov S. G., Sitnikova S. V., Kalugina T. A. Russian “Russian March” as the Indicator of Citizens’ Social and Political Activity. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-4-8>

УДК 316.346.3

Удовлетворенность пожилых людей системой социального обслуживания населения: региональный аспект

Т. В. Темаев, Л. В. Колязина, Е. Е. Телегина

Темаев Тимур Вадудович, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, timur_temaev@mail.ru

Колязина Лариса Викторовна, ректор, Саратовский областной институт развития образования, kolyazina_larisa@mail.ru

Телегина Елена Евгеньевна, генеральный директор, ООО «Парк города «Лукоморье», Саратов, 347533@gmail.com

Статья посвящена актуальной, но малоизученной проблеме удовлетворенности пожилых граждан, как получателей услуг, системой социального обслуживания населения. В статье указывается, что в период увеличения значимости волеизъявления граждан во всех сферах жизнедеятельности особую актуальность приобретает исследование системы социального обслуживания сквозь призму общественного мнения, так как население выступает в качестве основного потребителя предлагаемых государством услуг социального характера. В статье приводятся результаты анкетного опроса, проведенного авторами в составе исследовательской группы при кафедре социологии социальной работы СГУ имени Н. Г. Чернышевского в г. Саратове и области. Исследуется степень удовлетворенности/неудовлетворенности пожилых людей системой социального обслуживания в указанном регионе. Опираясь на количественную методологию, авторы анализируют потребность пожилых людей в учреждениях по предоставлению социальных услуг, их значимость в профилактике социальных рисков. В статье выявлены: удовлетворенность географической доступностью и удобством режима работы учреждений социального обслуживания населения; удовлетворенность компетентностью и отношением к получателям услуг сотрудников учреждений; выявлены качественные изменения системы социального обслуживания населения на современном этапе при сравнении с предыдущими. Также в статье обозначены изменения в процессе работы с получателями услуг в рамках современных требований «цифрового» общества.

Ключевые слова: пожилые люди, система социального обслуживания, социальные услуги, количественные методы.

Elderly People's Satisfaction with the System of Social Services: Regional Aspect

T. V. Temaev, L. V. Kolyazina, E. E. Telegina

Timur V. Temaev, <https://orcid.org/0000-0002-8689-9330>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, timur_temaev@mail.ru

Larisa V. Kolyazina, <https://orcid.org/0000-0001-7628-612X>, Saratov Regional Institute of Education Development, 1 Bolshaya Gornaya St., Saratov 410030, Russia, kolyazina_larisa@mail.ru

Elena E. Telegina, <https://orcid.org/0000-0002-9779-1624>, Lukomorye city Park, 81/83 Chernyshevsky St., Saratov 410004, Russia, 347533@gmail.com

The article is devoted to the actual, but little-studied problem of satisfaction of elderly citizens, as the recipients of services, with the system of the population social services. The article points out that in the period of increasing importance of the will of citizens in all spheres of life, the study of the social service system through the prism of public opinion becomes particularly relevant, as the population is the main consumer of social services offered by the state. The article presents the results of the questionnaire conducted by the authors at the Chair of Social Work Sociology of Saratov State University, in Saratov and its region. The degree of satisfaction/dissatisfaction of elderly people with the social service system in this region is investigated. On the basis of the quantitative methodology, the authors analyzed the need of older people in institutions to provide social services, which are of importance in the prevention of social risks. The article revealed: satisfaction with the geographical accessibility and convenience of the social service institutions mode of operation; satisfaction with the competence and attitude to the recipients of the institutions services employees; demonstrated qualitative changes in the system of social service at the present stage in comparison with the previous ones. Also, the article identified the changes in the process of working with service recipients within the modern requirements of the "digital" society.

Keywords: elderly people, social service system, social services, quantitative methods.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-9-13>

Система социального обслуживания населения в настоящее время характеризуется наибольшей развитостью своей структуры и качества предоставляемых услуг за всю историю существования данного института в отечественной истории и практике. Это утверждение не означает, однако, того, что перспектива данной системы теперь отсутствует, речь идет лишь о подчеркивании ее поступательного развития, что является вполне закономерным, отталкиваясь от траектории нашего государства как социально ориентированного.

Гетерогенность современных обществ и разнообразие предоставляемых услуг учреждениями социального обслуживания населения обуславливают узкую специализацию в деятельности сотрудников, занятых в данной сфере. Анализ научного дискурса по этой теме свидетельствует о небольшом количестве исследований, касающихся восприятия социальной службы в общественном мнении глазами увеличивающейся по

отношению к основной массе населения группы пожилых людей. Изучение мнений получателей услуг, предоставляемых государством, об их качестве представляется авторам статьи своевременным и актуальным.

В настоящее время в нашем государстве органы социальной защиты населения продолжают работать над развитием и внедрением в жизнь инновационных форм социального обслуживания граждан пожилого возраста. К данной системе можно отнести геронтологические, геронтопсихиатрические, реабилитационные и социально-оздоровительные центры, дома милосердия, учреждения социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий, специальные жилые дома для одиноких престарелых, специализированные отделения социально-медицинского обслуживания на дому, социальные квартиры и многие другие. Социальное обслуживание граждан пожилого возраста в России всегда являлось особой системой, которая сочетает в себе самые разнообразные формы, виды и типы учреждений и услуг, единая цель которых заключается в удовлетворении потребностей пожилых людей¹.

Деятельность учреждений по предоставлению социальных услуг не является формальной – данные социологических исследований свидетельствуют о том, что ориентация социального обслуживания пожилых людей на концепцию качества жизни снижает вероятность возникновения социальных рисков: 65% экспертов утверждают, что предотвращение социальных рисков наблюдается в 35–50% случаев, 35% экспертов отметили предотвращение таковых в 15–35% случаев². При этом все эксперты сходятся во мнении о том, что наиболее эффективной деятельностью специалистов является профилактика социальных рисков посредством предоставления социальных услуг пожилым людям, результативность которой определяется ее своевременностью, а также системной и оперативной диагностикой.

В настоящее время, в период увеличения значимости общественного мнения во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, особую актуальность приобретает исследование системы социального обслуживания сквозь призму общественного мнения, так как население выступает в качестве основного потребителя предлагаемых государством услуг социального характера. Именно поэтому в 2018–2019 гг. нами было проведено социологическое количественное исследование (анкетный опрос) «Удовлетворенность пожилых граждан города Саратова современной системой социального обслуживания населения». Опрос был проведен авторами в составе исследовательской группы при кафедре социологии социальной работы Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского по квотно-стратифицированной выборке ($N = 300$ человек), предельная ошибка

выборки не превышает 5 процентных пунктов. Целью анкетного опроса явилось выявление удовлетворенности/неудовлетворенности пожилых людей системой социального обслуживания в нашем регионе. В соответствии с целью были поставлены следующие задачи исследования:

– определить географическую доступность и удобство режима работы учреждений социального обслуживания населения с точки зрения получателей услуг;

– выяснить удовлетворенность компетентностью и отношением к получателям услуг сотрудников учреждений с точки зрения пожилых граждан;

– выявить качественные изменения системы социального обслуживания населения на современном этапе по сравнению с предыдущими.

Объектом исследования выступили непосредственно пожилые граждане как получатели услуг учреждений системы социального обслуживания населения. Предметом исследования являются социальные практики обращения пожилых граждан к системе социального обслуживания населения. Гипотезами эмпирического исследования выступили:

1) географическая доступность учреждений социального обслуживания и удобство режима их работы, с точки зрения пожилых граждан, является привычной и повсеместной;

2) удовлетворенность компетентностью сотрудников учреждений и их отношением к получателям услуг находится на высоком уровне;

3) качественные изменения в работе системы социального обслуживания населения на современном этапе наблюдаются в направлении оптимизации процесса по оказанию услуг – частичного его переноса в поле интернет-технологий.

В процессе исследования нами были опрошены респонденты старше 63 лет (из них 40% мужчин и 60% женщин). Большая часть опрошенных граждан пенсионного возраста имеют среднее, среднее специальное (62,0%) или незаконченное среднее образование (9,0%); 26,5% респондентов имеют высшее и 0,8% незаконченное высшее образование. Все опрошенные данной возрастной группы на тот момент официально не работали, находились в статусе пенсионеров по возрасту. Большая часть из них – русской национальности (88%).

Очевидно, что деятельность учреждений социальных услуг направлена на облегчение жизни (в нашем случае – пожилых граждан), при этом охват целевой аудитории системой социального обслуживания не является полным. В ходе исследования на вопрос о том, обращались ли респонденты и готовы ли вновь обратиться к услугам такого рода учреждений, мы получили следующие результаты: 76,0 % опрошенных сказали, что обращались и хотели бы и дальше обращаться, 11,2% – готовы воспользоваться дан-

ными услугами в случае крайней необходимости и около 2,0% не готовы пользоваться услугами социальных учреждений после негативного опыта взаимодействия. При этом лишь 7,5% респондентов обращались с жалобами на учреждения социальных услуг и 83,5% пожилых граждан никогда не жаловались на систему социального обслуживания населения.

Полученные результаты свидетельствуют о росте потребности в получении социальных услуг, так как итоги исследований предшествующих периодов эксплицируют несколько иные показатели. Так, по данным Э. Никоновой, десять лет назад лишь 26,9% опрошенных отметили, что постоянно обращаются в учреждения социальных услуг, 53,1% делали это очень редко и 20,0% совсем не обращаются за помощью в социальную службу³. Динамика отмеченных показателей свидетельствует о росте доверия пожилых граждан к системе социального обслуживания и, самое важное, удовлетворенности от обращения к ее услугам. Так, среди опрошенных пожилых граждан, которые прибегали к помощи учреждений социальных услуг, 85,0% решили проблему, с которой обращались, 8,0% – решили не полностью свою проблему и всего 3,0% респондентов так и не получили ожидаемой помощи.

Одним из важнейших показателей удовлетворенности пожилых людей системой социального обслуживания является ее географическая доступность для получателей услуг. Справедливо подчеркивал М. Томилин, что «комитеты социальной поддержки населения не могут в полной мере отвечать потребностям современного, мобильного населения. Необходимо либо увеличить их количество, либо разработать им неких «помощников»⁴. За последние несколько лет можно наблюдать массовое открытие так называемых многофункциональных центров, которые выступают посредником между большим потоком граждан и комитетами социальной защиты населения. Появление таких центров облегчило жизнь и пожилого населения, поскольку расположены данные организации повсеместно. В целом же на географическую доступность расположения учреждений социального обслуживания пожаловалось только 16,6% опрошенных, 49,0% вполне удовлетворены местом расположения учреждений социальных услуг, а 21,4% респондентов находят место расположения данных учреждений очень удобным. Географическая доступность учреждений социальных услуг очень важна для пожилых людей в силу их возраста и состояния здоровья. Несмотря на то что места расположения зданий объективно не зависят от самих учреждений, так же как и проложенные маршруты общественного транспорта, большинство пожилых людей удовлетворены местоположением учреждений социальных услуг. Также вполне удовлетворенными состоянием зданий

учреждений, их интерьерным оформлением и иными материальными составляющими оказались 44% респондентов, 28% удовлетворены лишь частично и 9% пожилых граждан не удовлетворены материальными условиями учреждений, предоставляющих социальные услуги.

Для любой категории населения огромное значение имеет организация труда в учреждении социального обслуживания, особенно режим его работы, так как его деятельность направлена на удовлетворение потребностей конкретного кластера получателей услуг, которые либо ограничены во времени для обращения в организацию, либо чередуют фазы активности/пассивности для обращения за услугами. Что касается пожилых граждан, то, по данным В. Арсентьевой, пики социальной активности в пожилом возрасте приходятся на утренние и вечерние часы, в силу того что зачастую пожилые люди выделяют пару часов на дневной отдых⁵. Соответственно, нагрузка на работников учреждений социального обслуживания в данный временной интервал особенно высока, что, в свою очередь, может отразиться на степени удовлетворенности режимом работы учреждения основных потребителей специализированных социальных услуг. Тем не менее, результаты нашего исследования демонстрируют следующее: 75,0% респондентов отметили, что график работы учреждений социальных услуг для них является оптимальным, 10,8% опрошенных лишь частично устраивает режим работы данных учреждений, и только 0,5% граждан отметили, что график работы учреждений социальных услуг их не устраивает совершенно. Из представленных данных видно, что подавляющее большинство получателей услуг вполне удовлетворены режимом работы учреждений социального обслуживания, при этом определенная необходимость к обращению внимания на возможность корректировки в графике работы присутствует.

Важнейшими показателями удовлетворенности пожилых граждан деятельностью системы социального обслуживания населения являются компетентность и внимательное отношение к получателям услуг со стороны сотрудников учреждений. Исходя из данных М. Корниловой, опирающейся на столичный опыт работы учреждений социального обслуживания населения, следует, что «вопреки произошедшим изменениям законодательства в сфере предоставления социальных услуг, старшее поколение столицы по-прежнему высоко оценивает работу учреждений социального обслуживания населения»⁶. Схожие результаты, но уже в практике Санкт-Петербурга, приводит О. Парфенова, которая подчеркивает, что при выполнении своих обязанностей сотрудники учреждений отступают от должностных инструкций в пользу получателей услуг, что очень высоко ценится пожилыми гражданами, которые в полной мере

удовлетворены работой специалистов в данных учреждениях⁷. Результаты нашего исследования также подтверждают удовлетворенность пожилых граждан отношением к ним персонала учреждений – 88% опрошенных полностью удовлетворены взаимодействием с работниками учреждений, предоставляющих социальные услуги, 6% удовлетворены лишь частично и только 1% респондентов не удовлетворены отношением к ним сотрудников учреждений, предоставляющих социальные услуги.

В настоящее время в сфере обслуживания наблюдаются существенные изменения, не исключением является и система социального обслуживания населения. Помимо удлиненного рабочего дня и увеличения обслуживающего персонала в зависимости от «наплыва» получателей услуг, распространение получили такие практики, как электронная регистрация, запись по телефону, а также несколько лет функционирует Единый портал государственных услуг Российской Федерации. Конечно же, не все пожилые граждане умеют пользоваться интернет-технологиями для получения социальных или иных услуг, но их количество стремительно растет. Так, например, по данным М. Корниловой, за последние 10 лет пожилое население нашей страны стало во много раз активнее пользоваться возможностями сети Интернет⁸. При этом пожилые граждане, собственно говоря, как и более молодые, могут испытывать целый ряд затруднений в данном направлении, помимо недостатка необходимых навыков. Среди них – отсутствие личного интернет-трафика, поломка прибора (мобильного устройства или компьютера), позволяющего выйти в Сеть, временные проблемы интернет-провайдера (поставщика интернет-услуг), перебои в работе сайта и многое другое.

В связи с этим актуальным по-прежнему остается личное посещение учреждения социального обслуживания населения, где получатель услуг сталкивается с проблемой, оставшейся еще с советского периода, а именно – наличием очередей при получении различного рода услуг.

Тем не менее, результаты нашего исследования свидетельствуют об отсутствии отмеченной проблемы – так, среди респондентов 35% не наблюдали очередей в такого рода организациях, 31% опрошенных проводили в очередях менее 15 минут, 10% отметили, что очень редко ждут своей очереди, и только 5% пожилых граждан подчеркнули, что для получения услуг в социальных учреждениях им приходится долго ожидать своей очереди. Данные результаты позволяют утверждать, что к настоящему времени в связи с появлением информационных технологий в сфере записи на прием или «электронных очередей» «живые очереди» исчезают, что позволяет пожилому человеку планировать свое свободное время, быстро и вовремя получить государственную услугу социального характера. К сожалению, в

отдалении от крупных городов, особенно в сельской местности, наблюдается менее современная картина обслуживания граждан. Но и в данной местности, как следует из ответов респондентов, руководство учреждений социальных услуг организует свою работу таким образом, что каждому третьему опрошенному клиенту оказывается услуга без ожидания в очереди.

Таким образом, исследовав степень удовлетворенности пожилых людей системой социального обслуживания в Саратовском регионе, можно сделать вывод о том, что все наши гипотезы подтвердились.

1. Действительно, граждане пожилого возраста удовлетворены географической доступностью учреждений социального обслуживания, а также режимом их работы. Как правило, до любого учреждения организована доставка общественным транспортом, работа с получателями услуг осуществляется с раннего утра и до позднего вечера, существует возможность увеличения количества сотрудников в результате «наплыва» получателей услуг.

2. Сотрудники учреждения социального обслуживания населения, с точки зрения пожилых граждан, являются вполне компетентными и качественно выполняют свою работу, внимательно относятся к получателям услуг, осознавая специфику работы с возрастными клиентами.

3. Качественные изменения в работе системы социального обслуживания населения на современном этапе наблюдаются в направлении оптимизации процесса по оказанию услуг – частичного его переноса в поле интернет-технологий, что привело к сокращению временной длительности ожидания получателей услуг своей очереди, возможностью дистанционно решить большинство вопросов организационного характера.

В целом же можно констатировать, что в нашем государстве наблюдается развитая система социального обслуживания пожилых граждан. В России существует социально ориентированная нормативно-правовая база социальной политики, которая как учитывает индивидуальные особенности, так и предполагает реализацию самых различных мероприятий по оказанию социальной помощи. Сама же система также является развитой по современным меркам, так как включает в себя самые разнообразные направления по оказанию социальной помощи и нацелена на выполнение большого набора задач – от материальной помощи до эмоционально-психологической и помощи в социальной адаптации пожилых людей.

Примечания

¹ См.: Демографические процессы в современном обществе : практика и политика / под ред. П. В. Романова. Саратов : Научная книга, 2005. С. 78.

- ² См.: Тюкин О. А. Социальное обслуживание как фактор повышения качества жизни пожилых людей (по материалам опроса экспертов) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 325.
- ³ См.: Никонова Э. И. Потребность пожилых людей современного российского общества в социальной защите : социологический анализ // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008. Т. 150, кн. 4. С. 239–240.
- ⁴ Томилин М. А. Место и роль социального обслуживания в современных условиях как одного из важнейших компонентов социальной защиты населения // Социальное обслуживание населения. 2010. № 12. С. 8–9.
- ⁵ См.: Арсентьева В. А. Социальная активность людей пенсионного возраста : взгляд социолога // Науч.-метод. электр. журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 3236–3240. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970974.htm>
- ⁶ Корнилова М. В. Социальное обслуживание пожилых москвичей // Дискурс. 2016. № 6. С. 70.
- ⁷ См.: Парфенова О. А. Социальные сервисы для пожилых : формальные и неформальные правила и практики // The Journal of Social Policy Studies - Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 4. С. 573–588. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-573-588>
- ⁸ См.: Корнилова М. В. Интернет как адаптационный ресурс пожилых пользователей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 256–257. DOI: [10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-250-259)

Образец для цитирования:

Темаев Т. В., Колязина Л. В., Телегина Е. Е. Удовлетворенность пожилых людей системой социального обслуживания населения: региональный аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 9–13. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-9-13>

Cite this article as:

Temaev T. V., Kolyazina L. V., Telegina E. E. Elderly People's Satisfaction with the System of Social Services: Regional Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 9–13 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-9-13>

УДК 316.342.6

Проблематизация потребительского поведения старших возрастных групп

Д. Л. Иванов

Иванов Дмитрий Львович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, dmitryivanov.ssu@gmail.com

В статье осуществляется подробный анализ основных подходов к периодизации потребителей старших возрастных когорт. Дается определение понятий «старшие потребители» и «старшие возрастные когорты». Особое внимание уделяется подходам к сегментации «старших потребителей». Автор выделяет понятие «новые старшие потребители» как особую социально-демографическую группу, которая обладает специфическими ценностями и потребительским поведением. В работе предлагается выделить понятие «поколение» для операционализации потребителей старших возрастных когорт.

Ключевые слова: старшие потребители, серебряные потребители, психологический возраст, потребительские ценности, потребительское поведение.

Problematization of Senior Age People Consumer Behavior

D. L. Ivanov

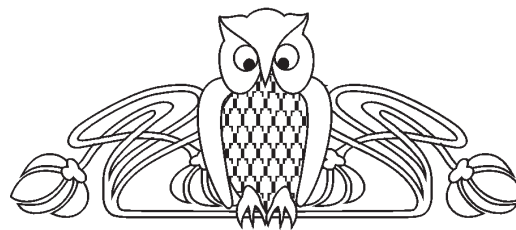
Dmitry L. Ivanov, <https://orcid.org/0000-0001-6134-477X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, dmitryivanov.ssu@gmail.com

The article provides a detailed analysis of the main approaches to periodization of senior age consumers' cohorts. The definitions of «senior consumers» and «senior age cohorts» are given. Particular attention is paid to the approaches to segmentation of «senior consumers». The concepts of «new senior consumers» as a special socio-demographic group possessing specific values and consumer behavior are identified. The paper proposes to single out the concept of «generation» for the operationalization of senior age consumers' cohorts.

Keywords: senior age consumers, silver consumers, psychological age, consumer values, consumer behavior.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-14-17>

За последние тридцать лет роль людей старших возрастных групп в обществе сильно изменилась. Это изменение связано с резким старением населения. Увеличение продолжительности жизни населения привело к расширению группы людей старше пятидесяти лет, что коренным образом изменило демографический ландшафт большинства развитых стран. Люди старших возрастных групп стали играть важную роль в экономических процессах. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что представители старших возрастных групп стали главной движущей силой современной потребительской экономики.

И их роль продолжит неуклонно расти. Вместе с тем исследователи только сейчас начали обращать внимание на увеличившуюся группу старших потребителей. Нам все еще недостает исследований, которые подробно рассматривают характеристики старших потребителей. Ранее старшие потребители рассматривались как однородная группа, обладающая общими потребительскими ценностями и сходным потребительским поведением. Но все больше исследователей считают, что эта потребительская группа состоит из нескольких сегментов, которые существенно различаются восприятием товаров и услуг, потребительскими ориентациями.

Как и в других странах, российские крупные компании уделяют больше внимания молодым потребителям и игнорируют потребности старших, которых воспринимают пассивными и неготовыми покупать инновационные товары. Компании традиционно ориентируют свои товары на молодых потребителей и почти не учитывают нужды потребителей других возрастных групп. Это противоречит данным экономической статистики и результатам исследований, которые показывают, что старшие потребители тратят больше, чем молодые. В итоге группа старших потребителей мало изучена. Нам по-прежнему не хватает теорий и методологических подходов, которые позволят описать группу старших потребителей.

Роль старших потребителей в экономических процессах

В начале 1990-х гг. большинство стран вступило в четвертую фазу демографического перехода, для которой характерна высокая продолжительность жизни и низкая рождаемость. Это привело к резкому увеличению людей старше 65 лет. Прежде всего, это коснулось стран Западной Европы, Северной Америки и развитых стран Восточной Азии. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в 2006 г. насчитывалось 600 млн человек в возрасте старше 60 лет. По прогнозу ВОЗ, в 2025 г. число людей старше 60 лет в мире составит 1,2 млрд, а к 2050 г. увеличится до 2 млрд человек¹.

Сегодня две трети людей старшего возраста живут в странах Европы и Северной Америки. В 2025 г. 75% населения развитых стран будут составлять люди старше 60 лет. Кроме того, в старших возрастных группах соотношение

женщин и мужчин составляет два к одному. Согласно данным Евростата, старение населения 28 стран членов Европейского союза отражает общую тенденцию. Если в 2006 г. каждый шестой житель Евросоюза был старше 65 лет, то, по прогнозам Евростата, в 2030 г. это будет уже каждый четвертый житель ЕС. Сегодня в европейских странах самая высокая доля людей старше 65 лет. Больше всего их проживает в Италии, Германии, Греции и Швеции².

Согласно данным ООН, доля людей в возраст старше 65 лет растет быстрее, чем другие возрастные группы. Так, в 2050 г. каждый шестой человек будет старше 65 лет, что составляет 16% мирового населения. Это на 7% больше, чем сегодня³. Данная тенденция характерна и для России. К 2050 г. почти каждый четвертый человек в стране достигнет возраста 60 лет. Согласно прогнозу Росстата, в 2031 г. две трети трудоспособного населения будут в возрасте от 60 лет и старше⁴. Россия позже начала демографический переход, но динамика старения населения не отличается от западных стран⁵.

Старшие потребители являются рынком для самых разнообразных товаров и услуг. И многие инновационные компании смогли оценить значение этой потребительской группы. Данные Бюро переписи населения США показывают, что доля людей старше 50 лет составляет 76 млн чел., или 28% от общей популяции США. Это самая большая потребительская группа, которая ежегодно тратит на покупки 1,6 млрд долл. В США на людей старше 55 лет приходится 45% располагаемого дохода. Пожилые американцы владеют 77% финансовых активов, покупают 41% всех новых автомобилей и владеют половиной выпущенных кредитных карт⁶. Кроме того, старшие потребители в среднем тратят больше, чем более молодые потребители. Эта тенденция характерна для большинства развитых стран.

Демографические изменения привели к тому, что люди старших возрастных групп стали важной силой современной экономикой. Многие компании создают товары и услуги, которые ориентированы исключительно на старших потребителей. Но далеко не все крупные компании оказались готовы к тому, что демографическое лицо их потребителя изменится. Эксперты отмечают инерцию, которая отражается в рекламных кампаниях и позиционировании продуктов. Маркетологи продолжают ориентировать рекламные кампании на более молодую аудиторию. А старшие потребители воспринимаются как более пассивные и не готовые принимать инновационные продукты.

Сегментация потребителей старших возрастных групп

Сегодня для описания потребителей старших возрастных групп используют несколько

основных терминов. Наибольшее распространение в российской социологии получило понятие «старшие возрастные когорты»⁷, к которым традиционно относят людей старше 65 лет. Западные исследователи используют понятия «старшие потребители» (senior consumers) и «серебряные потребители» (silver consumers), которые включают более широкую социально-демографическую группу. Помимо этого, сегодня все чаще используется понятие «поколение», чтобы выделить специфические черты потребителей той или иной возрастной группы. У каждого термина есть свои недостатки, которые не позволяют полностью раскрыть специфику поведения и потребительские ценности людей старших возрастных групп.

Традиционно к старшим потребителям относят людей в возрасте от 65 лет и старше. Большинство исследователей согласны, что возраст – это не лучший критерий для сегментации потребительских групп. Возраст – это многофакторный критерий, который включает в себя биологический, психологический и социальный возраст. И конечно, границы возрастных групп условны. Они могут варьироваться в зависимости от культуры и социальных условий. Некоторые авторы предлагают в качестве нижней границы выбрать возраст 50–55 лет. Исследователи снижают границу старших возрастных когорт до 50 или 55 лет, чтобы включить в них всех возможных потребителей товаров и услуг⁸. Чаще всего предлагается выделить четыре основные группы старших потребителей: 55–64, 65–74, 75–84, 85 лет и старше. Тем не менее, вопрос о нижней возрастной границе остается открытым. Это связано с тем фактом, что, к примеру, люди более молодого возраста могут нуждаться в товарах и услугах, которые обычно выбирают люди старших возрастных групп, и наоборот, что обусловлено как индивидуальными особенностями, ценностными приоритетами отдельных людей, так и определенными ситуациями, в которые попадают люди. Хронологический возраст остается наиболее популярным критерием для выделения потребительских групп. Вместе с тем ряд авторов считают, что хронологический возраст не является достаточным основанием для выделения группы старших потребителей⁹, так как нередко представители старших возрастных групп не соответствуют традиционному представлению о том, как должны выглядеть и вести себя люди данного возраста.

Представления о возрасте весьма вариативны, их содержательные характеристики меняются в зависимости от времени и места. Психологические и социальные аспекты возраста играют важную роль в идентификации старшей потребительской группы. В середине 1970-х гг. М. Роско предложил использовать дополнительные индикаторы, позволяющие, с его точки зрения, оценить потребительские предпочтения

старших потребителей: «возраст домохозяйства», «возраст рождения первого и последнего ребенка», «возраст братьев и сестер», «возраст первого использования продукта», «воспринимаемый возраст»¹⁰. Действительно, для идентификации возраста целесообразно учитывать целый комплекс взаимосвязанных переменных. Б. Барак и Л. Шиффман выбрали психологический возраст как основной критерий выделения потребительских групп. Респондентам предложили оценить, какой временной отрезок лучше отражает их возраст (20, 30, 40, 50, 60, 70, 80 или 90 лет)¹¹. Они выделили четыре основные переменные психологического возраста: ощущаемый возраст, воспринимаемый возраст, поведение и интересы. Эти четыре критерия вместе должны создать, по мнению авторов, целостную картину психологического возраста. Данные их исследований показывают, что многие люди старших возрастных когорт «чувствуют», «поступают», «интересуются» и «выглядят» как представители более молодых возрастных групп.

Это позволило предположить, что существует два типа старших потребителей в зависимости от их приверженности либо традиционным, либо инновационным ценностям. Инновационно ориентированные старшие потребители в сравнении с традиционно ориентированными обладают принципиально иными ценностями, взглядами и поведением. Они более уверены в себе, склонны к рискованным действиям и воспринимают жизнь как приключение, принимают изменения и готовы покупать инновационные продукты. Эта потребительская группа более восприимчива к новой информации. Следует отметить, что гендерные характеристики сильно влияют на потребительское поведение. Женщины остаются наиболее осознанными потребителями. Они чаще приобретают новые товары и лучше ориентируются в цене.

Поколенческие характеристики старших потребителей

Другим важным критерием выделения потребительских групп могут стать ценности. Исследования подтверждают связь личных ценностей с потребительским поведением и потребительскими предпочтениями. Можно с уверенностью сказать, что ценности старших потребителей сильно отличаются от ценностей других возрастных групп. Более того, внутри этой группы мы можем обнаружить людей с разными потребительскими ценностями.

Люди старших возрастных групп отличаются иными требованиями к обществу и государству. Результаты исследования, которое включало респондентов старше 60 лет, позволили выделить 34 основные ценности, характерные для этой возрастной группы¹². Это позволяет

сделать предположение о потребительских предпочтениях людей старших возрастных групп. Доминирующей тенденцией потребительского поведения и главной ценностью является независимость, которая придает людям старших возрастных групп уверенность в завтрашнем дне. Они склонны выбирать товары, которые расширяют их автономность. Таким же образом они воспринимают и финансовую безопасность – это возможность продолжить привычный образ жизни и способ преодолеть непредсказуемые ситуации. Старшие потребители ценят семейные связи и готовы тратить больше средств на близких. Особое значение имеет материальное благосостояние семьи и каждого отдельного ее члена¹³. Склонность материально помогать своим близким людьми старших возрастных групп воспринимается как форма поддержки и способ создать крепкие эмоциональные связи¹⁴. Таким образом, мы видим, что люди старших возрастных групп сильно ориентированы на социальные ценности и семейные отношения.

Вместе с тем материальные ценности не исчезают из их интересов. Люди старших возрастных групп готовы тратить средства на товары и услуги, которые помогут им почувствовать себя счастливыми и удовлетворенными жизнью. Они выбирают товары и услуги, которые могут обогатить их жизнь, позволяют общаться с другими людьми или расширять возможности. Представители старших возрастных групп получают наибольшее удовлетворение от социальной активности и практик, которые требуют личного участия. Старшие потребители предпочитают товары и услуги, которые расширяют их опыт. Важное условие при выборе товаров и услуг старшими потребителями – они должны снижать страх перед физической и материальной зависимостью. Поэтому старшие потребители тратят больше средств, чем другие потребительские группы, на оздоровительный туризм, досуговые практики, медицинские услуги и товары. Существенным фактором потребительского поведения является самоощущение людей.

Большинство исследователей согласны, что различные стили потребительского поведения и потребительские ориентации не исчезают с возрастом. Это позволяет выделить общие черты потребительского поведения, характерные для старших потребителей одного поколения. Многие исследователи отмечают, что пожилые люди воспринимают себя моложе своего хронологического возраста. И их поведение соответствует поведению более молодых демографических групп. Специфика российского общества заключается в том, что у нас есть несколько конкурентных типов потребления среди людей старших возрастных групп, которые сильно различаются потребительскими ценностями. Мы можем выделить две большие социальные группы, различающиеся по типу потребления: постсоветский

тип и советский тип потребления. Представители этих социальных групп выросли в разных социокультурных условиях, и их потребительские предпочтения будут определяться ценностями и жизненным опытом.

Другой вопрос, который недостаточно рассмотрен в научных исследованиях: как люди, социализировавшиеся в советский период, приспособляются к новой системе потребления? Люди старших возрастных групп могут сравнивать советскую и постсоветскую вестернизированную систему потребления. Можно согласиться с исследователями, которые утверждают, что советская потребительская культура и современная западная потребительская культура, принципиально различаются. Советская пуританская идеология во многом определяла форму потребления. Ограниченность потребительских товаров создала новую форму потребительской культуры, в основе которой находился реципрокный обмен дефицитными товарами, поэтому потребление носило более бережливый характер. Советское осознанное потребление основывалось на государственном ограничении товаров. Другая специфика советского типа потребления – отсутствие информации и рекламы товаров. Можно предположить, что люди, которые социализировались в советский период времени, другому воспринимают информацию о товарах и услугах. Опыт советской культуры потребления определяет потребительское поведение многих старших потребителей.

В заключение следует отметить, что сегодня не существует единого представления о ценностях и поведении старших потребителей. Очевидно, что эта социальная группа обладает специфическими чертами, отличающими ее от более молодых потребителей. Вместе с тем привычные представления об этой социальной группе не отражают действительность. Старшие потребители более восприимчивы к новой информации и новым товарам, чем это предполагали раньше. Главной теоретико-методологической задачей остается сегментирование этой группы на основе критериев, которые отражают ее специфику. Можно с уверенностью сказать, что старшие потребители – это не гомогенная категория. Среди людей старших возрастных групп можно выделить людей традиционного потребительского типа и людей инновационного потребительского типа, которые отличаются потребительскими ценностями и поведением.

Примечания

- 1 См.: Всемирная организация здравоохранения : [сайт]. URL: <http://www.euro.who.int/ru/health-topics/Life-stages/healthy-ageing/data-and-statistics> (дата обращения: 20.09.2019).
- 2 См.: Мадридский международный план действий по проблемам старения : принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения 8–12 апреля 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 20.09.2019).
- 3 См.: Пересмотр мировых демографических перспектив на 2019 год. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 20.09.2019).
- 4 См.: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.09.2019).
- 5 См.: Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года : утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya25.html> (дата обращения: 20.09.2019).
- 6 См.: *Dychtwald K.* Age power. N. Y. : Putnam, 1999.
- 7 См.: *Шерешева М. Ю., Валитова Л. А., Березка С. М.* Потребительское поведение россиян возрастной категории 50+ : пилотное исследование // *Вестн. СПбГУ. Менеджмент.* 2017. Т. 16, вып. 2. С. 242–267. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2017.203
- 8 См.: *Moschis G. P., Lee E., Mathur A.* Targeting the Mature Market : Opportunities and Challenges // *Journal of Consumer Marketing.* 1997. Vol. 14, № 4. P. 282–293. DOI: 10.1108/07363769710188536 ; *Leventhal R. C.* The Aging Consumer What's All the Fuss About Anyway? // *Journal of Consumer Marketing.* 1991. Vol. 8, № 1. P. 29–34.
- 9 См.: *Елютина М. Э., Темаев Т. В., Штейнберг И. Е.* Интегрированная старость : практики социального участия. Саратов : ИЦ «Наука», 2007.
- 10 См.: *Roscoe M., LeClaire A., Schiffman L.* Theory and management applications of demographics in buying behavior. *Consumer and industrial buying behavior.* N. Y. : North-Holland, 1997. P. 67–76.
- 11 См.: *Barak B., Schiffman L. G.* Cognitive age : Anon-chronological age variable // *Advances in consumer research.* 1981. Vol. 8. P. 602–606.
- 12 См.: *Wolfe D. B., Snyder R. E.* Ageless Marketing. Chicago : Dearborn Trade Publishing, 2003.
- 13 См.: *Елютина М. Э.* Супружеские отношения в пожилом возрасте // *Социс.* 2010. № 11 (319). С. 83–92.
- 14 См.: *Елютина М. Э., Чеканова Э. Е.* Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // *Социс.* 2003. № 7 (231). С. 43.

Образец для цитирования:

Иванов Д. Л. Проблематизация потребительского поведения старших возрастных групп // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2020. Т. 20, вып. 1. С. 14–17. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-14-17>

Cite this article as:

Ivanov D. L. Problematization of Senior Age People Consumer Behavior. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology,* 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 14–17 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-14-17>

УДК 316.334

Детско-родительские конфликты в контексте цифровизации повседневности

О. В. Понукалина

Понукалина Оксана Викторовна, доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической психологии и психологии государственной службы, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, okspo@list.ru

Статья посвящена исследованию обстоятельств, на фоне которых происходит возникновение детско-родительских конфликтов. При этом учитывается контекст цифровизации повседневности. Артикулируется, что под влиянием цифровых технологий происходит реконструирование отношений детей и родителей. В современной ситуации мы выделяем несколько противоречивых тенденций развития детско-родительских отношений. Среди них активное привлечение технических устройств – гаджетов, девайсов – для выполнения ряда родительских задач. В свою очередь, современные дети и подростки – «цифровые аборигены» – ощущают себя на равных или выше своих родителей в вопросах овладения возможностями Интернета. Конфликты усиливаются из-за непостоянства и размытости правил, амбивалентности в реакциях на нарушение, или «двойных стандартов», когда один родитель поощряет, а другой запрещает использование гаджета. Выявляется тенденция к усилению прав детей и не всегда адекватное реагирование на это родителей. При этом сохраняются предпочтения традиционных методов воспитания, таких как упреки и назидания. На фоне детоцентризма наблюдается тенденция наделять ребенка все более значимым местом в структуре семьи, отношение к нему как к «проекту». Стремление родителей максимально загружать ребенка, инвестировать в его развитие подкрепляется идеями «родительского перфекционизма». Это часто способствует формированию завышенных ожиданий, чрезмерной фиксации внимания на социальных оценках поведения и достижений ребенка. Выявлена склонность родителей обозначать в качестве причины недопонимания с детьми их увлеченность гаджетами. Не отсутствие взаимного доверия и понимания в отношениях, а именно компьютеры и гаджеты как причина конфликтов наиболее часто указывались родителями.

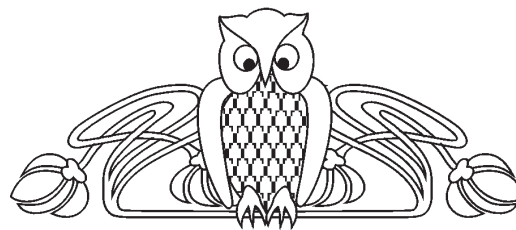
Ключевые слова: детско-родительские отношения, цифровизация, конфликты, гаджеты, дети, родители.

Child-Parents Conflicts in the Context of Everyday Life Digitalization

O. V. Ponukalina

Oksana V. Ponukalina, <https://orcid.org/0000-0003-4348-7296>, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia, okspo@lis.ru

The article is devoted to the study of the circumstances forming the background of child-parents conflicts. The investigation takes into account the context of everyday life digitalization. It is stated that at

present children and parents relations are reconstructed under the influence of digital technologies. Nowadays, several contradictory trends in developing of child-parent relations are identified. They include active involvement of technical devices-gadgets, and the ones for fulfilling parents' tasks. In their turn, contemporary children and adolescents - «digital natives» feel equal or superior to their parents in terms of mastering the Internet opportunities. The conflicts are enforced because of violence and uncertainty of the rules, ambivalence of the reactions to them («double standards») with one parent encouraging and the other one prohibiting the use of gadgets. The tendency of endowing children with more significant places in family structure and treating them like «a project» is revealed. At the same time, the preferences of traditional education methods, such as reproaches and edification, remain. The desire of parents to occupy the child as much as possible, to invest in his/her development is supported by the ideas of «parental perfectionism». This often contributes to parents' aspiration for overstating expectations, extensive attention to social evaluation of a child's behavior. The tendency of parents to designate children's enthusiasm for gadgets as the cause of mutual misunderstanding is revealed. The parents most often pointed out that not the lack of mutual trust and understanding in the relations, but namely computers and gadgets cause the conflicts.

Keywords: child-parent relations, digitalization, conflicts, gadgets, children, parents.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-18-22>

Тема цифровизации повседневности и связанные с ней конфликтные формы социального взаимодействия приобретает все большую актуальность. Сами технические устройства – гаджеты и девайсы – часто становятся причинами раздоров и конфликтов детей и родителей. Но еще более существенным оказывается тот факт, что под влиянием цифровых технологий происходит реконструирование детско-родительских отношений.

Традиционно к исследованиям особенностей детско-родительских отношений обращено внимание социальных психологов. С точки зрения социологов, этот социальный феномен определенным образом способен повлиять на ход социального развития. Так, согласно мнению С. Н. Майоровой-Щегловой, форматы складывающихся детско-родительских отношений, доминирующих в настоящем, являются неким ресурсом развития социума в будущем¹. Они подразумевают двойственность и взаимозависимость в отношениях между взрослыми и маленькими членами семьи. Если их развитие идет по деструктивному сценарию, происходят конфликты, соперничество, отчуждение. С нашей точки зрения, в настоящее время своеобразие детско-родительских

отношений существенным образом обусловлено цифровизацией повседневности.

С опорой на теоретический анализ публикаций в области социологии детства и семьи, вторичный анализ данных соцопросов и исследований в сфере семейной психологии, выводы собственных эмпирических исследований (2016–2019 гг.) в рамках данной статьи представим некоторые факторы, на фоне которых сегодня все чаще разворачиваются детско-родительские конфликты.

В 1982 г. Н. Постманом была сформулирована социологическая концепция, согласно которой в современном обществе наблюдается исчезновение детства. В рамках данного подхода артикулируется «раннее взросление», которое приводит к слиянию детства и взрослости.

Согласно Постману, совершился некий оборот истории, и сегодня, как и на заре появления человечества, детство перестает существовать. Примерами тому автор приводит факты повышения уровня информированности детей по ранее табуированным темам – вопросам болезней и смерти, акцентуации внимания на теме сексуальных отношений и деньгах и т. д.²

По мнению Х. Хенгста, в результате усилий взрослых, их осознаваемых и часто неосознаваемых действий детство обращается в «фикцию», что в конечном счете приводит к «ликвидации детства»³. С нашей точки зрения, обратная сторона этого процесса – «инфантилизация» мира взрослых, проявляющаяся в тенденциях игризации повседневности, сближении сфер труда и досуга, обучения и развлечения, тенденциях фриланса, «дауншифтинга» и «чайлд-фри». «Кидалты» – взрослые «дети», предпочитающие одежду, по стилю схожую с детской, такие же развлечения и беззаботность.

По нашему мнению, тенденции к слиянию детства и взрослости в условиях цифровизации проявляются в процессах освоения и скорости освоения цифровых технологий детьми и их родителями. Осведомленность детей, особенно подростков, в отношении информационных технологий, возможностей как содержательного онлайн контента, так и технических характеристик способствует не столько «отставанию» родителей, сколько отсутствию «опережения».

В настоящее время уже с момента появления детей на свет цифровая индустрия предлагает на выбор родителям разнообразие устройств по уходу за ребенком (например, видео- и радио-няни). Дальше, по мере взросления ребенка, родители имеют возможность делегировать девайсам развитие познавательных функций, заботу о безопасности. Нередко вовлечение внимания ребенка в детское информационно-коммуникативное пространство дает возможность высвободить свободное время родителям. Все это погружение детей в ИКТ изменяет традиционные взаимоотношения родителей и детей. Привычным источником зна-

ния, а порой собеседником и наставником для современных детей становятся гаджеты с различными встроенными приложениями – «окей, google», Siri, Алиса, которые все чаще играют роль посредников между детьми и родителями.

Способность к действию, свойственная только человеку, в социологической традиции закрепляется традиционным представлением о действующем акторе. Но уже с середины 80-х гг. XX в. в рамках подхода «социология науки и техники» (STS) зарождается направление, принципиально изменяющее представления о действиях и взаимодействиях – акторно-сетевая теория.

Актантом становится тот, кто вовлекается в социальное действие и сам производит социальное действие. Идея гетерогенности материального и нематериального дает исследовательскую возможность рассматривать человека и его техническое устройство как некую взаимно-интеграционную сеть⁴. В данном контексте «не-человеческие» объекты наделяются способностью к действию. Другими словами, девайсы как действующие актаны способны конструировать/регулировать взаимоотношения людей.

Девайсы способны «расцепить» ребенка и взрослого благодаря проникновению в качестве посредников в детско-родительские отношения: детские браслеты безопасности, мониторы активности (например система мониторинга дыхания младенца) и т. д., что способствует увеличению физической дистанции между детьми и взрослыми, при этом сохраняя функции контроля. Это же обстоятельство повышает доверие, привыкание ребенка к девайсам, усваивается как норма современного общества, потребность быть всегда в режиме онлайн.

Я всегда могу проследить, где мой ребенок по геолокации в телефоне. Мне так спокойнее. Еще создаю с ним раз 10 на дню, не представляю уже как без этого жили раньше... (жен., 30 лет. Речь о ребенке 8 лет). Здесь и далее представлены выдержки из фокус-групп, проводимых с родителями детей различного возраста. Серия фокус-групп и интервью со взрослыми ($n = 55$) и интервью-игра с детьми в возрасте от 6 до 11 лет ($n = 15$), интервью с подростками 13–16 лет ($n = 30$) в рамках исследования «Особенности детско-родительских отношений в контексте цифровизации повседневности». Исследование проводилось под руководством автора статьи в 2018–2019 гг. на базе деятельности Центра семейной терапии г. Саратова; в нем приняли участие более 50 семей, проживающих в Саратове и Саратовской области.

С одной стороны, обращение к техническим устройствам и Интернету помогает выполнению ряда родительских задач, так же как и выполнению школьных домашних заданий, но, с другой стороны, с аддиктивным поведением в Интернете и потерей родительского контроля над этим процессом. В ситуации проявления родитель-

ской власти – *Я сказал – оторвись от телефона/планшета/гаджета!* – многие дети демонстрируют мощное сопротивление.

В свою очередь, современные дети и особенно подростки ощущают себя на равных или превосходящими своих родителей в вопросах овладения возможностями Интернета. По мнению подростка, взрослые ничему новому не могут его научить или сами некомпетентны: *Они только и могут, что кричать, да грозить инет вырубить... а там самое интересное, не то, что уроки скучные, ну родителям этого не понять все равно... они не знают, что там и деньги можно зарабатывать...* (мальчик, 13 лет).

По мнению М. Мид, в историческом процессе можно выявить три типа культур: в постфигуративных культурах молодое поколение учится у своих предков; в условиях кофигуративных культур молодые и взрослые обучаются, в первую очередь, у своих сверстников и равных себе по опыту; а вот в префигуративных – новое поколение быстрее усваивает знания и инновации, родители, по сути, должны обучаться у своих детей⁵.

Признак префигуративной культуры сегодня – когда некоторые дети разбираются в вопросах, относимых к цифровой грамотности лучше, чем родители, и осознание некоего своего превосходства ведет к усилению конфликтности.

Дети, рожденные в начале XXI в., по выражению М. Пленски, – «digital natives» («цифровые аборигены»)⁶. В отличие от своих родителей, осваивающих цифровые технологии в более старшем возрасте, современные дети растут и развивают коммуникативные навыки непосредственно в цифровой среде. Согласно культурно-исторической теории Л. Выготского, высшие психические функции, такие как восприятие, внимание, мышление, память, социальны по своему происхождению, и их формирование и развитие обусловлены доминирующими трендами развития общества и культуры⁷. *Недавно за малышом своим наблюдала, ему 2,5 года..., мы в окошко смотрели, и я ему говорю: «Смотри, какая кошечка идет по двору!». А он пальчиками так по стеклу водит... Тут я поняла – он как по экрану... хочет раздвинуть и разглядеть лучше...* (жен., 25 лет).

Мощным неформальным агентом социализации для детей и подростков сегодня ставятся социальные сети, влияние которых сложно контролировать. «Цифровая социализация» проявляет себя в том, что дети школьного возраста чаще всего воспринимают Интернет не как совокупность инструментов для получения информации или средств коммуникаций, а как некую среду обитания⁸. Родители же не всегда осведомлены об особенностях этой детской культуры цифровой повседневности. *Я раньше думала – пусть ребенок дома посидит, это не так опасно, чем одному по улицам вечером... а сейчас уже на улице то и не выгонишь – до полночи в планшете... а вот там то и не знаешь, чем они занимаются...*

(жен., 32 года). В этой связи внимание родителей и общества в целом к вопросам цифровой безопасности детства приковано постоянно.

По данным ВЦИОМ, 62% россиян полагают, что запрет на использование мобильных телефонов и смартфонов в школьных классах позитивно скажется на учебном процессе. В то же время полный запрет устройств на всей территории школы не поддерживают 55% респондентов⁹. С нашей точки зрения, конфликтность в детско-родительских отношениях усиливается в ситуации непонимания родителями, их растерянности – каким образом себя вести по отношению к гаджетам. Диапазон вариантов – от полных запретов на использование до попустительского безразличия: *Да пусть сидит в компьютере сколько угодно, само пройдет* (муж., 34 года).

Растерянность часто сопровождается непостоянством правил, размытостью их формулировок, амбивалентностью в реакциях на нарушение, или «двойными стандартами», когда один родитель поощряет, а другой запрещает использование гаджета. Часто ребенок становится свидетелем увлеченности самих родителей коммуникативными и игровыми возможностями гаджетов. *Скандалов в семье много, конечно, из-за гаджетов этих... Я сыну строго запрещаю, когда от там долго... а вот жена... то сует ему сама планшет, когда занята чем-то, то орет – «иди сделай с ним что-нибудь, чтоб вышел из телефона»...* (муж., 35 лет. Речь о ребенке 5 лет). Также отрицательно сказывается на взаимоотношениях одно-стороннее ультимативное принятие правил, без обсуждения их с детьми подросткового возраста.

В ходе исследования нами были обнаружены не единожды ситуации, когда родители включают цифровой объект в систему «вознаграждений-наказаний». *У нас в семье главное наказание для сына – отобрать телефон..., ну или интернет отключить... Уже больше ничего не действует... Да и это тоже...* (жен., 36 лет). Однако, по нашим наблюдениям, это только способствует усилению желательности гаджета и демотирует ребенка к тому, что его вынуждают делать.

Таким образом, технические устройства как воплощение цифровизации, встраиваясь в детско-родительские отношения, способствуют их реконструированию, зачастую порождая конфликты. Но, как показало наше исследование, существует тенденция «приписывания» гаджетам ответственности за возникновение конфликтов, хотя причины сложностей в отношениях могут быть вызваны совершенно иными обстоятельствами. *Если бы не эти компьютерные игры бесконечные и сотовые..., меньше бы было в семье скандалов и криков, зло одно от них...* (муж., 32 года). При этом влияние цифровых технологий на повседневность для взрослых людей ими самими рассматривается скорее положительно. *Да, что там говорить... возможности Интернета сегодня жизнь облегчают значительно, и*

для работы, и для обучения, поиска информации и общения... (муж., 32 года).

С. Н. Майорова-Щеглова выделяет несколько факторов, носящих деструктивный характер как для детско-родительских отношений, так и для общества в целом. Среди них – изменение структуры семьи и внедрение идей прав ребенка¹⁰. С нашей точки зрения, данные обстоятельства многими родителями практически не осознаются и не рассматриваются как возможный источник роста напряженности и конфликтов в отношениях. Хотя, по сути, таковыми являются.

Тенденция усиления прав детей проявляется в наделении ребенка все более значимым местом в структуре семьи, в различных социальных институтах и обществе в целом. Дети порой лучше осведомлены о своих правах, черпая сведения из Интернета, посещая различные мероприятия, ориентированные на детей, где разъясняются их права, звучат советы просветителей и волонтеров-информаторов.

Дискурс о правах ребенка сегодня часто разворачивается в средствах массовой коммуникации. Достаточно большой процент россиян (57%) придерживаются мнения, что взрослым необходимо с детьми вести себя как с равными. Еще больший процент (60%) полагают, что ребенок может вступать в споры с родителем и возражать ему¹¹. *Я много читаю публикаций сейчас о правах ребенка... нельзя ущемлять его личность... У меня трехлетняя дочь и я часто ей сама предлагаю выбор... ну что одеть там, или что ей кушать... любит она командовать... я умиляюсь... Правда, капризов и истерик все больше и больше... когда она начинает выбирать то, что будет вредным... тогда не знаю, что с этим делать* (жен., 25 лет).

По данным исследований в области семейной психологии, когда маленький ребенок оказывается в ситуации отсутствующих/размытых/противоречивых правил, устанавливаемых взрослыми с учетом его потребностей и в интересах его развития, нарушается принцип безопасности – степень тревоги и беспокойства ребенка значительно возрастает¹². По мере взросления детей количество правил, их содержание и границы, способы их принятия, безусловно, должны пересматриваться.

Права предполагают ответственность: согласно Конституции РФ и Семейному кодексу, ответственность за ребенка несут родители. *У меня сын двух лет. Недавно поранился сильно об мои инструменты строительные... Ну что делать, он сам так решил...* (муж., 26 лет). С нашей точки зрения, возможно, из-за недопонимания содержания дефиниций может возникнуть ситуация, когда инфантильность родителей, а порой просто их халатность объясняется правами ребенка.

Несмотря на дискурс о правах ребенка, распространенные методы воспитания сегодня – наставления и нравоучения, часто высказываемые в назидательной форме. Так, по данным ВЦИОМ,

их практикуют 80% респондентов, при этом 78% опрошенных указали на то, что, будучи детьми, также их выслушивали. Среди воспитательных методов нашего времени – запрет на использование компьютера (о его применении говорят 43% родителей)¹³.

Наделение ребенка более значимым местом в структуре семьи определенным образом связано с противоречивыми тенденциями, бытующими в современном обществе. Например, такими, как «детоцентризм» – отношение к детям как к самой большой ценности, с одной стороны, а с другой стороны – тенденции к «уничтожению детства», проявляющиеся в сокращении рождаемости детей по мере повышения материального благосостояния современного общества¹⁴.

Также дети занимают особое место в семейной иерархии, когда, например, выполняют роль «дочь-подружка» (мама делится с ребенком «взрослой» информацией об отношениях с ее папой) или «единственный взрослый» (инфантильные родители привлекают ребенка к решению сложных взрослых проблем). В неполных семьях ребенок может занимать роль отсутствующего супруга – эмоционально. Причем как позитивно – быть в очень сильной эмоциональной связи (*мой свет в окошке*), так и негативной (*такой же, как и твой отец – никудышный*). Исследования показывают, что «недетские» роли для ребенка чреваты повышенной тревожностью, возможно, отстраненностью от своих сверстников, что уже само по себе способствует нарастанию конфликтного потенциала. Кроме того, зачастую авторитет родителей при нарушенной структуре семьи в глазах ребенка падает.

Стремление родителей максимально загружать и развивать ребенка, также связанное с тенденциями детоцентризма, зачастую приводит к обратным результатам, проявлению демотивации ребенка к познавательной активности. *Он ничего не хочет, ни учиться, ни в секции ходить, только компьютерные игры на уме...* (муж., 41 год. Речь о мальчике 11 лет). С нашей точки зрения, отношение к ребенку как к «проекту», в определенной степени связанное с воплощением родительских амбиций, препятствует пониманию его потребностей. *Представьте, мне 8-летняя дочь заявляет: «Тебе надо, ты и ходи на свои секции, мне не интересно». А интересно ей только в гаджетах... «Ты не уважаешь мои интересы», – заявляет она мне...* (жен., 32 года).

По данным исследований, опубликованным в «Российской газете», в крупных городах траты родителей на дополнительное образование детей могут составлять до трети зарплаты. Около 20% родителей нанимают репетиторов, примерно столько же признаются, что устают постоянно сопровождать детей в кружки¹⁵. Тема «инвестиций» в ребенка, подкрепленная идеями «родительского перфекционизма», приводит к завышенным ожиданиям, усиленному вниманию

к социальным оценкам поведения и достижений ребенка. Если эти ожидания вступают в противоречия с потребностями и потенциалом ребенка, не соответствуют его возрасту или особенностям развития, возникает конфликтное напряжение.

Нами обнаружено, что склонность родителей видеть причины недопонимания с детьми только их интересом к гаджетам сильно упрощает ситуацию, но является наиболее привлекательным для родителей объяснительным конструктом, позволяющим «перераспределить» ответственность за происходящее. Между тем что первично – недопонимание в детско-родительских отношениях или вовлеченность в технические устройства – остается дискуссионным вопросом.

Таким образом, под влиянием цифровых технологий происходит реконструирование детско-родительских отношений. Нами выявлены противоречивые тенденции, на фоне которых могут возникать конфликтные ситуации. С одной стороны, активное привлечение технических устройств – гаджетов, девайсов, в детско-родительские отношения как помощников/посредников, с другой – недостаточная четкость правил по поводу их использования как взрослыми, так и детьми.

С одной стороны, наблюдаются тенденции усиления прав детей, с другой – не всегда адекватное реагирование на это родителей. При этом сохраняются предпочтения к традиционным методам воспитания, таким как упреки и наказания. Наделение ребенка все более значимым местом в структуре семьи, отношение к нему как к «проекту» – порой эти тенденции вступают в противоречие с его актуальными на данный момент потребностями и задачами развития. С точки зрения родителей, наиболее привлекательной причиной, объясняющей возникающие противоречия и конфликты с детьми, является увлеченность детей и подростков гаджетами, а вовсе не отсутствие взаимного доверия и понимания в отношениях. Очевидно, что данная проблематика нуждается в более пристальных исследованиях.

Примечания

- 1 См.: Майорова-Щеглова С. Н. Социальные факторы, влияющие на деструктивность детско-родительских отношений // Вестн. НГГУ. Сер. Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 55–61.
- 2 См.: Постман Н. Исчезновение детства / пер. А. Ярин // Отечественные записки, 2004. № 3 (18). URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/3/2004_3_2.html (дата обращения: 08.06.2019).

- 3 См.: Hengst H., Zeiher H. (eds.). Die Arbeit der Kinder : Kindheitskonzept und Arbeitsteilung zwischen den Generationen. Muenchen : Verlag nicht ermittelbar, 2000.
- 4 См.: Ланур Б. Об интеробъективности // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М. : ИД «Территория будущего», 2006. С. 169–199.
- 5 См.: Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. Избр. произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева ; сост., авт. послесл., отв. ред. И. С. Кон. М. : Наука, 1988.
- 6 См.: Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816> ; Prensky M. The motivation of gameplay : The real twenty-first century learning revolution // On the Horizon. 2002. Vol. 10, № 1. P. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.1108/1074812021043134910>
- 7 См.: Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика, 1991.
- 8 См.: Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Роль родителей в повышении безопасности ребенка в интернете : классификация и сопоставительный анализ // Вопр. психологии 2013. № 2. С. 3–14.
- 9 См.: Мобильные телефоны в школах : запретить или оставить. № 4007. 15 июля 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9803> (дата обращения: 14.09.2019).
- 10 См.: Майорова-Щеглова С. Н. Указ. соч.
- 11 См.: ФОМ. Опрос населения : Воспитание детей. 13.05.2004. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/humdrum/home_family/family/d041823 (дата обращения: 10.05.2019).
- 12 См.: Варга А. Я., Хамитова И. Ю. Теория семейных систем Мюррея Боуэна // Моск. психотерапевт. журнал. 2005. № 1. С. 137–146.
- 13 См.: Ремень больше не работает, или о современных методах воспитания молодежи. № 3386. 1 июня 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1440> (дата обращения: 19.09.2019).
- 14 См.: Митрофанова С. Ю. Парадоксы детства // Детство XXI века : социогуманитарный тезаурус : тематический словарь-справочник / отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М. : Изд-во РОС, 2018. С. 176–181.
- 15 См.: Родители тратят до трети зарплаты на кружки и секции // Рос. газ. 02.04.2018. URL: <https://rg.ru/2018/03/26/issledovanie-roditeli-tratiat-do-treti-zarplaty-na-dopobrazovanie-detej.html> (дата обращения: 16.08.2019).

Образец для цитирования:

Понукалина О. В. Детско-родительские конфликты в контексте цифровизации повседневности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 18–22. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-18-22>

Cite this article as:

Ponukalina O. V. Child-Parents Conflicts in the Context of Everyday Life Digitalization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 18–22 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-18-22>

УДК 316.347

Some Aspects of Social Communication Phenomenon Evolution

B. R. Mogilevich

Bronislava R. Mogilevich, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, mogilevich@sgu.ru

The article is devoted to sociological reflection of social communication and channels typology. The chronotypes of communication process – genetic, psychological, and social are considered. The typology characteristics of communication processes in diachronic and synchronic aspects are presented. It is shown that communication typology reflects the humankind evolution, an individual being a social communication subject. The characteristics of social communication as a process of exchanging meanings in social space and time are given. The goals and social actions in the course of social communication are thoroughly investigated. Communicator's social actions at micro, midi, and macro levels of social communication are presented. The stages of communication channels, natural and artificial ones, as communicative mechanisms are notified. Particular attention is paid to the Internet as the communication channel of postindustrial information society. In conclusion, the dynamic nature of communication and its channels is stressed.

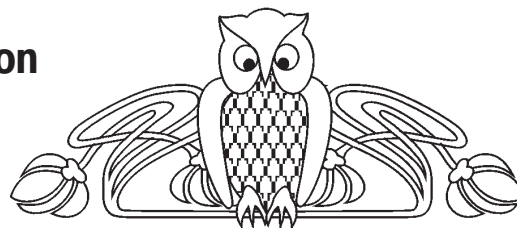
Keywords: social communication, social actions, micro midi and macro levels, communication channels, internet technologies.

Некоторые аспекты эволюции феномена социальной коммуникации

Б. Р. Могилевич

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mogilevich@sgu.ru

Статья посвящена социологической рефлексии типологии социальной коммуникации. Рассмотрены хронотопы коммуникативных процессов – генетический, психологический и социальный. Представлены типологические характеристики коммуникативных процессов в диахроническом и синхроническом аспектах. Показано, что типология коммуникации отражает эволюцию развития индивида как субъекта социальной коммуникации. Даны характеристики социальной коммуникации как процесса обмена смыслами в социальном пространстве и времени. Подробно представлены цели и социальные действия в процессе социальной коммуникации. Представлены социальные действия коммуникантов на микро-, миди- и макроуровнях коммуникации. Обозначены этапы становления коммуникационных каналов как механизмов социальной коммуникации, естественных и искусственных и их функций. Особое внимание уделено Интернету как коммуникационному каналу постиндустриального информационного общества. В заключение подчеркнут динамический характер эволюции социальной коммуникации и коммуникационных каналов.

Ключевые слова: социальная коммуникация, социальное действие, микро-, миди- и макроуровень, коммуникационные каналы, интернет-технологии.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-23-26>

Communication by its nature is the process of exchanging information leading to mutual understanding and activity, the social relations between society members being realized in its course. In its turn, communication may be considered from various points of view, the main ones are: the movement of material objects in geometrical space and astronomic time; the movement of ideal objects (meanings) in spiritual (virtual) space and time. The development of IT technologies, especially the emergence of the Internet, made it possible to consider virtual communication in virtual space and time as the movement of meanings. Chronotypes (space-time characteristics) define communication typology (Fig. 1). Thus, genetic chronotype as genetic programs in biological time and space implements material communication (transport, energy, population migration, and so on); psychological communication reflects spiritual individuals' characteristics filled with meanings, implemented on interpersonal level. As for social chronotype, it is presented as the movement of aggregated meanings obtained and developed in the course of social interaction.

An individual serves as a link between genetic, psychological and social communication types. For example, genetic communication supplies an individual with a social communication mechanism as neuro psychological, anatomical, articulation and speech abilities, aimed at establishing and maintaining social communication [1].

Psychological communication is formed as individuals' socialization when they take on various social roles, an addresser and an addressee in particular. Social communication is formed on the basis of genetic and psychological types, simultaneously with their formation and functioning. Thus, mental and speech organs and abilities are genetically inherited as they emerged and developed due to their relevance and evolution, whereas individuals' psychological development is influenced by their socialization levels. Thus, social communication represents the exchange of meanings, but not material properties. The thing is, that meanings exist not only in genetic, psychological and social types of communication, but at the same time represent material and cultural values, as well as natural phenomena. Meanings can be considered as a variety of social

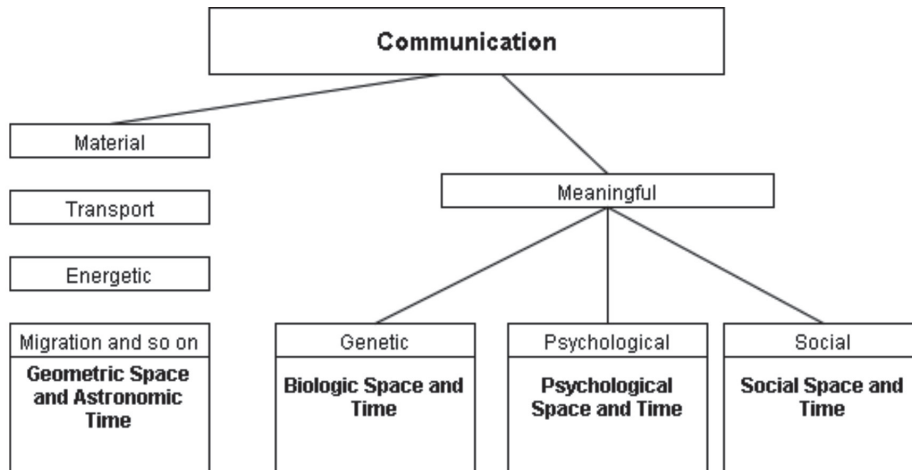

Fig. 1. Communication Typology [1, p. 31]

relations in the course of personal, groups', nations', states' and civilization' interactions. The meanings propagate in social space in the course of social interaction. Social space correlates with social time existing in society members' feelings and senses. In the course of time social senses and feelings cease to be actual and significant due to social life intensity. For example, social time in the period of wars and revolutions differs greatly from that one in peace. In the course of social communication an individual pursues the following goals: cognitive (propagating and acquiring information); motivating (stimulating actions); expressive (expressing and acquiring emotions) [2].

In the course of social communication (interaction of meanings) people perform three kinds of social actions. **Imitation** – an addressee accepts an addresser's meanings, imitation by itself represents the channel of propagation and implementing new meanings as new ideas and trends. It is due to imitation that traditions and customs inheritance takes place. **Dialog** – a subject-subject interaction, when partners are equal and unified from socio-psychological point of view. **Management** takes place in the case of subject-object relations, when an addresser occupies a superior position to an addressee. Moreover, an addresser considers an addressee as a means of achieving certain goals. These three kinds of social actions can complement each other or unite but one of them dominates.

Social communication functions of three levels, where all kinds of social actions are presented. The first level – micro communication takes place when both partners are active addressers and active addressees. The former performs imitation and dialog, the latter is engaged in dialog or management. The partners are presented by individuals, social groups, and society as a whole. Micro communication content is always conditioned by communicators' social attribution, and they perform: exchanging of ideas and points of view (a dialog), instructing subordi-

nates (management), copying actions and patterns (imitation). In the case of groups' interaction micro communication can function in the following forms: **references** (imitation but not by separate individuals but by social groups), **management** (administrating and leadership in a group or an organization), **socialization** (mastering official norms, ideals, and social values), **authorization** (despotic management of social and ethnic groups) [3].

Midi communication level is based on three forms of social communication – **fashion** (transmitting material forms, behavioral norms, ideas, possessing emotional positive impact and attraction for social groups); **negotiations**, in the form of multi subjective dialogs between social groups; **group hierarchy** (soldiers and commanders in the army, a rector and professors at universities and so on) where all interrelations are strictly regulated and adaptation to them is often accompanied by conflicts between the representatives of various nations, cultures and religions (for example, the exchange of meanings influencing spiritual and ideological life of society members – G. Galileo's, C. Marx's, and Z. Freud's theories).

Macro communication takes place in the form of interaction between states, cultures, religions and civilizations, and incorporates the following forms: **borrowing** achievements as macro communication imitation; **cultural interaction** under equal macro cultural dialog; **information aggression**. The history of cultural contacts between Russia and Europe is of great interest and can serve as an example. The Christianization of Russia at the end of the X century was the imitation of this event in Byzantine. By the middle of the XIV century Russian orthodox church got free from Constantinople domination, and Moscow state acquired political independence. Ivan IV (the Terrible) became an equal partner between European monarchs and the cultural dialog on the macro communication level between Russian and European countries was established and main-

tained. But in the twentieth century, soon after the end of World War II, information aggression on the macro cultural level took place – the so called “Cold War” between the USSR and its eastern European allies on the one side, and the USA and the countries of western Europe on the other side.

Social communication is distributed by means of communication channels (Fig. 2). Their number constantly increases according to the stages of humankind development – from primitive to post industrial stages. Natural communication channels emerge in the course of anthropogenesis while artificial ones were constructed by human beings themselves. Natural communication channels are based on humans’ attributed mechanisms for transferring meanings – verbal and nonverbal ones. Nonverbal mechanisms are widely and actively used at all levels of communication to express emotions and are presented by paraverbal communication channels. Verbal communication is inherent to humans only and the need for artificial communication channels emerges in the cases when an addresser and an addressee want to transfer social meanings to each other but are separated by social time and space. Two artificial communication channels came into being almost simultaneously and are presented as iconic documents (graphics and pictures on caves’ walls), and symbolic documents (talismans, idols, amulets). They performed the following functions: educational as experience transfer from one generation to another, intellectual aiming at development mental abstract activity; aesthetic as creating the sense of the beautiful [4, p. 113–116].

Communication channels provide contacts (virtual or real) for distributing information in the form of symbols, natural or artificial languages, codes, and electronic devices. It is noteworthy that communication activity makes it possible to distribute social meanings either in material or virtual space. According to McCluen, human progress is determined by communication channels development. The evolution can be presented as follows: archeocultural epoch is characterized by such communication channel as articulated speech; paleolithic gave

rise to writing; neocultural epoch used bookprinting and individual reading; modern epoch of postmodernism and information society uses electronic devices as communication channels [5].

It is quite appropriate to point out that evolution of social communication, in general, and communication channels, in particular, gave rise to emerging new communication devices to adequately correspond to modern social reality. The concept of postindustrial information society reflects the appearance of new communication channels – electronic devices and the invention of personal computers and subsequent mass computerization caused communication emancipation. Two main reasons of establishing information society – computerization and globalization stressed the significance of information exchange for civilization progress. It is known that information phenomenon acquired special importance even in the Medieval Times. In the course of time it is information that determined generation, evaluation, and transfer of communication information. Postindustrial society is characterized by the phenomenon of information power due to its universal nature and deep integrity in all spheres of humans’ lives [6]. New communication channels are presented by the Internet technologies, they exist in the form of various electronic servers (email, electronic encyclopedias, social websites, and so on). The most famous of them are Odnoklassniki, Facebook, YouTube, Telegram, etc. They have become an integral part of everyday life and changed humans’ status since the access to websites is every human being’s personal right. Moreover, the Internet as a modern communication channel contributes to widening socialization and unification of humans’ mutual activity, defending human rights, mutual environmental actions and charity. The number of Internet users is constantly increasing, for example, according to National Scientific Fund prognosis (the USA) by 2020 the number of Internet users will reach 5 billion people [7]. Modern communication channels provide humankind with various advantages, such as access to worldwide knowledge, democratization of interpersonal relations, constant receipt

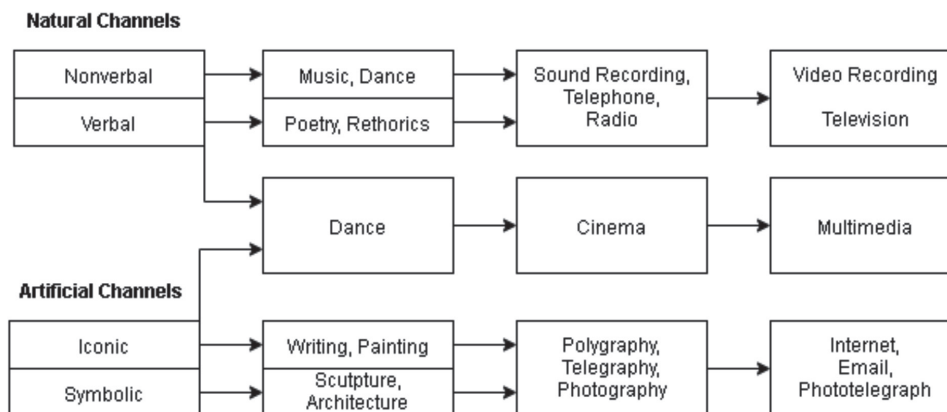

Fig. 2. The Evolution of Communication Channels [1, p. 86]

of information “here” and “now”, and improvement of life quality.

Thus, social communication is characterized as a complex, multi level and multi aspect process of exchanging social meanings in social time and space. This phenomenon possesses heterogeneous structure and unique forms of presentation at various levels of society development. Without taking into account these peculiarities it is impossible to comprehend the specific features of contemporary stage of social communication. Social communication is conditioned, in its turn, by appearance and evolution of communication channels which contribute to widening and maintaining social communication of humankind.

References

- ¹ Sokolov A. V. *Obschaya teoriya social'noi kommunikatsii* [General History of Social Communication]. St. Petersburg, Mihajlova V. A. Publ., 2002. 461 p. (in Russian).
- ² Pavilenis R. I. *Problema smysla. Sovremennyi logiko-smyslovoi analiz yazyka* [The Problem of Meaning. Contemporary Logic-Meaningful Analysis of Language]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 286 p. (in Russian).
- ³ Borev V. Yu. *Kul'tura i massovaia kommunikatsiya* [Culture and Mass Communication]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 303 p. (in Russian).
- ⁴ Nazarchuk A. V. *Teoriya kommunikatsii v sovremennoi filosofii* [The Theory of Communication in Modern Philosophy]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2009. 320 p. (in Russian).
- ⁵ Maklyuen M. *Galaktika Guttenberga. Stanovleniye cheloveka pechatayushego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2013. 496 p. (in Russian).
- ⁶ Castells M. *Informatsionnaia epokha: ekonomika, obschestvo, kul'tura* [Information Era: Economics, Society, Culture.]. Moscow, GU VShE Publ., 2000. 219 p. (in Russian).
- ⁷ Romanov O. V. *Filosofiya Interneta (genezis i sintez fundamental'nykh idey)* [The Philosophy of the Internet (Genesis and Synthesis of the Fundamental Ideas)]. Samara, Perspektiva Publ., 2003. 174 p. (in Russian).

Образец для цитирования:

Mogilevich B. R. Some Aspects of Social Communication Phenomenon Evolution [Могилевич Б. Р. Некоторые аспекты эволюции феномена социальной коммуникации] // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 23–26. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-23-26>

Cite this article as:

Mogilevich B. R. Some Aspects of Social Communication Phenomenon Evolution. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 23–26. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-23-26>

УДК 316.4

Трансформация социальной сферы в системе культуры повседневности

Р. В. Иванов

Иванов Роман Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Иркутский государственный университет, analiti@bk.ru

Статья посвящена анализу процесса трансформации социальной сферы в России. Задачами исследования являются: анализ актуальных образов в процессе формирования новой культуры повседневности; проведение сравнительного анализа образов культуры повседневности в связи с формированием общества потребления в сравнении с социальными образами постсоветского периода. Цель исследования: охарактеризовать процесс трансформации образов культуры повседневности на основе привлечения и анализа ряда современных исследований в области социологии. Посредством методов сравнительного и системного анализа рассматривается трансформация социальной реальности в системе новой культуры повседневности российского общества. Проблемами восприятия повседневности в разные периоды активно занимались исследователи. В качестве гипотез рассматриваются следующие: реальность образов повседневной жизни в большинстве случаев не подлежит сомнению, несмотря на неосмысленность, неопределенность, бессистемность в восприятии повседневности; социальные процессы как продукт человеческого сознания формируют и обновляют образы повседневности. Автор приходит к выводу, что в современном российском обществе постоянно нарастает популярность массовой культуры повседневности, которая по степени распространения и доступности направлена на людей с различным уровнем культуры, образования и материального достатка. В итоге повседневная культура и социальные образы повседневности глубоко взаимосвязаны и нуждаются в распределении и выстраивании классификации.

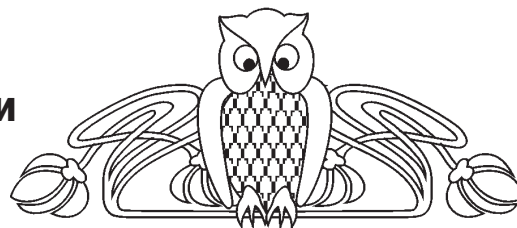
Ключевые слова: повседневность, образы культуры, социум, социальная реальность, культура повседневности.

Transformation of Social Sphere in Everyday Life Culture System

R. V. Ivanov

Roman V. Ivanov, <https://orcid.org/0000-0003-1500-9529>, Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia, analiti@bk.ru

The article analyzes the process of transformation of the social sphere in Russia. The goals of the study are: the analysis of topical images in the process of everyday life new culture formation; the comparative analysis of everyday life culture images in connection with consumer society formation in comparison with the post-Soviet period social images. The purpose of the research is to characterize everyday life culture images transformation process on the basis of attracting and analyzing a number of modern investigations in the field of sociology. The transformation of social reality in the everyday life culture new system of the Russian society is considered by means of comparative and system analysis methods. A lot of

researchers were actively engaged in the problems of perception of everyday life in various periods of time. The following hypotheses are considered: the reality of everyday life images in most cases is not doubtful despite the lack of meaning, uncertainty, unsystematic perception of everyday life; social processes as a product of human consciousness form and update the everyday life images. It is concluded that everyday life mass culture popularity is constantly growing in modern Russian society, because it is directed to people with different levels of culture, education and material prosperity in terms of distribution and accessibility. As a result, everyday life culture and social images are deeply interrelated and need to be distributed and classified.

Keywords: everyday life, culture images, society, social reality, everyday life culture.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-27-30>

Функционально социальные образы, формирующиеся в процессе развития культуры повседневности, направлены на сохранение социальной стабильности как в обществе в целом, так и в восприятии каждого индивидуума. З. М. Хаченцуков приводит определение: «...повседневность – это форма существования социальной реальности, поле социальных взаимодействий, образ реальности, содержащий стабильные личностные основания деятельности человека»¹.

Как отмечают В. А. Храпова и Я. М. Земцова, «в условиях, когда не работают социокультурные ориентиры, разрушаются общепризнанные нормы, и даже глубинные сферы межличностных отношений претерпевают серьезные структурные изменения»². Одна из основных тенденций в процессе трансформации культуры повседневности связана с динамичным преобладанием визуализации и виртуализации: «...на смену преобразованию мира средствами традиционных медиа приходит конструирование виртуальных миров»³. Трансформационные процессы в образах культуры повседневности связаны с системным конструированием разнообразных визуальных образов. «Под повседневностью понимается микроуровень социальности, мир, в пространстве которого в процессе социальных интеракций формируется социальное знание»⁴.

Смена ориентиров приводит к безотчетности, бессмысленности в восприятии повседневности. Подобные экзистенциальные характеристики, на наш взгляд, во многом соответствуют современному образу культуры повседневности. В частности, бессмысленность и безотчет-

ность в восприятии повседневности наиболее характерны для представителей современного российского общества. В повседневной жизни индивидуумы глубоко погружены в процесс выживания, обеспечения, ежедневной конкуренции в процессе потребления, в стремлении к росту доходов и т.д.

Современные исследователи Р. В. Алашева и Я. А. Макаенко при анализе повседневности закономерно обращаются к трудам М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, приводя следующие характеристики «модусов подлинного и неподлинного существования: неприметность (нетактичность, непредметность), непосредственность, самопонятность, безотчетность, бессмысленность повседневности...»⁵. Подобное восприятие повседневности как непосредственной и зачастую беспредметной активно и

повсеместно насаждается на фоне внедрения потребительской основы в образы культуры повседневности.

По своим характеристикам массовая культура представлена комплексами развлечений для снижения уровня социальной напряженности в обществе. На современном этапе развития социума наибольшую популярность приобрела массовая культура повседневности, которая по степени распространения и доступности направлена на людей с различным уровнем материального достатка. Как отмечает С. С. Метелева, «под культурой повседневности мы понимаем весь объем культуры, актуализированной в человеческой деятельности»⁶. Современные характеристики классических типов повседневности представлены в исследовании Т. Скопинцевой⁷:

Западный тип повседневности	Российский тип повседневности	Восточный тип повседневности
<ul style="list-style-type: none"> – жизнь человека запретна для вмешательства властей; – повседневность имеет свое культурное выражение, свою динамику; – повседневность определяет жизнь верхних слоев общества (из этого исходит западный тип социальности); – на базе массовой культуры сложились многочисленные стандарты жизни и образцы индивидуального поведения, на основе которых строится культура повседневности 	<ul style="list-style-type: none"> – повседневность разорвана (Н. Козлова), она не является самостоятельной; – повседневность не столько растет снизу, сколько оформляется сверху; – динамика повседневности не объясняет общую социокультурную динамику страны; – повседневность строится на традиционных ценностях, для значительной части сельского населения повседневность есть традиционность; – повседневность, как и культура в целом, создается на пути догоняющей модернизации; – повседневность не обладает запасом схем, типов, на которых могла бы органично создаваться и обновляться ее форма 	<ul style="list-style-type: none"> – повседневность на всех уровнях определяется народной традицией и устойчивыми схемами традиционной культуры; – традиционность внутреннего уклада не противоречит официальным схемам организации жизни, сложившимся на ее основе и не противоречащим ей; – в модернизационном процессе и в инновационных поисках активно используются традиционные компоненты (собственная основа культуры); – целостность традиционной культуры обеспечивает устойчивость и постоянство; в ряде культур отмечается отсутствие внешне выраженного движения, устойчивое сохранение традиций

Преобладающее значение для индивидуума в создании системы образов восприятия повседневности, прежде всего, имеет семья, при этом основное воздействие происходит не в процессе социализации, воздействия идеологии или религии, а через комплексное воздействие массовой культуры. В повседневном пространстве современные исследователи выделяют, кроме физического и культурного, «третий вид пространства, сконструированный сознанием человека»⁸. Повседневная культура и социальные образы повседневности глубоко взаимосвязаны и на современном этапе нуждаются в распределении и выстраивании классификации.

Устанавливая связи со ставшими классическими классификациями повседневности, следует упомянуть, что в своем исследовательском труде «Философия человека» М. М. Рубинштейн излагает оригинальную дифференциацию человека начала XX века: «Эти четыре группы свойств составляют из принадлежности человека к четырем сферам фактического существования: природы, индивидуальности, социальных образований и той идейной сферы,

которую мы в собственном смысле могли бы назвать культурой:

1. человек – детище природы;
2. он – индивид;
3. он – социален, так как нормально он не мыслим вне взаимоотношений с ему подобными в семье, обществе, народе, государстве, человечестве и т. д.; и не только в настоящем времени, но и в их прошлом, удержанном памятью и наследственностью;
4. он – сочлен культуры в том отношении, что он причастен в большей или меньшей мере к той идейной массе, где даны самосознание, ценности, цели, задачи, добро, истина, красота и т. д. ...»⁹

В современных отечественных исследованиях рассматриваются функциональные элементы социума с позиции подразделения культуры как элемента общественного развития на субкультуры: традиционную, массовую и креативную. В связи с этим А. К. Абдурахманов, Р. А. Жильцов, А. А. Живайкина обращают внимание на то, что «продукты массовой культуры могут помочь человеку отвлечься от житейских проблем, снизить

его недовольство своей жизнью, повисить стойкость перед лицом проблем, рассказать обычно-му человеку о достижениях передовой науки и техники»¹⁰.

Однако правомерно отметить, что общая тенденция стремления отвлекаться и отдыхать преобразуется в постепенный уход от реальной повседневности посредством погружения в мир массовой культуры. Как мы уже отмечали, «в связи с возрастающей визуализацией в культуре повседневности снижается уровень духовности и отзывчивости людей в бытовых вопросах»¹¹. В качестве гипотезы следует отметить, что для людей с низким уровнем культуры поведения и образования визуализация является катализатором, усугубляющим ограниченность и деформацию личности.

В современном обществе происходит поэтапное становление нового российского типа повседневности, в котором отсутствует логика социализации личности на коллективной и индивидуальной основе. В поиске стабильности и осознания себя личность обращается к ставшему наиболее доступным и пользующемуся всеобщим доверием в повседневности источнику – сети Интернет.

Подводя итог, отметим, что массовая культура у своих последователей формирует постоянную потребность приобщаться и полностью включаться в процесс культурного потребления, все время изменяя и модифицируя под себя мировоззрение, принципы и мораль индивидуумов. Таким образом, на современном этапе, отмечает С. С. Касаткина, «под повседневностью понимается микроуровень социальности, мир, в пространстве которого в процессе социальных интеракций формируется социальное знание»¹².

В отдельных бытовых ситуациях внутри социальных групп, семейных традициях и корпоративной культуре служебных коллективов традиционные нормы морали сохраняются и создают ощущение стабильности внутри малых групп. Функционально социальные образы, формирующиеся в процессе развития культуры повседневности, направлены на сохранение социальной стабильности как в обществе в целом, так и в восприятии каждого индивидуума.

Преобладающее значение для индивидуума в создании системы образов восприятия повседневности всегда имела семья, при этом основное воздействие происходит не в процессе социализации, влияния идеологии или религии, а через комплексное воздействие массовой культуры. Под влиянием продуктов и механизмов массовой культуры происходит смещение ориентиров в мировоззрении со служения семье на процесс потребления, который служит сам себе, т. е. на потребление ради потребления, а не ради обеспечения семьи, цитируя Е. Г. Пав-

лову, «жизнь нужно прожить так, чтобы об этом узнал Google»¹³.

Социальные ориентиры и образы радикально изменились, что способствует комплексным переменам во всех сферах жизни россиян, изменяя картину мира и социальную реальность. Отсутствие функционирующих социокультурных ориентиров, как отмечают исследователи В. А. Храпова и Я. М. Земцова¹⁴, является одной из фундаментальных предпосылок для постоянных, комплексных и непредсказуемых трансформаций личностного и общественного восприятия повседневности.

Примечания

- ¹ *Хаченуков З. М.* Социальный комфорт в контексте трансформационных процессов в структуре современной российской повседневности // Вестн. МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 216.
- ² *Храпова В. А., Земцова Я. М.* Визуальный поворот в культуре и становление нового образа социальной реальности // История, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6, ч. 2. С. 176.
- ³ *Дроздова А. В.* Роль визуальных образов в конструировании повседневности // Человеческий капитал. 2015. № 9 (81). С. 106.
- ⁴ *Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология : учебник. М. : Ключ-С, 1998. С. 74.
- ⁵ *Алашеева Р. В., Макакенко Я. А.* Постановка вопроса о бытии у М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра как основание для раскрытия смысла и значения образов повседневности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 4 (259). С. 105–106.
- ⁶ *Метелева С. С.* Образ повседневности в телевизионной рекламе // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. 2012. № 2 (30). С. 184.
- ⁷ *Скопинцева Т.* Теория и история культуры повседневности России : учеб. пособие. Оренбург : ОГУ, 2013. URL: <https://books.google.ru/books?id=Q74ODAAAQBAJ&pg=PT25&lpg=PT25&dq=символы+российско+й+повседневности&source=bl&ots=0fEEoWi60t&sig=kxcgA3HGvc2Si7NGv51oVpcvblM&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwiF9onli9PcAhUzb5oKHTfrCwYQ6AEwFXoECAIQAQ#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 03.09.2019).
- ⁸ *Козлова Н. Н.* Указ. соч. С. 99.
- ⁹ Цит. по: *Грузман Г. М. М.* Рубинштейн. URL: http://lit.lib.ru/g/gruzman_g/rubinstein.shtml (дата обращения: 22.08.2019).
- ¹⁰ *Абдурахманов А. К., Жильцов Р. А., Живайкина А. А.* Образ врача в массовой и элитарной культуре // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. Т. 7, № 6. С. 927.
- ¹¹ *Иванов Р. В.* Формирование социальных образов в культуре повседневности // Культура и взрыв : социальные смыслы в трансформирующемся обществе : материалы X Всерос. науч. интернет-конф. / под общ.

ред. О. А. Полюшкевич, А. Н. Пружинина. Иркутск :
Изд-во ИГУ, 2018. С. 191.

искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012.
№ 10, ч. 2. С. 74.

¹² Касаткина С. С. Когнитивный образ повседневности
российских городов // Исторические, философские,
политические и юридические науки, культурология и

¹³ Павлова Е. Г. Визуальный образ в медиапространстве
и повседневность // Социология. 2015. № 3. С. 109.

¹⁴ См.: Храпова В. А., Земцова Я. М. Указ. соч. С. 175–177.

Образец для цитирования:

Иванов Р. В. Трансформация социальной сферы в системе культуры повседневности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 27–30. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-27-30>

Cite this article as:

Ivanov R. V. Transformation of Social Sphere in Everyday Life Culture System. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 27–30 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-27-30>

УДК 314.334.54:72.025:728.226(470-23-25)

Развитие социальной модели организации жилищ в модернизируемых дореволюционных многоквартирных зданиях (на примере Санкт-Петербурга)

Д. С. Ковалев

Ковалев Дмитрий Сергеевич, главный архитектор ООО «БЭСКИТ», Санкт-Петербург, krofts@yandex.ru

В статье рассматривается возможность изменения социальной модели организации жилищ при реконструкции бывших доходных домов. Выявлены основные группы потенциальных потребителей жилья в центральных районах города, установлены их характерные запросы к качеству жилой среды. Определены условия для совместного проживания в одном здании потребителей квартир различных классов комфортности, а также блоков общественной функции. Полученные данные могут использоваться при разработке научно обоснованной методики выбора стратегии реконструкции бывших доходных домов, помочь инвесторам и архитекторам рационально использовать сложившиеся объемы зданий с учетом специфики запросов потребительских групп.

Ключевые слова: социальная модель потребления жилищ, доходные дома, исторический центр Санкт-Петербурга.

Development of Dwelling Organization Social Model in the Modernized Pre-Revolutionary Apartment Buildings (By the Example of St. Petersburg)

D. S. Kovalev

Dmitrii S. Kovalev, <https://orcid.org/0000-0003-1789-1340>, LLC «BESKIT», room 13-N, 19 Kirochnaya St., St. Petersburg 191123, Russia, krofts@yandex.ru

The article deals with the possibilities of dwelling organization social model under the reconstruction of the former profit houses. The main groups of prospective dwelling consumers in central districts are revealed and their characteristic requirements to living space quality are stated. The conditions for joint inhabitation in one dwelling of various degrees of comfort apartments consumers are defined, as well as social functions' block. The obtained data can be used for carrying out scientifically based methodic for the former profit houses reconstruction strategy and helping the investors and architects to rationally use the once made houses volume while taking into account consumers' groups specific requirements.

Keywords: social model of dwellings consumption, tenement houses, historic center of St. Petersburg.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-31-34>

Основное направление развития современных жилых домов – стратификация по признаку материальных возможностей приобретателей¹. Крайняя неравномерность имущественного распределения превратила квартиры в элемент демонстративного потребления². Вслед за обособ-

лением элитного сегмента жилищного рынка сформировался класс зданий для горожан со средними материальным достатком³. Такого рода практика имущественной сегрегации, спорная в условиях нового строительства, становится губительной при модернизации исторической застройки. Ориентируясь на высокую потребительскую ценность лицевых корпусов, инвестор не заинтересован в сохранении менее ликвидных дворовых частей зданий. Логика застройщиков имеет под собой основания: современные научные данные показывают, что внутриквартальный морфотип характерно отличается от лицевого пониженным эксплуатационным потенциалом. В условиях плотной ткани старых жилых кварталов отдельные дворовые корпуса могут не соответствовать нормативным требованиям к организации квартир для постоянного проживания⁴. Решением этой ситуации становится демонтаж дворовых флигелей, возведение на их месте новых многоэтажных жилых блоков или их перестройка⁵.

Цель нашего исследования – предложить модель социальной организации жилой среды модернизируемых доходных домов, которая может стать основой для разработки концепции их щадящей реконструкции, способствовать приоритетному применению неразрушающих методов реновации бывших доходных домов.

В задачи исследования входят:

– зафиксировать характерные группы приобретателей квартир в центральных районах г. Санкт-Петербурга, определить их базовые запросы к качеству жилой среды;

– выявить возможности рационализации социальной модели заселения зданий в условиях качественной неоднородности жилищ лицевого и внутриквартального морфотипов.

Изучение структуры потребительских запросов строилось на основе данных научных и литературных источников, собственных исследований. Автором был проведен социопрос в форме анкетирования с выборочным личным интервьюированием. Объем выборки составил 217 респондентов, приобретающих или планирующих приобретение жилища в историческом центре г. Санкт-Петербурга.

В статье не ставилась задача исторического анализа социальных моделей жилищ в центральных районах Санкт-Петербурга, однако стоит вспомнить наиболее значимые этапы:

а) до 1917 г. (дореволюционный период).

Социальная модель заселения здания включала все категории горожан: от проживавших в уличных корпусах обеспеченных нанимателей до беднейших городских слоев, арендовавших подвальные и чердачные помещения;

б) 1918–1991 гг. (эпоха СССР).

Социальная модель базировалась на государственном распределении жилищного фонда, где определяющую роль играла демография семей;

в) с 1991 г. по настоящее время (современный этап).

Социальная модель основана на имущественном цензе собственников: в прошедших реновацию зданиях размещаются квартиры, ориентированные на запросы горожан со схожими имущественными возможностями.

В предыдущих публикациях автором были установлены характерные параметры жилищ высокого и среднего потребительского уровня⁶.

Исходя из особенностей поставленной задачи, при составлении опросного листа учитывались:

– специфика щадящих методов реконструкции исторических зданий;

– необходимость ранжирования требований к жилой среде;

– оценка востребованности зарубежного опыта при организации жилищ.

Опрос приобретателей решал следующие основные задачи:

– сопоставить значимость стоимости, локации, видовых параметров жилищ в структуре запросов имущественных групп;

– определить характерные демографические типы семей приобретателей квартир высокой и средней комфортности;

– выявить характерные требования групп потребителей к составу и качеству элементов обслуживания на уровнях «микросреда – дом», связи жилищ с окружающей природной средой и их экологичности, а также к ближайшему соседству.

Проведенный опрос подтвердил градацию потребителей:

– в зависимости от уровня материальных возможностей (приобретатели респектабельных жилищ с высоким уровнем материальных возможностей и средней комфортности – с ограниченными финансовыми ресурсами);

– в зависимости от демографии семей (основная часть – одиночки и семьи с детьми).

Запросы указанных групп потребителей обобщены в таблице.

Обобщение данных результатов опроса приобретателей

Оцениваемый фактор	Оцениваемая потребительская группа			
	Обеспеченные потребители, %		Приобретатели со средними материальными возможностями, %	
	Одиночки	Семьи с детьми	Одиночки	Семьи с детьми
	Уровень «Микросреда»			
Престижность локации				
Связь с ценным градостроительным окружением				
Близость социальной инфраструктуры*				
Респектабельность инфраструктуры (в т.ч. социальной)**				
	Инфраструктурная насыщенность**			
Предприятия общественного питания	Д	Х		
Продуктовые магазины				
Спортивно-оздоровительные клубы	Д	Д		
Магазины, торгующие предметами повседневного пользования				
Предприятия, предоставляющие мэйк-ап услуги (салоны красоты, парикмахерские)				
Досугово-развлекательные заведения	Х	Х		Х
Культурно-образовательные учреждения (театры, музеи)				
Экологичность	освещенность и инсоляция			
	естественное проветривание			
	загрязнение выбросами автотранспорта			
	шумовой комфорт			

Окончание таблицы

Оцениваемый фактор	Оцениваемая потребительская группа			
	Обеспеченные потребители, %		Приобретатели со средними материальными возможностями, %	
	Одиночки	Семьи с детьми	Одиночки	Семьи с детьми
	Уровень «Дом»			
Охраняемая территория при здании				
Закрытая придомовая территория				
Придомовые рекреационные пространства				
Крытый отапливаемый паркинг				
Придомовая открытая автостоянка				
Количество машиномест в паркинге***	1 мм/чел.	1 мм/чел.	1 мм	1 мм
Гомогенность ближайшего соседства				
Дополнительная квартира для родственников, гостей или персонала				
Рекреационные пространства придомовые				
Рекреационные пространства приквартирные				
Дополнительные внеквартирные помещения хранения				
Искусственный микроклимат жилищ				
Условные обозначения:				
	высокая значимость			
	средняя значимость			
	малозначимый фактор			
Д	предпочтительно размещать в объеме здания			
Х	предпочтительно не размещать в объеме здания			

Примечание.* – школы, детские сады, поликлиники и проч.; ** – фактор рассматривался на примере уровня «микросреда», на уровне «дом» результат тождественен; *** – одно машиноместо на каждого взрослого члена семьи.

Проведенный опрос и выборочное личное интервьюирование респондентов позволили выделить ряд обобщений:

– все группы потребителей заинтересованы в однородном качестве ближайшего соседства. Однако приобретатель не откажется от покупки в случае организации в смежных корпусах жилищ другого класса комфортности при условии их достаточной изоляции (с разделением коммуникационных маршрутов, рекреационных пространств). Обеспеченные покупатели подчеркивали значимость разделения зон парковок и обслуживающей инфраструктуры, а семьи с детьми – и обособление рекреационных пространств;

– потребительская стоимость жилищ у горожан с высоким достатком связана с нематериальными факторами (локация, эмоционально-эстетическая ценность градостроительного окружения, респектабельность инфраструктуры). Приобретателями со средними возможностями достаточно проживания в престижных центральных районах, прочие их потребности связаны с возможностью получения товаров и

услуг в доме или шаговой доступности от него;

– неоднородность запросов у семей с различной демографической структурой связана с экологичностью жилищ. Санитарно-гигиенические характеристики имеют высокое значение для приобретателей с детьми и малозначимы для одиночек и пар без детей;

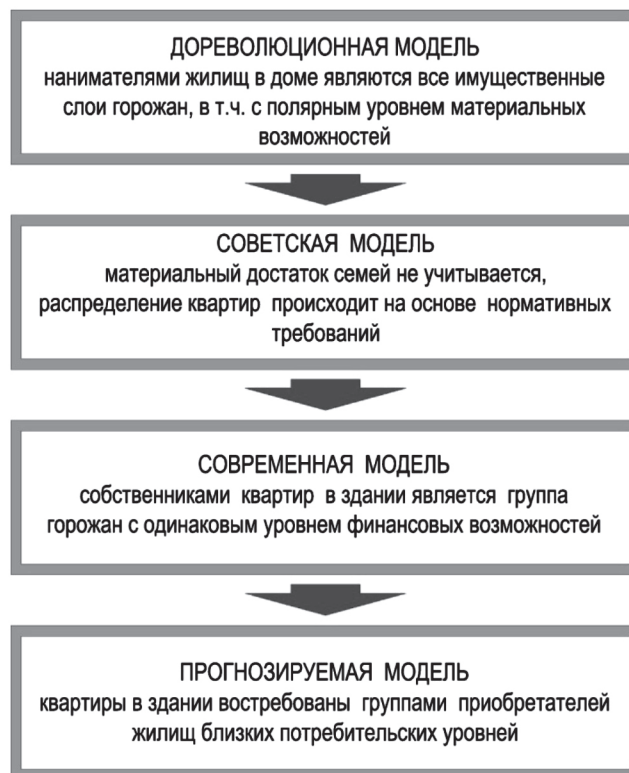
– во всех группах есть прослойка людей, нуждающихся во временном жилище и готовых поселиться во внутриквартальных условиях, – чаще всего это молодые одиночки или бездетные пары;

– соседство жилых блоков и встроенной общественной функции допускается только при условии их полной взаимоизоляции.

Подводя итог нашего исследования, отметим следующее.

Подтверждена значимость потребительского класса здания как определяющего критерия позиционирования статуса домохозяйства в социальном пространстве.

Предложена модель развития социальной структуры жилого дома, предусматривающая сегрегированное проживание горожан с различным уровнем материального благосостояния (рисунок).

Развитие социальной структуры жилого дома

Зафиксированы четыре основных типа приобретателей квартир в сегментах высокого и среднего потребительских уровней, выявлены их наиболее значимые запросы.

Определено, что внутриквартальный морфотип не соответствует требованиям к качеству жилой среды наиболее состоятельных покупателей (за исключением дополнительных квартир для временного проживания персонала, гостей и проч.).

Установлено, что субъективная потребительская оценка квартир, как правило, не изменяется при организации полностью изолированных от жилой части блоков общественной функции.

Сформирован социологический базис для разработки архитектурной методики выбора стратегии реконструкции доходных домов.

Примечания

¹ См.: Молчанов К. В. Динамика экономических статусов в процессе социоструктурной трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2004.

² См.: Галкин М. Н. Поведение потребителей среднего класса на рынке жилья крупного города европейской части России : дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2009.

³ См.: Ковалев Д. С. Оценка зданий высокого и среднего потребительского уровня в центре современного мегаполиса : дифференцирующие признаки // Архитектон : известия вузов. 2016. № 53. С. 35–47. URL: <http://old.archvuz.ru/PDF/%23%2053%20PDF/ArchPHE%2353pp35-47Kovalev.pdf> (дата обращения: 11.01.2020).

⁴ См.: Махровская А. В. Реконструкция старых жилых районов крупных городов (на примере Ленинграда). Л. : Строиздат, 1974.

⁵ См.: Лацева М. 16 исторических зданий, которые Петербург потерял при Полтавченко. URL: <https://m.mg7.ru/articles/56555/> (дата обращения: 31.01.2019) ; «Стокманн» : дом вырос, а мы причём? URL: <http://www.rosbalt.ru/piter/2010/03/19/721617.html> (дата обращения: 05.07.2018) ; Реновация на Лиговке. URL: <https://giper.livejournal.com/148980.html> (дата обращения: 05.07.2018).

⁶ См.: Ковалев Д. С. Указ. соч.

Образец для цитирования:

Ковалев Д. С. Развитие социальной модели организации жилищ в модернизируемых дореволюционных многоквартирных зданиях (на примере Санкт-Петербурга) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 31–34. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-31-34>

Cite this article as:

Kovalev D. S. Development of Dwelling Organization Social Model in the Modernized Pre-Revolutionary Apartment Buildings (By the Example of St. Petersburg). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 31–34 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-31-34>

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.42

Социальные технологии в формировании положительного социально-психологического настроения молодежи как фактора национальной безопасности Российской Федерации

А. И. Гребенюк, Н. С. Данакин, А. А. Гребенюк

Гребенюк Анастасия Игоревна, соискатель кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, scherbacovaa@gmail.com

Данакин Николай Семенович, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ Синергетики, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, synergy7@mail.ru.

Гребенюк Александр Александрович, старший преподаватель кафедры технологии цемента и композиционных материалов, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, alexander.grebeniuk@mail.ru

В статье рассматривается проблема негативного социально-психологического настроения в педагогическом коллективе и студенческом сообществе. Статья базируется на материалах эмпирического исследования весной 2019 г. в г. Белгород, БГТУ им. В. Г. Шухова, а также на вторичных результатах исследований по рассматриваемой проблеме. Анализ полученных данных позволил выделить важные проблемы во взаимодействии преподавателей вузов и студентов. При исследовании социальных технологий в контексте формирования положительного социально-психологического настроения, их векторов влияния и подходящих типов к использованию рассматриваются также возможные используемые средства реализации управленческих решений и действий.

Ключевые слова: социально-психологический настрой, социальные технологии, ценности молодого поколения, ценности преподавателей, мягкое управление.

Social Technologies in the Formation of Positive Social and Psychological Young People's Mood as a Factor of National Security

A. I. Grebenyuk, N. S. Danakin, A. A. Grebenyuk

Anastasiia I. Grebenyuk, <https://orcid.org/0000-0002-7677-3144>, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia, scherbacovaa@gmail.com

Nikolai S. Danakin, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia, synergy7@mail.ru

Alexander A. Grebenyuk, <https://orcid.org/0000-0002-9089-9755>, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 46 Kostyukov St., Belgorod, Russia 308012, alexander.grebeniuk@mail.ru

The article deals with the problem of negative socio-psychological attitudes between the university teaching staff and the students' community.

The article is based on the empirical research conducted in 2019 in Belgorod, BSTU named after V. G. Shukhov, as well as on the secondary results of the studies on this issue. The analysis of the data made it possible to highlight the important problems in the interaction between university teachers and students. In the course of investigating the social technologies in the context of formation of positive socio-psychological mood, their vectors of influence and suitable types of their usage, the possible means of management decisions and actions are also considered.

Keywords: social and psychological mood, social technologies, values of young people, values of teachers, soft management.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-35-39>

В условиях непрерывного изменения отношений между социальными группами, слоями и поколениями российское общество нуждается в использовании системы управления, удовлетворяющей потребности всех сторон взаимодействия и соответствующего времени. Учитывая тот факт, что в управлении персоналом уже разработаны и используются различные системы и методы, все же решение проблем в преподавательском коллективе и у студентов вынуждает менеджеров пересматривать используемые и внедрять новые технологии управления.

Грамотный выбор и реализация социальных технологий при формировании положительного социально-психологического настроения выступает основой успешной деятельности и развития как организации, так и общества в целом.

Защищенность государства – явление абсолютное и практически недостижимое. Однако все стремится к развитию и идеализации, поэтому максимальное обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также различных сфер деятельности представляет для правительства одну из первостепенных задач.

Говоря о проблеме обеспечения безопасности, стоит отметить, что она включает в себя работу как ответственных государственных структур, так и всего общества сразу по нескольким направлениям. В стратегии обеспечения национальной безопасности РФ среди прочих обозначены стратегические приоритеты, посредством которых реализуется обеспечение безопасности: оборона страны; государственная и общественная безопасность; повышение качества жизни российских граждан; экономический рост; наука, технологии и образование; культура, что находится в непосредственной связи с образованием.

Под национальной безопасностью мы понимаем возможный наивысший уровень защиты населения, территории, возможность развития и реализации целей. Стратегия обеспечения безопасности зачастую определяется национальными интересами, которые включают в себя эффективное развитие и функционирование различных сфер (экономическая, социальная, военная, политическая, культурная, научная, техническая и т. д.).

В вопросе безопасности социум одновременно может выступать и как потенциальная угроза, и как жертва, а также способствовать решению возможных проблем. Гражданское общество может непосредственно оказывать содействие в решении национальных проблем, в том числе в вопросе обеспечения национальной безопасности, путем выполнения двух основных функций: своевременного выявления сферы безопасности, которая нуждается в правовом сопровождении, и указания на возникающую проблему.

Несмотря на активность военной сферы, политической и других в обеспечении безопасности и отстаивании национальных интересов, внутри самого гражданского общества существует ряд проблем, требующих постоянного внимания во стороны правительства и общества.

Изначально стоит отметить, что социальная сфера занимает едва ли не основную позицию среди угроз в различных сферах жизни. В 2013 г. были опубликованы результаты исследования специалистов в сфере анализа риска в определенных направлениях деятельности. Эксперты выделили пять основных сфер в качестве потенциальных угроз национальной безопасности: политическая, экономическая, социальная, природно-техногенная, научно-техническая. По результатам этого опроса были определены важные угрозы, имеющиеся в социальной сфере:

- коррупция, криминализация и некомпетентность властных структур – снижение доверия к власти;
- снижение уровня жизни и антагонизация социальной структуры;
- духовный кризис в обществе;
- неравномерность социально-экономического развития регионов в стране;
- рост преступности;
- рост алкоголизма, наркомании;
- обострение демографической ситуации в стране;
- возможность биолого-социальных чрезвычайных ситуаций в стране¹.

Все пункты указаны в порядке убывания, в соответствии с выбором экспертов. Из этого видно, что часть угроз находится в компетенции вузов, в частности, духовный кризис в обществе, неравномерность социально-экономического развития регионов в стране, которые если не в полной мере, то частично способны решаться благодаря качественным знаниям и навыкам выпускников региональных вузов.

Актуальность данного исследования обусловлена увеличением объема работы сотрудников, требованиями к уровню образования, квалификации, компетентности и т. д. со стороны работодателей. Кроме того, к требованиям непосредственно на рабочих местах прибавляются внешние факторы, которые отображают интересы правительства.

Ввиду развития сфер жизнедеятельности ценность образования приобретает новое значение. Однако с ростом требований к образованию и увеличением содержания появляются новые и не менее серьезные угрозы, к примеру, низкий социально-психологический настрой молодежи.

Современные люди живут в веке, когда многое зависит от социально-экономических и политических факторов, в том числе частная жизнь, карьера, отношения в социуме и т. д. Молодежь в социуме выступает как важный инструмент и итоговая цель одновременно. Под этим понимается возможность людей совершенствоваться и вносить свой вклад в развитие общества, культуры, науки и т. д. Культура, воспитание, образование молодых людей выступает целью работы общества в контексте межличностного взаимодействия, их поведения, приоритетов, целей, действий и т. д.

В формировании положительного психологического настроения студентов огромную роль играет психологический микроклимат образовательного учреждения, под которым понимается климат студенческого коллектива, важный для формирования их как специалистов². В условиях постоянного межличностного взаимодействия внутри сообществ комфорт каждого участника является ключевым фактором в эффективности общения.

Кроме климата внутри студенческого сообщества большую роль играет также климат внутри преподавательского коллектива, что накладывает отпечаток на работу каждого педагога, а также на их самоэффективность. Результаты проведенных исследований показывают, что самоэффективность преподавателей зависит от стресса на работе, профессионального выгорания и удовлетворенности работой, стремления и цели преподавателей, отношения к изменениям.

Профессиональная деятельность представителя практически каждого направления и сферы заключается в коллаборации с коллегами, партнерами или объектами управления, т. е. подчиненными. Несмотря на тенденцию и требование к сотрудникам непрерывно повышать квалификацию, стажироваться или проходить курсы профессиональной переподготовки, практическая реализация имеющихся теоретических знаний в управленческой науке редко находит отражение. В данной ситуации имеют место не качественные, а количественные показатели деятельности предприятий.

Ценностные предпочтения молодежи формируют их цели и обуславливают действия по их достижению. В июне 2019 г. ВЦИОМ опубликовал результаты исследований, где говорится, что

старшее поколение считает, что у современной молодежи преобладают материальные ценности, и в сравнении с 2014 г. количество людей, придерживающихся такого мнения, увеличилось³. В 2017 г. ВЦИОМ опубликовал иерархию ценностей молодежи (возраст респондентов 18–34 года). Расположены они следующим образом: доход (15%), порядок и стабильность (1%), самореализация (8%)⁴.

Для сравнения, в 2006 г. в Краснодарском крае провели исследование по определению ценностей молодого поколения. Выяснилось, что семья, до сих пор входящую в число немногих традиционных ценностей, выбрали около 90,0% респондентов. Труд и работа, при выборе которых респонденты разделяются на две части: те, у кого в приоритете интересная содержательная часть и личная заинтересованность в моральных результатах (79,3%), и те, кто основной целью видит заработок (20,7%), нашли отражение в ответах большинства опрошенных. Также респонденты не обошли вниманием власть, демократию, социальную справедливость, отношение к религии, нравственность и успех, к каждой из которых у молодых людей уже было сформировано свое отношение и имелся определенный индикатор приоритета⁵.

Учитывая имеющуюся часть исследований по проблеме ценностей молодого поколения, включающих возрастные группы студентов и преподавателей, отметим, что при выборе наиболее подходящих приемов и социальных технологий для получения положительного социально-психологического настроения стоит учитывать эти результаты и сами ценности, в первую очередь, как важный этап в достижении общенациональных целей.

Причинами низкого социально-психологического настроения могут выступать различные моральные, материальные, социальные и другие факторы.

У большинства студентов во время учебы в университете возникают трудности по разным

причинам, таким как неправильный выбор профессии, нежелание учиться, психологическая незрелость и т. д. Весной 2019 г. нами было проведено исследование среди студентов и преподавателей БГТУ им. В. Г. Шухова (г. Белгород). Общий объем опрошенных – 241 человек, из них 145 студентов и 58 преподавателей. Целью исследования было определение существующих проблем в качестве современного высшего образования, влияющих на обеспечение национальной безопасности. Кроме того, в перечень были включены вопросы, позволяющие определить имеющиеся трудности у двух групп респондентов.

Выяснилось, что наибольшее количество молодых людей испытывают трудности адаптации к новой организации учебного процесса (39,62%) (рис. 1).

Для формирования положительного социально-психологического настроения студентов и преподавателей управленцами используется определенный арсенал методов управления климатом в коллективе.

Преподаватели назвали важные для обучения трудности, с которыми они столкнулись при работе со студентами младших и старших курсов (рис. 2, 3). Выяснилось, что имеющиеся проблемы разнятся и находятся в определенной зависимости от социально-психологического настроения и взаимосвязи обеих сторон учебного процесса.

В ведении образовательной деятельности результатом выступает не просто факт наличия защищенных дипломных проектов и выданных дипломов об окончании вуза, но также заинтересованность и желание развиваться в данной сфере, что формируется в процессе обучения. Так, преподавателей попросили определить, насколько их студенты заинтересованы в специальности, по которой обучаются (рис. 4). Респондентам было предложено пять вариантов ответов, воспользовались они только двумя. Так, 70,6% определили, что заинтересовано большее количество

Рис. 1. Трудности студентов-первокурсников

Рис. 2. Проблемы студентов младших курсов в оценке преподавателей

студентов, 29,4% выделили, что заинтересована малая доля студентов.

Несмотря на представленные результаты всех исследований, в обоих коллективах существует ряд проблем, которые ложатся на плечи управленцев, и основная цель – сформировать положительный социально-психологический климат. В этом случае эффективным представляется использование социальных технологий, которые являются своеобразной схемой решения конкретных задач, например, повышение эффективности или квалификации преподавателей, стимулирование, улучшение условий труда, рационализация и улучшение межличностных и межгрупповых взаимоотношений.

Если рассматривать социальные технологии более детально, можно сказать, что этой проблемой вплотную отечественные исследователи начали заниматься с 60-х гг. XX в. В этот же период были заложены основные мысли относительно формулировки самого термина «социальные тех-

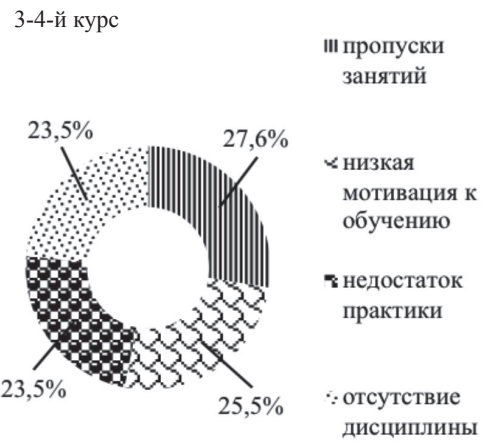

Рис. 3. Проблемы студентов старших курсов в оценке преподавателей

нологии». К примеру, В. Г. Афанасьев дает следующее определение: «...это элемент механизма управления и средства перевода абстрактного языка науки... на конкретный язык... достижения поставленных целей»⁶.

Реалии социально-экономической ситуации мобилизуют три особых вида технологий, направленных:

- на социальную защиту той части населения, которая в силу объективных причин не может приспособиться к рыночным отношениям;
- на реконструкцию системы обучения, адекватную рыночным преобразованиям в части деформации и развития профессиональной структуры специалистов;
- на самоорганизацию объекта управления, на новые формы и структуры организации, обеспечивающие расширенное воспроизводство ее человеческих ресурсов⁷.

Для формирования положительного психологического микроклимата в коллективе необхо-

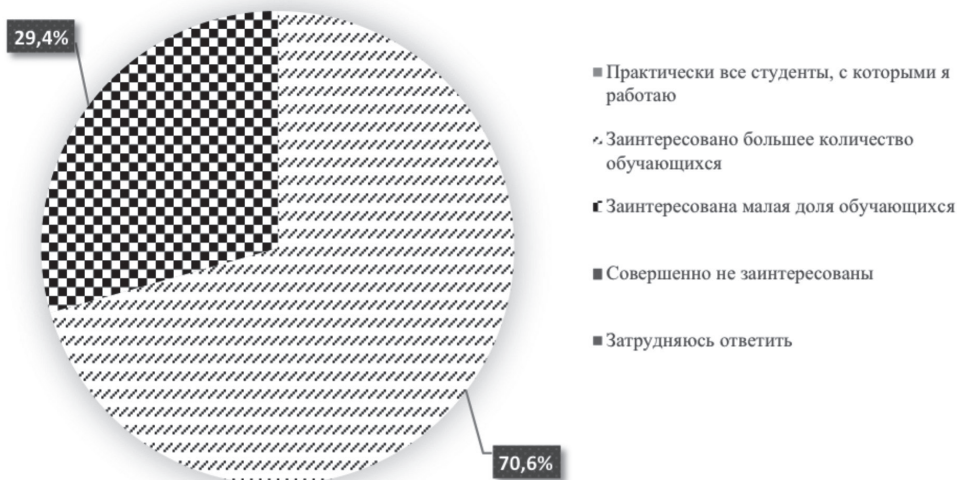

Рис. 4. Заинтересованность студентов в своей специальности, в оценке преподавателей

дима атмосфера взаимопонимания, открытости и толерантности⁸. Отечественными социологами выделяются три группы социальных технологий: макротехнологии, которые применяются на уровне общества и основных сфер деятельности; мезотехнологии, работающие на региональном уровне и в социальных институтах; микротехнологии – разработаны для управления и самоорганизации небольших групп людей.

По типам технологии подразделяются на: те, которые связаны с социальным проектированием; те, которые помогают решать социальные проблемы с помощью методов управления; те, которые развивают социальные системы, используя игры открытого типа; те, которые защищают системы, действуют на основе методов социальной борьбы.

Для управления людьми и развития положительного социально-психологического настроения рациональнее будет использовать технологии мягкого управления. Их применение обусловлено рядом причин, заключающихся в распространении внутреннего управления на внешнюю среду, которая не имеет четких рамок. Эффективной составляющей мягкого управления является социальное партнерство. Это способ координации интересов социальных групп на основе разработанных моделей взаимодействия. Данный вид управления больше взаимодействует, чем воздействует на субъект управления посредством учета и ориентации на его цели, ценности, способности, интересы, потребности и т. д.

Групповая сплоченность играет важную роль в управлении персоналом, который осуществляется посредством *слежения* и *регуляции* процессов. Первое реализуется при помощи своевременного информирования управленцев об имеющейся или назревающей проблемной ситуации, а также о социальной ситуации внутри университета. Эти действия помогут в принятии эффективных управленческих решений. Второе понятие включает в себя применение своевременного управленческого воздействия на социальные процессы среди преподавателей и лично на каждого члена коллектива для достижения необходимого функционирования организации. Кроме этого, для достижения целей организации кадровые органы используют следующие приемы: распределение обязанностей среди сотрудников и выдача четких заданий каждому, а также контроль за их выполнением.

Современные реалии, развитость информационных источников, повсеместная компьютеризация большинства организационных процессов внутри и вне вуза позволяют активно использовать социальные технологии.

Таким образом, проанализировав результаты социологических исследований, выяснилось, что преподаватели и студенты имеют ряд проблем, которые зависят в том числе и от социально-психологического настроения в каждом коллективе. В управлении персоналом на протяжении долгого времени (начиная с середины XIX в.) активно используются социальные технологии и разрабатываются новые. Для формирования положительного социально-психологического настроения в преподавательском коллективе и студенческом сообществе важную роль играют не только эффективные управленческие решения и действия, но, в первую очередь, грамотное применение инновационных технологий, способных решать имеющиеся проблемы и предотвращать их.

Примечания

- 1 См.: *Воробьев Ю. Л.* Национальная безопасность и управление стратегическими рисками в России // *Стратегия гражданской защиты : проблемы и исследования.* 2013. Т. 3, № 2 (5). С. 95–104.
- 2 См.: *Ермолаева Е. В., Павлова Л. А.* Благоприятный социально-психологический климат в коллективе как условие эффективной работы // *Новая наука : Теоретический и практический взгляд.* 2015. № 3. С. 50–52.
- 3 См.: ТАСС : ВЦИОМ : более 80% россиян считают, что молодежь ориентирована на материальные ценности. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9773> (дата обращения: 10.10.2019).
- 4 См.: ВЦИОМ изучил главные ценности молодежи. URL: https://www.eseur.ru/VCIOM_izuchil_glavnie_cennosti_molodeji/ (дата обращения: 10.10.2019).
- 5 См.: *Петров А. В.* Ценностные предпочтения молодежи : диагностика и тенденции изменений // *Социс.* 2008. № 2 (286). С. 83–90.
- 6 *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М. : Политиздат, 1977. С. 235.
- 7 См.: *Калачев И. В.* Социальные технологии в управлении современной организацией : дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2004.
- 8 См.: *Россошанская А. Ю., Ермолаева Е. В.* Социальный портрет современного студента-медика // *Бюллетень медицинских интернет-конференций.* 2016. Т. 6, № 1. С. 154.

Образец для цитирования:

Гребенюк А. И., Данакин Н. С., Гребенюк А. А. Социальные технологии в формировании положительного социально-психологического настроения молодежи как фактора национальной безопасности Российской Федерации // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2020. Т. 20, вып. 1. С. 35–39. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-35-39>

Cite this article as:

Grebenyuk A. I., Danakin N. S., Grebenyuk A. A. Social Technologies in the Formation of Positive Social and Psychological Young People's Mood as a Factor of National Security. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 35–39 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-35-39>

УДК 316.2

Социальная толерантность и социальная нетерпимость: теоретико-методологическая концептуализация

А. В. Круглов

Круглов Александр Валериевич, соискатель кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krugl555@mail.ru

Статья посвящена проблеме социологического исследования феномена социальной нетерпимости. Данный феномен в истории существовал всегда, являясь постоянным элементом социальной жизни общества. Граница между нетерпимостью как элементом социальной жизни в процессах институционализации социальных групп и нетерпимостью в ее деструктивных формах столь эфемерна, что ее очень трудно определить. Вопрос об уровне социальной нетерпимости современного российского общества и процессах, происходящих в этой сфере, является сегодня необычайно значимым. С одной стороны, упрочение социального мира предполагает ослабление этнической, конфессиональной, политической розни, т. е. социальной нетерпимости, препятствующей социальной интеграции. С другой стороны, в условиях выраженной идейной, культурной экспансии и анархии требуется укрепление общественного иммунитета в отношении неприемлемых, девиантных форм социального поведения. Такое положение предполагает поиск способов установления стабильности общества, одним из которых служит выявление и реализация возможностей остановки процессов, запускающих нетерпимость в ее крайних формах, что актуализирует изучение основ и содержания явления социальной нетерпимости.

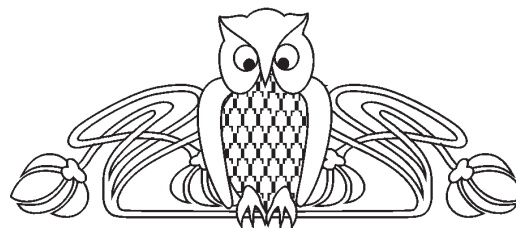
Ключевые слова: социальная нетерпимость, толерантность, аттитюды, социальные отношения, социальные действия.

Social Tolerance and Social Intolerance: Theoretical and Methodological Conceptualization

A. V. Kruglov

Aleksandr V. Kruglov, <https://orcid.org/0000-0002-5572-647X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, krugl555@mail.ru

The article is devoted to the problem of sociological research of the social intolerance phenomenon. Historically, the social intolerance phenomenon has always been a constant element of social life. The boundary between intolerance as an element of social life in the processes of institutionalization of social groups and the lack of tolerance in its destructive forms is so ephemeral that it is very difficult to define. At present, the problem of the social intolerance level in modern Russian society and the processes taking place in this sphere are very significant. On the one hand, the consolidation of social peace implies the reduction of ethnic, religious and political discord. On the other hand, in the face of ideological cultural expansion and anarchy, it is necessary to strengthen social immunity against unacceptable and deviant forms of social behavior.

This situation involves the search for the ways for establishing the stability of society, one of which is the identification and realization of the opportunities to stop the processes triggering intolerance in its extreme forms, which updates the study of the social intolerance phenomenon foundations and content.

Keywords: social intolerance, tolerance, attitudes, social relations, social actions.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-40-42>

Сегодня во всем мире проблема социальной нетерпимости обнаруживается во все большем масштабе. Многообразные формы выражения социальной нетерпимости, которые проявляются, прежде всего, в различных вариантах общественных противоречий – в религиозных, национальных и социальных конфликтах, – усилили актуальность проблемы.

Феномен социальной нетерпимости в истории существовал всегда, являясь постоянным элементом социальной жизни общества. Граница между нетерпимостью как элементом социальной жизни в процессах институционализации социальных групп и нетерпимостью в ее деструктивных формах столь эфемерна, что ее очень трудно определить. Проявления нетерпимых отношений в социальном поведении могут быть связаны с социальной дифференциацией, социально-экономическими и политическими условиями в стране, а также с этическим, моральным и культурным капиталом в обществе. Вопрос об уровне социальной нетерпимости современного российского общества и процессах, происходящих в этой сфере, является сегодня необычайно значимым. С одной стороны, упрочение социального мира предполагает ослабление этнической, конфессиональной, политической розни, т. е. социальной нетерпимости, препятствующей социальной интеграции. С другой стороны, в условиях выраженной идейной, культурной экспансии и анархии требуется укрепление общественного иммунитета в отношении неприемлемых, девиантных форм социального поведения. Такое положение предполагает поиск способов установления стабильности общества, одним из которых служит выявление и реализация возможностей остановки процессов, запускающих нетерпимость в ее крайних формах, что актуализирует изучение основ и содержания явления социальной нетерпимости.

Научное теоретизирование по проблеме социальной терпимости/нетерпимости началось в

XX в., но этот феномен был в центре исследований во все исторические периоды. Древние социально-философские дискурсы содержали размышления по данной проблеме. Так, например, китайский философ Конфуций писал: «Я не хочу делать другим того, чего не хочу, чтобы другие делали в отношении меня»¹. Ф. Бэкон писал о толерантности, что коль каждому в этом мире необходимо воздать по заслугам, то и человек должен быть снисходительным к другим людям².

Современными учеными предложено множество дефиниций социальной терпимости. Их анализ показывает, что нет общей концепции, касающейся этой проблемы. Определено, что толерантность является частью общей культуры. Ее можно рассматривать как на уровне личности, так и на уровне общества. Известный мыслитель Анри Бергсон сформулировал концепцию открытого и закрытого общества. Согласно концепции, закрытое общество – это общество, где члены практически солидарны; они безразличны к другим мирам, они всегда готовы к агрессии или обороне. Одним словом, они должны находиться в полной боевой готовности³. А. Бергсон пишет, что человек создан для закрытого общества, как муравей для его муравейника. Фундамент закрытого общества – это религия и ответственность, состоящая из силы. Рассуждая о социальной терпимости, русские ученые подчеркивают этническое равенство, неотъемлемое право людей исповедовать свою религию⁴. Особое внимание проблеме социальной терпимости уделял В. Соловьев. Мыслитель указал пять добродетелей, одной из которых является терпимость. Он писал, что она, как добродетель, является частью состояния ума, которое в его активном проявлении можно назвать великодушием или духовной смелостью. По мнению ученого, это своего рода допуск к свободе. Такое отношение не является ни добродетелью, ни пороком, но они могут быть и тем, и другим. Все зависит от предмета, от присущих ему мотивов, таких как великодушие и трусость, уважение чужих прав и пренебрежение к выгоде⁵. Как видно, социальная терпимость имеет и негативный, и положительный смысл, поскольку в зависимости от конкретных ситуаций может рассматриваться как добродетель или порок.

Современные ученые расширяют теоретическую трактовку социальной терпимости. Существует четыре концепции социальной терпимости (толерантности). Во-первых, терпимость – это равнодушие. Это определение связано с классической либеральной традицией. Данная концепция, подразумевающая существование различных точек зрения и мнений, перестает иметь значение перед лицом основных проблем, с которыми сталкивается наше общество. Во-вторых, терпимость может рассматриваться как невозможность лучшего понимания. В-третьих, терпимость означает снисходитель-

ность к другим, в том числе презрение к людям. В-четвертых, наиболее плодотворным смыслом социальной толерантности в современных условиях является ее понимание как расширение критического диалога⁶. Вкратце эта концепция заключается в утверждении того, что каждая культура является ценностной и когнитивной системой. Если она вступит в диалог с другой культурой, то расширит свой опыт, потому что наиболее интересные идеи возникли в обществе, когда различные парадигмы сталкивались друг с другом. Терпимость является результатом критического диалога и служит уважением к мнению другого человека. Проявление толерантности определяется социально-культурной ситуацией. Исходя из того, что социальная терпимость может быть понята как негативно, так и позитивно, необходимо решить проблему ее пределов. Безусловно, только пределы социальной терпимости позволяют понять, что имеет право на существование и что запрещено в обществе.

Некоторые ученые считают, что пределы толерантности зависят от общества. По этой причине усилия по поиску подлинной, наиболее подходящей к разумному социальному бытию терпимости обречены на провал⁷. Стоит отметить, что заставить людей быть терпимыми невозможно даже теоретически. Принудительная терпимость может быть опасной, поскольку приведет к преобладанию порочной стороны толерантности. Продвижение терпимости пробьет брешь в традиционной культуре, смещая акценты и смешивая моральные ориентиры⁸.

Итак, найти последовательный подход к определению социальной терпимости сложно, поскольку отсутствуют общие теоретико-методологические подходы. Именно поэтому трудно изучать социальную терпимость как особое социальное явление.

Как ни странно, социальная нетерпимость вызывает в плане ее теоретико-методологической концептуализации несколько меньше затруднений. Современная социальная наука в общих чертах сходится в базовых характеристиках этого явления, отталкиваясь, что называется, от обратного.

Опорными моментами в трактовке социальной нетерпимости являются следующие. Первое: ее толкование как совокупности внутренних установок и действий социальных субъектов негативного характера, обусловленных общественно значимыми различиями. Второе: социальная нетерпимость – феномен, не объясняемый ни биологическими, ни психологическими, ни какими-либо еще природными детерминантами индивидуального либо социального бытия. Она детерминируется, главным образом, ходом и содержанием социализации и по этой единственной причине является сугубо социальным явлением. Из этих двух посылок вытекают основные существенные для исследования социальной не-

терпимости в качестве объекта социологического исследования положения.

Формы социального поведения, понимаемые в категориях социальной нетерпимости, постоянны и консервативны, а наполнение отношений социальной нетерпимости меняется в зависимости от социально-исторического контекста. Выделяются такие формы социальной нетерпимости, как политическая, этническая, религиозная, классовая, культурная, гендерная и проч. (в зависимости от оснований стратификации). Фиксируя разнообразие и противоречивость социальной нетерпимости, необходимо выделить в ее структуре два основных уровня: 1) нетерпимость как аттитюд, предрасположенность, не выраженная в поступках, социальное отношение; 2) нетерпимость как социальное действие, осуществляемое в общественном поведении. Также можно выделить множество переходных подуровней, отличающихся друг от друга мерой выраженности неприятия: от скрытой интолерантности до откровенной агрессивности.

Итак, социальная нетерпимость является неотъемлемым параметром общественной жизни. Для социологического изучения этого явления выдвигается понимание, подходящее под оптимальное рабочее определение. Социальная нетерпимость – совокупность негативных аттитюдов, отрицательная предрасположенность

социального субъекта (группы или индивида), направленная на объект (группу или индивида), который выделяется по социально релевантным признакам, и выражающая неприемлемость социальных различий, неготовность к сосуществованию с ними.

Примечания

- 1 Конфуций. Уроки мудрости : Сочинения. М. : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 2002. С. 37.
- 2 См.: Бэкон Ф. Жизнь мировоззрения, мысли, максимы / пер. с англ. С. А. Бронштейна. М. : Современное Слово, 1998. С. 143.
- 3 См.: Бергсон А. Два источника морали и религии : пер. с фр. М. : Канон, 1994. С. 268.
- 4 См.: Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М. : Рарогъ, 1993. С. 127.
- 5 См.: Соловьев В. С. Оправдание добра : Нравственная философия / вступ. ст. А. Н. Голубева и Л. В. Коноваловой. М. : Республика, 1996. С. 133.
- 6 См.: Лекторский В. А. О толерантности // Философские науки. 1997. № 3–4. С. 14–18.
- 7 См.: Хомяков М. Б. Толерантность : парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 4. С. 98–112.
- 8 См.: Самохвалова В. И. Идентичность, норма и пределы толерантности // Философские науки. 2008. № 4. С. 26–45.

Образец для цитирования:

Круглов А. В. Социальная толерантность и социальная нетерпимость: теоретико-методологическая концептуализация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 40–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-40-42>

Cite this article as:

Kruglov A. V. Social Tolerance and Social Intolerance: Theoretical and Methodological Conceptualization. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 40–42 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-40-42>

УДК 316.7

Раннее материнство как проблема преждевременной социализации российских подростков

Г. С. Салистая

Салистая Галина Станиславовна, аспирант кафедры социологии, Московский гуманитарный университет, galinasol@inbox.ru

В статье рассматривается раннее материнство как проблема преждевременной социализации российских подростков. Не соответствующее возрасту освоение социальных ролей матери девочками-подростками представляет собой результат отклоняющейся социализации и является проявлением преждевременной социализации, которые общество устанавливает для подростков, и возрастные этапы освоения определенных ролей. Показана проблема раннего материнства как отклонение от сложившейся хронологии событий социализационного процесса. Произведен анализ динамики коэффициентов рождаемости детей у девочек 10–14 лет и 15–19 лет на основании данных Росстата. Выявлено существенное различие между коэффициентами рождаемости детей у девочек-подростков в городских и сельских поселениях с одновременным снижением этих различий в период 2011–2017 гг. Определено, что в абсолютном выражении количество рождений детей девочками-подростками достаточно стабильно. Рассмотрены статистические данные о ранних браках и прерывании беременности как сопряженной проблемы раннего материнства, связанной с преждевременным исполнением не соответствующих возрасту социальных ролей.

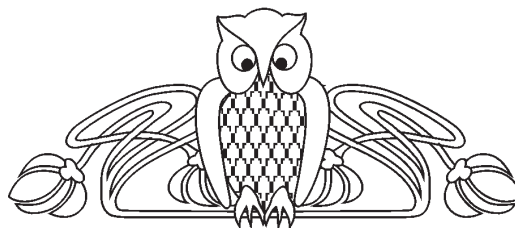
Ключевые слова: российские подростки, социализация, преждевременная социализация, социализационная норма, раннее материнство, социальная роль.

Early Motherhood as a Problem of Premature Socialization of Russian Teenagers

G. S. Galistaya

Galina S. Galistaya, <https://orcid.org/0000-0001-8940-7090>, Moscow University for the Humanities, 5 Yunosti St., Moscow 111395, Russia, galinasol@inbox.ru

The article deals with early motherhood as the problem of premature teenager socialization. The age-related mastering of mothers' social roles by teenager girls is the result of deviating and premature socialization. The boundaries of premature socialization, which society sets for adolescents and the age stages of mastering certain roles are discussed. The problem of early motherhood is shown as a deviation from the established chronology of the events of the socialization process. The analysis of birth rates dynamics by the girls of the age of 10–14 and 15–19 years is based on the Rosstat data. The significant difference between the birth rates of teenagers in urban and rural settlements with a simultaneous decrease in the period of 2011–2017 is revealed. It is determined that in absolute terms the number of children born by teenage girls is fairly stable. The statistical data on early

marriages and termination of pregnancy, as related problems of early motherhood associated with the premature adoption of not age-related social roles, are considered.

Keywords: Russian teenagers, socialization, premature socialization, socialization rate, early motherhood, social role.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-43-46>

Проблема раннего освоения «взрослых» социальных ролей российскими подростками представляет актуальную задачу социологических исследований. Социализация подрастающего поколения в условиях социокультурных изменений демонстрирует расширение спектра социализационных практик, обуславливающих, в свою очередь, многообразие процессов социализации. Положительная направленность социальных практик интеграции индивидов в общество является одним из важных факторов стабильности и нормального функционирования общества. Раннее материнство девочек-подростков, определяющее исполнение ими социальных ролей, не соответствующих возрасту, не может быть отнесено к одобряемым социальным практикам вхождения индивида в общество. Социализация – это сложный, многофакторный процесс, и результат социализации отдельного индивида включает в себя как желательные, одобряемые обществом образы, так и вероятность проявления отклонений результативности социализационных практик за пределами социализационной нормы.

Раннее материнство девочек-подростков представляет собой результат социализации, который не соответствует социализационной норме. А. И. Ковалева выделяет по критерию результативности социализации успешную, нормативную, кризисную, отклоняющуюся, принудительную, реабилитационную, преждевременную, ускоренную, запаздывающую социализации¹. Преждевременное освоение девочкой-подростком не соответствующей ее возрасту социальной роли матери и, возможно, супруги, ее вынужденная идентичность составляет отклонение в социализации и является проявлением преждевременной социализации.

Социализационная норма как многомерный эталон социализированности индивида с учетом его возрастных и индивидуально-психологических характеристик обусловлена параметрами социальности данного общества². Границы социализационной нормы заданы как формализо-

ванными положениями, нашедшими выражение в Конституции Российской Федерации, законодательстве, кодексах, нормативных правовых актах, постановлениях, положениях, указах, так и неформальными «правилами». Общество также посредством неформальных «правил» информирует подростков о возрастном структурировании жизненного пути. Неформальные «правила» выражаются как рекомендации или запреты на конкретное поведение, связанное с исполнением определенных ролей в указанных периодах жизни. В обществе существует некий общий консенсус по этим правилам. Социализация включает в себя ролевые приобретения, и общество определяет ожидание того, что большинство из них происходит в возрасте, одобряемом социально. Раннее материнство в подростковом возрасте означает переход во взрослую жизнь, определяет исполнение подростком социальных ролей, которые он чаще всего психологически и физиологически не готов исполнять. Согласно мнению экспертов в исследовании «Жизненные сценарии раннего материнства» (г. Тольятти), проведенного С. В. Явон³, подросткам сложно планировать, оценивать варианты, выбирать стратегию действий и выполнять ее. Беременная или воспитывающая детей девочка-подросток не является «нормальным» подростком, и при этом она не является «нормальным» беременным человеком или «нормальным» родителем в понимании общества. И ранняя беременность, и материнство девочки-подростка воспринимается как «отклонение» в контексте нарушения «правильной хронологии событий».

Официальную статистику рождаемости, браков и аборт у несовершеннолетних в Российской Федерации публикуют Росстат (Федеральная служба статистики) и Министерство здравоохранения. По данным Росстата (табл. 1)⁴, динамика коэффициента рождаемости среди девочек-подростков в возрасте 10–14 до 15–19 лет за 2010–2017 гг. показывает стабильное сниже-

ние. Показатель коэффициента рождаемости вычисляется как отношение числа родившихся за расчетный период у женщин данной возрастной группы к среднегодовой численности женщин этого возраста по текущей оценке.

В возрастной группе 10–14 лет общий коэффициент рождаемости среди девочек из расчета на 1000 чел. в 2010 г. составлял 0,11, причем более благоприятная ситуация наблюдалась в городских поселениях, где коэффициент составлял 0,08 против 0,13 в сельских поселениях. В период 2014–2017 гг. коэффициент рождаемости в этой возрастной группе снизился с 0,11 до 0,07. В возрастной группе девочек 15–19 лет показатели коэффициента рождаемости за период с 2010 по 2017 г. демонстрируют значительное снижение: с 26,9 в 2010 г. до 18,4 в 2017 г. Причем наблюдается существенное различие данного коэффициента в городских поселениях и сельской местности. Рождаемость детей у девушек 15–19 лет в сельской местности выше в несколько раз. Для 2010 г. коэффициент рождаемости в сельской местности для указанной возрастной группы составлял 46,52, а в городской – 20,13, т. е. выше в 2,3 раза. Близкое соотношение коэффициента рождаемости среди девушек 15–19 лет в сельской и городской местности демонстрируют данные и 2011–2017 гг. с одновременным снижением различий между этими показателями. В 2016 г. соотношение данного коэффициента составило 1,55, а в 2017 г. – 1,59. Приведенные расчеты позволяют сделать вывод о том, что проблема раннего материнства девушек-подростков в сельской местности имеет более выраженный характер. Выявление причин таких различий представляет актуальную задачу для дальнейшего исследования.

Несмотря на то что статистические данные демонстрируют благоприятную динамику по данной проблеме, в количественном выражении рождаемость девочками-подростками представляет существенные величины. По данным Демографического ежегодника России⁵, в 2016 г. 70 652 де-

Таблица 1

Коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 10 до 14 лет и в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в соответствующей возрастной группе

Год	Городские поселения		Городские поселения и сельская местность		Сельская местность	
	10–14 лет	15–19 лет	10–14 лет	15–19 лет	10–14 лет	15–19 лет
2010	0,08	20,13	0,11	26,9	0,13	46,52
2011	0,08	19,78	0,11	26,6	0,16	46,17
2012	0,09	20,52	0,11	27,3	0,14	45,74
2013	0,09	20,22	0,11	26,5	0,14	43,32
2014	0,08	19,67	0,09	25,8	0,11	42,64
2015	0,07	19,24	0,08	24	0,12	36,16
2016	0,08	16,9	0,08	21,5	0,1	33,34
2017	0,07	14,3	0,07	18,4	0,7	29,36

вочки-подростка стали молодыми матерями; в 2015 г. число случаев рождений детей у подростков составило 79 603, в 2014 г. – 88 370, в 2013 г. – 91 832, в 2012 г. – 98 924. Хотя количество рождений девочками-подростками неуклонно снижается, в абсолютном выражении количество родов среди них – достаточно стабильная величина.

С проблемой раннего освоения социальных ролей матери девочками-подростками сопряжены проблемы ранних браков, раннего освоения сексуальных ролей, проблемы прерывания беременности в подростковом возрасте. Ранние браки можно рассматривать как следствие беременности девочки-подростка. Брачный возраст в Российской Федерации, согласно Семейному кодексу, устанавливается в восемнадцать лет⁶. Снижение брачного возраста допускается при наличии уважительных причин до 16 лет, а в ряде регионов даже до 15 и 14 лет. Уважительные причины, являющиеся основанием для заключения брака до наступления совершеннолетия, Законом не разъясняются, но в большинстве случаев связаны с беременностью несовершеннолетней и рождением ребенка. Количество ранних браков по возрасту жениха/невесты до 18 лет, согласно данным Росстата, неуклонно снижается как в количественном выражении, так и в соотношении к общему числу браков (табл. 2)⁷. Хотя анализ динамики доли таких браков в общем числе браков, а также в соотношении количества вступивших в брак подростков в их общем числе является задачей особого исследования.

Прерывание беременности у девочек подросткового возраста является проблемой, косвенно связанной с ранним материнством. Беременность – это поворотный момент траектории социализации девочки-подростка, необходимость сложного выбора, который подросток чаще всего не готов сделать. Последствия вынужденного исполнения не соответствующих возрасту «взрослых» социальных ролей подростками, негативные стороны таких последствий нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении с целью их предупреждения и минимизации. По данным Росстата, число случаев прерывания беременности у девочек 10–17 лет за период 2010–2017 гг. снизилось с 21 200 до 5880 случаев (табл. 3)⁸.

Специалисты и руководители различных ведомств высказывают сомнения в достоверности данных официальной статистики по этой проблеме и утверждают, что показатели можно с уверенностью увеличить как минимум вдвое. По мнению главы Союза педиатров России, вице-президента РАМН акад. А. Баранова, официальная статистика аборт в России является заниженной⁹.

Вице-премьер О. Ю. Голодец, выступая на XV Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ, отметила: «Есть тенденция к увеличению числа аборт, в том числе в благополучных семьях»¹⁰. Институт Гуттмахера (США), который регулярно готовит мировые обзоры аборт, относит Россию к группе стран с неполной статистикой аборт¹¹. Неполнота учета статистических данных объясняется раз-

Таблица 2

Браки по возрастам жениха и невесты, Россия, 2007–2017 гг.

Год	Всего браков	По возрасту жениха до 18 лет	По возрасту невесты до 18 лет	Соотношение браков до 18 лет к общему числу браков, %
2011	1 316 011	1097	11 425	1,0
2012	1 213 598	952	10 569	0,9
2013	1 225 501	931	9695	0,9
2014 ¹⁾	1 225 985	835	9180	0,8
2015	1 161 068	853	8462	0,8
2016	985 836	705	6825	0,8
2017	1 049 735	556	5886	0,6

Примечание. ¹⁾ С учетом данных по Республике Крым и г. Севастополь.

Таблица 3

Сведения о прерывании беременности по Российской Федерации, 2010, 2014–2017 гг.

Год	Всего прерываний беременности	В том числе у женщин в возрасте	
		10–14 лет	15–17 лет
2010	1 186 100	600	20 600
2014	930 000	400	9900
2015	848 200	300	8000
2016	836 611	284	7179
2017	779 848	350	5530

витиём коммерческого направления медицины, который неподотчетен Министерству здравоохранения, а также распространением медикаментозных форм прерывания беременности.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что раннее материнство российских девочек-подростков является проявлением преждевременной социализации, не соответствующей социализационной норме. Исполнение девушкой подросткового возраста социальной роли матери, к которой она чаще всего ни физиологически, ни психически, ни психологически не готова, ее вынужденная идентичность представляет проблему как для подростка, так и для общества. Раннее материнство означает преждевременный переход подростка во взрослую жизнь, что социально не одобряемо и не соответствует ожиданиям общества. Беременный подросток не является «нормальным» подростком, «нормальным» беременным и «нормальным» родителем в понимании общества. Хотя статистические данные по раннему материнству российских подростков и демонстрируют некоторое снижение, в количественном выражении число случаев рождения ребенка девушкой-подростком в российском обществе достаточно стабильно. Задачей для дальнейшего осмысления и изучения проблемы раннего материнства российских подростков является выявление факторов, оказывающих влияние на такие проявления преждевременной социализации и определения условий уменьшения интенсивности случаев в подростковой среде. Социальная практика нуждается в разработке рекомендаций по предупреждению и минимизации последствий случаев раннего материнства, прерывания беременности, ранних браков подростков, что позволит облегчить последствия этих явлений для подростков и общества.

Примечания

- 1 См.: Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи : нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. № 1. С. 109–115.
- 2 См.: Социализационной нормы концепция А. И. Ко-

валевой // Социология молодежи : Электронная энциклопедия / под ред. Вал. А. Лукова. Научные проекты Московского гуманитарного университета. URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/theories/169-socializacionnoy-normy.html>. (дата обращения: 22.05.2019).

- 3 См.: Явон С. В. Семейные ценности молодежи. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2018. С. 98–100.
- 4 Коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 10 до 14 лет и в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в соответствующей возрастной группе // Федеральная служба статистики : [сайт]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58677> (дата обращения: 12.05.2019).
- 5 См.: Демографический ежегодник России. 2017 : стат. сб. М. : Росстат, 2017. С. 58.
- 6 См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019). Статья 13. Брачный возраст. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=d oc&base=LAW&n=304335&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.1714415486138241#03374602964795832> (дата обращения: 09.01.2019).
- 7 Регламентная таблица : Браки по возрастам жениха и невесты // Федеральная служба статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 23.05.2019).
- 8 Регламентная таблица : Сведения о прерывании беременности в Российской Федерации // Федеральная служба статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 23.05.2019).
- 9 См.: Главный педиатр России назвал «настоящее» число аборт в РФ // Российская газета. 04.06.2015. URL: <https://rg.ru/2015/06/04/abort-site.html> (дата обращения: 02.05.2019).
- 10 Голодец О. Доклад к пленарному заседанию «Социальная политика и проблемы неравенства» XV Апрельской международной научной конференции ВШЭ. URL: <https://conf.hse.ru/2014/news/119037590.html> (дата обращения: 23.05.2019).
- 11 См.: Денисов Б. П., Сакевич В. И. Аборты в постсоветской России : есть ли основания для оптимизма? // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 144–169.

Образец для цитирования:

Салистая Г. С. Раннее материнство как проблема преждевременной социализации российских подростков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-43-46>

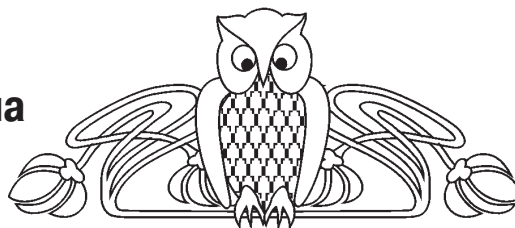
Cite this article as:

Galistaya G. S. Early Motherhood as a Problem of Premature Socialization of Russian Teenagers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 43–46 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-43-46>

УДК 316.43+314.152.2

Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров

Е. В. Соболева

Соболева Елена Викторовна, соискатель кафедры прикладной социологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва; директор, Комплексный центр социального обслуживания населения Балаковского района, Балаково Саратовской области, sobolevaev@mail.ru

Данная статья посвящена изучению одной из форм активного долголетия граждан старшего возраста – добровольческой (волонтерской) деятельности. Отмечается, что привычные формы организации активного досуга пожилых неработающих россиян (помощь в воспитании внуков, занятость на приусадебном или дачном участке, увлечение прикладным творчеством, посещение клубов при учреждениях культуры и социального обслуживания) уже не соответствуют интересам современных пенсионеров. Предлагается использовать новые формы активного долголетия, в том числе добровольческую деятельность. Определено, что в основе занятия добровольчеством лежит стремление пожилых людей снова чувствовать себя нужными и расширять свой круг общения. Приводятся данные эмпирического исследования, проведенного среди «серебряных» волонтеров Саратовской и Самарской областей, занимающихся регулярной добровольческой деятельностью. На основе полученных данных было выявлено улучшение социального самочувствия «серебряных» волонтеров за период регулярных занятий добровольческой работой. Ответами респондентов были подтверждены выдвинутые гипотезы о том, что добровольческая занятость – эффективный способ достижения активного долголетия, а в основе «серебряного» волонтерства лежит потребность пожилых людей в сохранении собственной значимости через призму проявления заботы о слабых и нуждающихся людях.

Ключевые слова: граждане старшего возраста, активное долголетие, «серебряные» волонтеры, добровольческая деятельность.

Senior Citizens' Volunteer Activity of as One of the Forms of Active Longevity of Russian Pensioners

Е. В. Соболева

Elena V. Soboleva, <https://orcid.org/0000-0001-9706-469X>, Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Sg., Moscow GSP-3, 125993, Russia; Complex Center of Social Service of the Population of the Balakovo Area, 23a Titova St., Balakovo, Saratov region 413853, Russia, sobolevaev@mail.ru

This article is devoted to the study of one of the forms of older citizens' active longevity – a volunteer activity. It is noted that the usual forms of organization of elderly unemployed Russians active leisure (assistance in the upbringing of grandchildren, employment in the garden or suburban area, passion for applied arts, visiting clubs at cultural institutions and social services) no longer meet the

interests of modern pensioners. It is proposed to use new forms of active longevity, including volunteer activities. It is determined that the basis of volunteering is the desire of older people to feel needed again and expand their communication circle. The data of the empirical study conducted among the “silver” volunteers engaged in regular volunteer activities in Saratov and Samara regions are presented. On the basis of the obtained data, the improvement of social well-being of the “silver” volunteers during the period of regular volunteer work was revealed. The answers of the respondents confirmed the hypotheses that voluntary employment is an effective way to achieve active longevity and the basis of “silver” volunteering is the need of older people to preserve their own importance through the prism of caring for the weak and needy people.

Keywords: senior citizens, active longevity, “silver” volunteers, volunteer activity.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-47-51>

Добровольческая деятельность (волонтерство) как форма проявления активной жизненной позиции людей разного возраста за последние несколько десятилетий стала существенной частью социальной экономики многих стран мира. В 90-е гг. прошлого столетия, претерпев 70-летний период трансформации в принудительно-добровольческую форму, волонтерство стало возрождаться и в России. Приживаясь первоначально в рядах молодежи, добровольческая деятельность постепенно стала восприниматься как возможность самопроявления представителями более старших возрастных групп, в том числе пенсионерами.

В России добровольческая деятельность лицами «третьего» возраста представлена очень скромно, тогда как в странах Европы и США волонтерами трудятся свыше 26,4% взрослого населения, или 61,8 млн человек¹, демонстрируя тем самым стремление к активному образу жизни, активному долголетию.

Понятие «активное долголетие» в языке российских политических дискуссий появилось относительно недавно, в 90-е гг. прошлого века. Применяемое ранее как термин, относящийся к системе здравоохранения и связанный с поддержанием физического здоровья людей старшего, или «серебряного», возраста, активное долголетие постепенно трансформируется в новую государственную концепцию, которая, при условии непрерывного поступательного развития, позволит ослабить экономическую нагрузку на государственный бюджет и будет способствовать более успешной реализации потенциала пожилых людей.

В развитых странах реализация программ активного долголетия приобрела комплексный характер, они успешно осуществляются на протяжении уже многих лет, и, что особенно важно, выработаны механизмы оценки эффективности действующих мер, на основании которых проводится их корректировка².

Сегодня уже можно говорить о начале формирования российской государственной политики, направлениями которой являются основные компоненты активного долголетия: стимулирование трудовой занятости и физической активности; создание безопасной среды; качественное социальное обслуживание; доступная медицинская помощь; развитие культурно-досуговых интересов пожилых людей и информационная доступность для них.

Стоит отметить, что помощь своим детям в воспитании внуков, занятость на приусадебном или дачном участке, увлечение прикладным творчеством (столярные работы, вязание, вышивание, бисероплетение и т. д.), посещение клубов по интересам при учреждениях культуры и социального обслуживания – достаточно привычные формы организации активного досуга пожилых неработающих россиян, используемые на протяжении многих десятилетий еще с социалистического периода. Но в последние годы вопросы занятости современных пенсионеров становятся более актуальными и требуют расширения привычных границ и сфер интересов.

Как отмечают российские исследователи, хорошо известно, что при выходе на пенсию и при достижении того периода, когда жизненный опыт позволяет по-новому посмотреть на цели, смыслы и задачи существования, появляются возможность и желание проявить себя в каких-то иных, новых для индивидуума сферах³. Но чаще всего новое – это хорошо забытое старое. Современным российским пенсионерам привычна широкая общественная деятельность, активно ведущаяся на предприятиях и в организациях в советский период, когда они еще были молоды. Многие из бывших «общественников» готовы и сейчас, будучи пожилыми, бесплатно работать на благо общества и собственного самоутверждения.

По мнению социологов, добровольческая деятельность как явление оказывается глубокой традицией многих цивилизаций и народов, корни добровольчества исходят из социальной природы людей, их естественного желания откликаться на нужды других, объединять усилия для улучшения своей и окружающей жизни⁴. Следовательно, при развитии культурно-досуговых интересов пожилых людей стоит учитывать естественную потребность человека в оказании помощи нуждающемуся.

Ранее проводимые исследования социального самочувствия российских пенсионеров подтвердили максимальную концентрацию их

интересов на внутрисемейном круге⁵. Но с возрастом внутрисемейные связи начинают постепенно утрачиваться: вырастают и покидают родительский дом дети, взрослеют и не требуют присмотра внуки, уходят из жизни супруги. Таким образом, нарастающая потребность постоянной заботы о близких людях накладывается на нарастающее чувство одиночества, нередко погружая пожилого человека в глубокую депрессию. Следовательно, предлагая пожилым людям возможность заниматься добровольческой деятельностью, необходимо основываться на их стремлении общаться и снова чувствовать себя нужными. Кроме того, большинство видов волонтерской работы связано с существенной физической активностью (экологические акции, помощь пожилым и инвалидам по хозяйству, гастрольная деятельность волонтерских концертных и театральных групп и т. д.), что позволяет улучшить состояние здоровья, укрепить физически.

Основываясь на наблюдении на протяжении 3,5 лет за деятельностью «серебряных» волонтеров Саратовской и Самарской областей, нами были выдвинуты гипотезы:

– добровольческая занятость граждан пожилого возраста является одним из эффективных способов достижения активного долголетия;

– «серебряное» волонтерство – это социальное движение, основанное на потребности части пожилых российских граждан занимать активную жизненную позицию после завершения трудовой деятельности и выполнения основной семейной функции по воспитанию детей и внуков.

Для подтверждения названных гипотез в августе 2019 г. было проведено социологическое исследование среди пожилых участников волонтерских отрядов указанных регионов. Выбранная форма исследования – групповое очное аудиторное анкетирование. В связи с тем, что число пожилых людей, применяющих к себе данный вид активной занятости в течение продолжительного времени (не менее года), достаточно невелико, генеральная совокупность и репрезентативная выборка на ее основе не определялись. Намеренно не опрашивались граждане старшего возраста, принимавшие участие в разовых популярных волонтерских акциях, привлекающих, как правило, большое количество добровольцев.

Социологическому опросу были подвергнуты 26 граждан пенсионного возраста, занимающихся регулярной добровольческой деятельностью. Респондентами стали 20 женщин и 6 мужчин в возрасте 55–80 лет, выполняющие волонтерскую работу не реже 1 раза в неделю на протяжении не менее 1 года.

Из числа респондентов 2 человека – в возрастной группе от 55 до 60 лет включительно, 5 респондентов – в возрасте 61–65 лет, 11 – от 66 до 70 лет, 7 – от 71 до 75 лет и один – от 76 до 80 лет. Пятеро респондентов имеют полное

среднее образование, 4 – начальное профессиональное (профтехучилище), 12 – среднее профессиональное (среднее специальное), 5 – высшее или незаконченное высшее образование. По семейному положению состоят в браке 12 опрошенных, двое разведены, 11 являются вдовцами (вдовами), один человек никогда не состоял в браке. Практически все (за исключением двух респондентов) имеют детей и внуков: у двоих – только дети, у одного – только внуки.

Для подтверждения первой гипотезы нами были проанализированы ответы на вопросы «Сколько времени Вы являетесь “серебряным” волонтером?», «Откуда Вы узнали о “серебряных” волонтерах?», «Как изменилась Ваша жизнь после начала добровольческой деятельности?» и «Вы планируете продолжать добровольческую работу в дальнейшем?». Выяснилось, что 23% пожилых респондентов являются волонтерами уже более 3 лет, 27% – от 2 до 3 лет, 50% – менее 2 лет, но более года.

Ежегодный прирост количества пенсионеров, вовлекаемых в регулярную добровольческую деятельность, подтверждает ее эффективность и лишний раз напоминает о достаточно широко распространенном альтруизме представителей пожилого поколения, обладающих значительным жизненным опытом и готовых делиться им безвозмездно. Но так как в современной России добровольческое движение среди пожилых людей развито слабо, немаловажным фактором является тиражирование положительного образа яркого, интересного, самодостаточного пожилого волонтера средствами массовой информации. Как следствие, 31,1% опрошенных пенсионеров узнали о «серебряных» волонтерах из СМИ, причем большинство из них – те, кто стал заниматься добровольчеством относительно недавно. Но основным источником информации о создании и развитии в стране добровольческого движения среди пенсионеров пока остаются учреждения социальной защиты населения, во многих регионах взявшие на себя функцию конгломерата государственной политики и общественных инициатив граждан (50% участников опроса проинформированы о волонтерском движении в учреждениях социального обслуживания).

Ключевой вопрос проведенного исследования – об изменении качества жизни после начала занятия добровольческой деятельностью, ответы на который позволяют нарисовать достаточно четкий график изменения социального самочувствия пожилого человека. Анализ социального самочувствия граждан при достижении ими пенсионного возраста проводится достаточно большим количеством исследователей. Существенный интерес составляет самооценка пожилых людей, увеличившихся с работы. Опросы показали, что самочувствие пенсионеров, оставивших работу, как правило, ухудшается, особенно у

тех, кто ранее занимался административно-хозяйственной или инженерно-технической деятельностью. Это ухудшение в значительной мере связывают с ломкой многолетних привычек, хотя часто самооценка не соответствует истинному состоянию здоровья. Отмечено, что уход на пенсию без психологической подготовки оказывает неблагоприятное воздействие, ведет к психологической подавленности, депрессии, связанной с потерей имевшихся ранее общественных и культурных связей⁶.

Как показывают результаты настоящего исследования, социальное самочувствие пенсионеров, активно занимающихся волонтерской работой, можно оценить как значительно лучшее по сравнению с самовосприятием до начала добровольческой деятельности. Для подтверждения этого в варианты ответа на вопрос «Как изменилась Ваша жизнь после начала добровольческой деятельности?» были заложены изначальные проблемы, с которыми столкнулись наши респонденты, оказавшись на пенсии (ощущение исключенности из общества и собственной ненужности, одиночество, недопонимание со стороны родственников, ухудшение самочувствия). При ответе на данный вопрос анкетированным гражданам была предоставлена возможность выбрать до пяти вариантов ответов.

Значимое большинство пожилых волонтеров (73%) выбрали вариант «Я чувствую себя нужным человеком», на втором месте по степени приоритетности расположились ответы «Я узнал много нового и интересного» и «У меня появились новые друзья и единомышленники» (по 65%). По 42% волонтеров отметили, что они «...стали лучше себя чувствовать и меньше болеть» и «...вернулась уверенность в своих силах, знаниях, опыте». Треть опрошенных констатировали, что стали интересны своим детям и внукам; 7 человек (25%) смогли сказать, что им «больше не одиноко»; в 15% случаев родные и знакомые стали относиться к респондентам «с большим уважением, чем это было раньше».

Заключительным подтверждением гипотезы о том, что добровольческая занятость граждан пожилого возраста является одним из эффективных способов достижения активного долголетия, можно считать ответ на вопрос анкеты о продолжении добровольческой работы в дальнейшем – 88% действующих «серебряных» волонтеров ответили на него положительно.

В соответствии с нашей второй гипотезой, пожилые россияне, не обремененные воспитанием уже взрослых детей (и даже взрослых внуков), хотя и занимаются активной общественно полезной деятельностью после выхода на пенсию. Подтверждением гипотезы служат ответы на ряд вопросов анкеты, в первую очередь, на вопрос «Почему Вы приняли решение стать волонтером?» (можно было выбрать до трех вари-

антов ответа). Почти три четверти респондентов (19 человек) выбрали вариант «всегда хотелось делать что-то полезное»; для половины (14 человек) решающим критерием стала скука, сформировавшаяся после выхода на пенсию. Остальные ответы расположились по убывающей и не явились первостепенными: «надо делиться знаниями» – 30%, «дети и внуки разъехались, много свободного времени» – 23%, «утрата близкого человека» – 19%.

Немаловажным фактором следует считать выбор профиля волонтерской деятельности и его связь (или отсутствие) с бывшей профессиональной деятельностью. На наш взгляд, неоднократно подтвержденное исследователями стремление людей старшего возраста получать новые знания⁷, не закичиваясь на уже достигнутом прослеживается в ответах на вопрос о сходстве профиля волонтерской работы с прежней профессиональной деятельностью или увлечением респондента. Только двое «серебряных» волонтеров занимаются хорошо знакомой им работой, для основного большинства (61,0%) – это «совершенно новые виды деятельности» или совмещенные с «хорошо знакомыми» (30,7%).

Дополнительное подтверждение желания пожилых граждан получать новые виды знаний и использовать свой жизненный потенциал в непривычных для себя видах инициатив прослеживается в ответах на вопрос «На что Вы предпочитаете направлять свою волонтерскую деятельность?». Наибольшей популярностью у пожилых добровольцев пользуется работа по организации досуга для одиноких пожилых людей и инвалидов, ей отдают предпочтение 65,4% волонтеров. Подобный выбор не случаен: заинтересованность самих пожилых людей в организации собственного творческого досуга подтверждается и другими исследованиями⁸. Креативное направление приоритетно и при выборе варианта «совместная с молодежью и школьниками деятельность с целью привлечения их к творчеству» (46,1%). Далее следуют направления, связанные с передачей своих знаний младшему поколению (различные мастер-классы по домоводству) – 38,4%, заботой о нуждающихся (присмотр за детьми, посещение пожилых и инвалидов на дому) – 34,6% волонтеров. И по убывающей – патриотическое воспитание молодежи (27,0%), добровольная организационная помощь при проведении муниципальных, региональных и иных мероприятий (27,0%), решение экологических проблем (15%).

Но для подтверждения второй гипотезы, на наш взгляд, ключевым необходимо считать ответ пожилых добровольцев на открытый вопрос анкеты «Почему Вы считаете волонтерскую деятельность нужной?»: *Если каждый человек сможет помочь кому-то, мир станет добрее* (жен., возр. группа от 66 до 70 лет, замужем); *Чувство-*

вать себя нужным кому-либо – это очень приятно. Помогать людям необходимо (жен., возр. группа от 71 до 75 лет, вдова); *Помощь другому человеку продлевает жизнь мне самому* (муж., возр. группа от 71 до 75 лет, женат); *Я чувствую, что еще могу быть полезен обществу* (муж., возр. группа от 66 до 70 лет, женат); *Я полезна своему городу* (жен., возр. группа от 66 до 70 лет, вдова); *Делать людям хорошее – хорошеет самому* (жен., возр. группа от 66 до 70 лет, вдова); *Общение с людьми, особенно в нашем возрасте, необходимо, а помогать людям очень приятно* (жен., возр. группа от 66 до 70 лет, замужем); *Чувствуешь себя полезным человеком* (муж., возр. группа от 71 до 75 лет, женат). Ответы остальных анкетированных по смысловому содержанию типичны.

Итак, во всем мире добровольцы – это люди, которые независимо от возраста, социального положения, должности, религиозных или политических убеждений, на основе своего осознанного выбора направляют свои усилия на улучшение жизни своих сообществ, осуществляют безвозмездно деятельность, приносящую пользу другим людям или обществу⁹. Настоящее же исследование подтвердило наши предположения о том, что добровольческая занятость граждан старшего возраста – эффективный способ достижения активного долголетия, а в основе «серебряного» волонтерства лежит потребность пожилых людей в сохранении собственной значимости через призму проявления заботы о слабых и нуждающихся.

Примечания

- 1 См.: Дьякова Т. В. Волонтерство как часть учебного процесса в американской высшей школе // Методика преподавания языка. 2014. № 5 (51). С. 99.
- 2 См.: Колосницына М., Хоркина Н. Государственная политика активного долголетия : о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 27–46.
- 3 См.: Розанов В. А., Мальцева Ю. С., Царанов К. Н. Методическое пособие «Серебряное» волонтерство : ключевые аспекты развития. 2018. URL: <https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2018/10/22/Method%20posobie%20serebtyanie%20volonteri.pdf> (дата обращения: 29.09.2019).
- 4 См.: Кирилук О. М. Добровольческая деятельность пожилых людей в России и за рубежом // Волонтер. 2017. № 1 (21). С. 51–66.
- 5 См.: Бурко В. А., Волкова Ж. В. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестн. ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 43–62.
- 6 См.: Иванова М., Балаев А., Гурвич Е. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопр. экономики. 2017. № 3. С. 2.
- 7 См.: Полтавская М. В. Социальная активность граждан

«третьего возраста» : гендерный аспект (на примере г. Волгограда) // Социология и социальные технологии. 2018. Т. 17, № 2. С. 50. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.5>

⁸ См.: Бадальянц М. В., Киварина М. В. Социальная адаптация граждан старшего возраста : возможности и проблемы // Актуальные вопросы социально-экономического развития современной России : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. А. Пиковского, Великий

Новгород : Изд-во НГУ им. Ярослава Мудрого, 2018. С. 5–12.

⁹ См.: Организация добровольческой деятельности в учреждениях системы социальной защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : учеб.-метод. комплект / авт.-сост. М. В. Пикинская, Я. В. Григорьева. Сургут, 2013. 92 с. URL: http://www.kdobru.ru/netcat_files/171/143/45.pdf (дата обращения: 30.09.2019).

Образец для цитирования:

Соболева Е. В. Добровольческая деятельность граждан старшего возраста как одна из форм активного долголетия российских пенсионеров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 47–51. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-47-51>

Cite this article as:

Soboleva E. V. Senior Citizens' Volunteer Activity of as One of the Forms of Active Longevity of Russian Pensioners. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 47–51 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-47-51>

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

«Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть первая)

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного выяснению целесообразности использования в экспертизе научного качества диссертаций и публикаций по политологии такого критерия, как «ценность научного исследования». Автор анализирует причины, по которым сегодня в российском научно-экспертном сообществе возник интерес к использованию этого критерия. В публикации выявлены ключевые проблемы с наполнением понятий «ценность» и «оценка» таким смыслом, который соответствовал бы современным задачам научной экспертизы диссертаций, монографий и статей политологов. В статье прослежена связь этих проблем с тем выбором в пользу того или иного подхода к осуществлению научной экспертизы политологических текстов своих коллег, который наиболее часто сегодня делают российские эксперты-политологи.

Ключевые слова: научная экспертиза, критерии качества научного исследования, ценность научного исследования.

“Value” as a Prerequisite for the Quality of Modern Political Research (Part One)

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhan-skaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

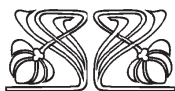
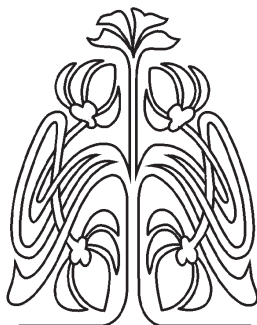
The article is the first part of the study aiming at specifying expediency of using the “scholarly research value” criterion while assessing political science dissertations and other papers. The author analyzes reasons why this criterion is of high interest among Russian scholars and experts nowadays. Key problems of filling the notions “value” and “evaluation” with the meaning corresponding to actual goals of political science dissertations, monographs, and articles’ analysis are pinpointed. The author shows these problems’ relation to the choice in favor of an approach to scholarly expertise of texts Russian scholars and experts typically make.

Keywords: scholarly expertise, criteria of scholarly research quality, value of scholarly research.

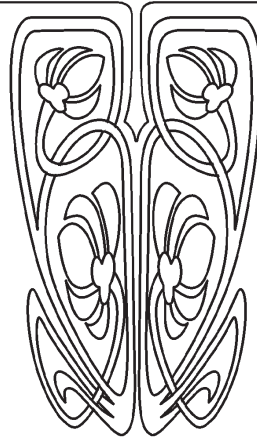
DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-52-58>

Современные требования к научной экспертизе. О понятиях

Тех, кто производит и потребляет научную продукцию (научные сообщества, граждане, элиты), объединяет интерес к ее качеству. Сегодня эта общность интереса хорошо заметна в свете той большой роли, которую в современном мире научное знание играет в поддержке и развитии многих личных, социальных и государственных практик. Воплощением этого интереса, его специфики и тенденций к изменению являются формальные и неформальные требования к научным исследованиям, к их содержанию и оформлению. Это требования и со стороны государственных институтов, ведающих организацией научного процесса в масштабах страны, и со стороны общественных институтов, берущих на себя функцию научной экспертизы. Это требования самой научной корпорации к качеству трудов своих

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

членов, возникающие в ответ на запросы со стороны государства и общества.

Требования эти обычно системны, в них обнаруживается определенная внутренняя логика. В условиях современной России она выглядит примерно так: «Чем выше будет уровень ответственности эксперта, тем строже станут его требования к автору научного труда; чем более автор научного исследования будет стараться заранее соответствовать в своих мыслях и действиях строгим требованиям экспертизы, тем выше будет качество конечного результата его творческих усилий».

В таком порядке рассуждения есть разумное начало. Действительно, понимание исследователями конкретной меры и конкретных форм своей ответственности перед обществом и коллегами по профессии еще нигде и никому из них не повредило. Есть вместе с тем в этом порядке рассуждения уязвимое звено. Аргюги предполагается, что все те требования, которые эксперт предъявляет автору научного исследования, а автор, с подачи эксперта, предъявляет себе, в равной мере понятны им на ту глубину, при которой реализация этих требований становится для них нормальной рутинной повседневной профессиональной деятельностью. Иначе говоря, реализация данных требований в рамках конкретного научного исследования не создает дополнительных трудностей как для творчества самого исследователя, так и для работы эксперта. Они дружно, делая каждый свою работу, могут шаг за шагом поднимать качество российских научных исследований все выше и выше.

На деле ситуация выглядит не так гармонично. В последние годы в перечне требований к качеству конечного продукта, предъявляемых исследователям и экспертам со стороны заинтересованных государственных и общественных структур, появилось новое. Это требование к автору научного исследования, чтобы оно было «ценным», и к эксперту, чтобы тот упомянутое научное исследование не просто рецензировал бы, а «оценивал». Требование внешне простое и разумное. Тем более что сами по себе понятия «ценность научного знания», «оценка труда ученого», «неоценимый вклад в теорию и практику» и т. д. давно являются частью публичного и научного дискурсов в нашей стране. Проблема в другом. До недавнего времени понятие «ценность» использовалось участниками научных и публичных коммуникаций для характеристики эксклюзивных, превышающих обычный уровень наших ожиданий от науки свойств знания, добытого учеными. Оно служило дискурсивным маркером рубежа, до которого наука выступает перед обществом в облике повседневной социальной практики, связанной с систематическим производством научной продукции, а после которого уже становится искусством и способна создавать шедевры знания.

Сегодня в научном дискурсе понятие «ценность» стало маркером требований уже не к отдельным шедеврам научного творчества. Оно стало стандартным требованием в ряду других стандартных требований к качеству научной продукции как таковой; обязательной характеристикой вообще всего, что любой ученый, независимо от его квалификации и сферы деятельности, думает, решает, пишет. Вместе с тем в качестве инструмента экспертизы требование к труду ученого быть «ценным» не приобрело сегодня того уровня понятности, при котором можно было бы ожидать быстрой позитивной отдачи от его реализации авторами научных текстов и экспертами. Теоретический и практический смысл данного требования представляет собой в настоящий момент скорее предмет для дискуссии в профессиональном сообществе, чем руководство к непосредственному действию. Особенно если результатом этого действия должно стать более высокое качество научной продукции и ее экспертизы. Анализ условий, делающих реализацию данного требования необходимой, но трудновыполнимой в настоящий момент задачей, посвящена настоящая публикация.

В педагогике существует правило: требования наставника к своему подопечному должны быть обоснованными и разумными. Иначе говоря, прежде чем чего-то требовать от подопечного, наставник должен заранее просчитать свои и подопечного интересы и возможности, порядок и меру реализуемости своих требований, а также возможные последствия невыполнения этих требований подопечным. В противном случае коммуникация наставника с подопечным превращается в произвол.

Правило это вполне, как мне кажется, приложимо и к практике научной экспертизы. Добросовестный эксперт в каком-то смысле тоже выступает по отношению к автору рецензируемого труда в роли наставника, в задачу которого входит не только указать на недостатки в позиции исследователя, а еще и предложить способ эти недостатки исправить. Именно в своевременном исправлении исследователем недостатков, обнаруженных экспертом в его научном тексте, и заключается, наверное, фундаментальный смысл научной экспертизы как технологии контроля и повышения качества научной продукции.

Соблюдение этого правила требует, чтобы эксперт, который, например, изучает диссертацию начинающего политолога на предмет обнаружения в ней чего-либо «ценного», наряду с «актуальным», «новым», «достоверным», а также «теоретически и практически значимым», сам бы имел четкое представление о том, что именно он в этой диссертации ищет и готов назвать «ценным». Он как минимум должен в известной ситуации смочь внятно объяснить соискателю ученой степени те собственные представления о смысле понятия «ценность», руководствуясь ко-

торами, он счел результаты творческих усилий диссертанта «ценными», а возможно, и «бесценными».

Объяснение должно быть настолько внятным, чтобы оно не создавало почвы для профессионального, а хуже того – личного конфликта автора научного текста с экспертом, а у государственных и общественных структур, контролирующих процесс аттестации научных кадров, не возникало бы претензий к компетентности их обоих.

Что именно эксперт должен найти в научном тексте такого, что однозначно свидетельствовало бы в пользу «ценности» этого текста? Варианты могут быть очень разными. Эксперт может, например, руководствоваться тем соображением, что свидетельством «ценности» научного текста является присутствие в нем авторской рефлексии на тему «общечеловеческих», национально-государственных, корпоративных и личных, а также секулярных и религиозных ценностей. Уровень «ценности» достижений автора научного труда эксперт может в этом случае связать с уровнем этой самой рефлексии.

Такой подход, вероятнее всего, хорошо покажет себя при экспертизе научных исследований в сфере философских проблем политики в прошлом и настоящем. В определенной мере он реализуем также применительно к экспертизе исследований по истории и современному состоянию политической мысли. То есть везде, где у исследователя есть потребность и возможность от изложения фактов сразу перейти к теоретическим обобщениям мировоззренческого или хотя бы методологического уровня. Но не у всех политологов (и не только политологов) и далеко не всегда есть потребность и возможность в изучении какого-либо конкретного предмета подниматься до высот философской науки. Многие исследования политологов, особенно начинающих, имеют преимущественно прикладной характер, направлены на решение важных, но текущих задач изучения политического процесса и управления им.

Если эксперт ищет в научном тексте не следы присутствия социальных и индивидуальных ценностей, то, возможно, ему нужно быть «ближе к жизни»? То есть и искать в тексте то, что представляет собой не философскую, а экономическую ценность. Проще говоря, то, что может в современных условиях рынка (участниками которого сегодня являются и научная корпорация, и отдельные творческие коллективы, и отдельные ученые-бизнесмены) обладать товарной стоимостью, а эта стоимость может быть тем или иным способом (посредством системы грантов, например) приведена в соответствие к действующей шкале «свободных» рыночных цен на научную продукцию. Либо она может быть приведена к тем ценам на научную продукцию, которые устанавливают, исходя из своих интересов и воз-

можностей, такие агенты этого рынка, какими сегодня являются различные грантодатели.

В любом случае такой экспертный подход подразумевает отождествление «ценности» научного труда с «ценой» его результатов и сразу ставит вне конкуренции авторов исследований, выполненных на средства от предоставления грантов. Эти исследования фактически уже кем-то куплены для дальнейших инвестиций в научную или какую-то другую сферу. «Ценность» таких научных проектов, т. е. соответствие их качества запрашиваемым авторами проектов средств для их реализации, эксперт определяет в соответствии с методикой, утвержденной грантодателем. И «ценность» эта имеет конкретное выражение в денежных единицах.

В этом случае, наоборот, в очевидном выигрыше оказываются авторы прикладных исследований, в том числе прикладных исследований по гуманитарным направлениям. Товарное, т. е. «ценное» свойство гуманитарного исследования может быть воплощено, например, в различных научных методиках, управленческих и аналитических технологиях, моделях процессов и т. д. – в том, экономическую отдачу от внедрения чего в практику относительно несложно рассчитать.

Авторов научно-квалификационных работ, кандидатских и докторских диссертаций данный подход к «оцениванию» их исследовательских усилий ставит в заведомо невыгодное положение. Это относится даже к тем диссертациям, которые посвящены решению совершенно конкретных прикладных задач. В документах ВАК РФ сегодня нет требований, обязывающих диссертанта заведомо придавать тексту своей научной работы и ее результатам вид, пригодный для продажи и купли, даже просто для непосредственного внедрения в практику. Многие исследования прикладной направленности решают специфические методологические, организационные и методические задачи самой науки и изначально не предназначены быть выставленными на продажу и вообще быть востребованными за границами научного сообщества.

Трудность экспертизы как теоретических, так и прикладных политических исследований будет в рассматриваемом случае заключаться еще и в том, что исследования эти часто имеют прогностическую направленность. Определить экономическую «ценность» прогноза, особенно в денежном эквиваленте, достаточно сложно. Понятно, что в организации жизни современных людей большую роль играет их стремление представить себе будущие проблемы и возможности этой жизни. Но эту потребность в представлениях современных людей о своем будущем разные прогнозы удовлетворяют очень по-разному. Одни прогнозы посвящены ожидаемым выгодам и потерям в различных социальных практиках, политических в том числе. Здесь эксперту не так

просто, но, в принципе, возможно в работе с текстом научного исследования выйти на экономические инструменты и аргументы, подтверждающие «ценность» творческих усилий автора этого текста.

Но как быть, если прогноз касается нематериальной сферы человеческих отношений, а именно будущего политических идеологий, социальных мифов, гражданского участия в общественной и государственной жизни? Такой прогноз не решает конкретно никакую практическую задачу в сфере экономики, культуры и политики. Он создает в сознании людей, с ним познакомившихся, определенный настрой на решение практических задач либо на то, чтобы этим решением пренебречь. Сегодня у науки есть возможность выявить и даже измерить этот настрой социологическими инструментами. Что же касается способов измерения «ценности» таких прогнозов средствами экономической науки, то это возможно не сейчас, не когда прогноз опубликован и эксперт с ним работает, а тогда, когда обнаружатся последствия влияния этого прогноза на практическую активность людей и последствия эти можно будет выразить в экономических показателях.

Примером могут послужить исследования prognostической направленности по проблематике «глобального потепления». Какова «ценность» этих научных прогнозов и по какой шкале ее определять? Если по количеству материальных и нематериальных средств, направленных на изучение изменений климата Земли, то научные усилия сторонников идеи «глобального потепления» поистине «бесценны». Если же судить по тем проблемам в реальном секторе экономики развитых и особенно развивающихся стран, которые возникают по результатам борьбы ученых и активистов различных экологических исследований с «глобальным потеплением», то «ценность» таких исследований выглядит специфически. Они «ценны», прежде всего, в качестве инструмента конкурентной борьбы между транснациональными корпорациями.

Не случайно, вероятно, довольно часто в современном публичном дискурсе экологических организаций и активистов (особенно действующих на международном уровне) их деятельность именуется борьбой за некие трансцендентные «интересы природы». Тогда как реально речь идет о конкретных экономических и политических интересах конкретных элит, гражданских обществ либо научных и бизнес-структур к тому, чтобы их деятельность в массовом сознании современников ассоциировалась с «пользой» для природы, а деятельность конкурентов – с «вредом» для нее.

Нанесли ли научные исследования больше экономического вреда или пользы развитию социальных систем в современном мире, или же результат усилий ученых отстоять «интересы

природы» в экономическом плане вообще стремится к нулю? Достоверно судить об этом можно будет, вероятно, только по прошествии какого-то времени.

Потенциально возможен и третий вариант понимания экспертом того, что есть «ценность», и соответствующей стратегии поиска следов этой «ценности» в научном тексте. Эксперт может настроить автора рецензируемого научного исследования и себя на то, что основной задачей их сотрудничества является обнаружение в конкретном научном тексте всего того, что подпадает под определение «культурные ценности». Основы законодательства Российской Федерации о культуре определяют «культурные ценности» как «...нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты»¹.

Определение трактует понятие «культурные ценности» предельно расширительно, что оправдано потребностью государственных структур иметь пространство для маневра в управлении сферой культуры. Что касается технологии научной экспертизы, то с позиции этого определения свидетельством присутствия в конкретном научном тексте «культурной ценности» может быть все, что угодно: от хорошего литературного языка, которым написан текст, до специфических методологических установок автора и тех традиций его науки, приверженность которым он демонстрирует. «Ценностью» в этом случае будет обладать любой научный труд (независимо от его формата, теоретической или прикладной направленности) уже потому, что в нем отражена общая и профессиональная культурная ориентированность его автора.

Возможны, наверное, и какие-то другие варианты для эксперта и автора договориться насчет того, как именно понимать «ценность» и по каким признакам искать ее присутствие в научном тексте. Те варианты, которые были рассмотрены выше, убеждают в одном. Даже если автору научного исследования и эксперту, при известных творческих усилиях с обеих сторон, удастся договориться между собой о содержании понятия «ценность» и о том, что именно в содержании научного текста они будут определять этим понятием, это никак не гарантирует им самого важного результата – того, что их договоренность получит признание в научно-исследовательском и экспертном сообществах; что она не вызовет возражений специалистов по поводу разумности и корректности наделения понятия

«ценность» именно этим, а не иным смыслом. И сколько будет критиков, столько, вероятно, будет предложено альтернативных решений. Само по себе наличие альтернативных предложений не плохо, но применительно к рассматриваемой ситуации они будут выражением сомнений специалистов относительно профессиональной компетентности автора и эксперта.

Проблема стратегии экспертизы качества политического исследования

Большинство специалистов, занимающихся экспертизой качества политических исследований в нашей стране, вполне осознают свою ответственность за те замечания и рекомендации, которые они адресуют авторам рецензируемых текстов. Особенно тогда, когда речь идет об экспертизе научно-квалификационных работ начинающих политологов, исследовательские инициативы которых будут определять лицо отечественной политической науки в обозримой перспективе. Добросовестного эксперта осознавание своей ответственности будет подталкивать к тому, чтобы сделать свои суждения о качестве трудов своих коллег максимально полными, точными и объективными. Контролировать себя и быть уверенным в собственной непредвзятости эксперту значительно легче, когда он реализует определенную стратегию экспертной работы. Иначе говоря, когда эксперт, высказывая претензии в адрес научного текста, четко представляет себе смысл и реализуемость своих требований к его автору. Когда он понимает, применение каких именно критериев, в каком количестве и порядке позволяет ему максимально точно выявить достоинства и недостатки в творческой работе автора политического исследования.

С одной стороны, сегодня потребность в большей, чем прежде, четкости понимания экспертом стратегии своей работы очевидна. Государственные и общественные структуры, в рамках законодательства или по своей инициативе контролирурующие научный процесс, предъявляют все более высокие требования к качеству результатов работы российских ученых и качеству экспертизы этих результатов. Это сегодня в России проблема не одной политологии, а, пожалуй, всех гуманитарных, а также точных и естественных наук².

С другой стороны, сегодня нет ясности с тем, каким именно путем можно добиться большей работоспособности критериев оценки качества научных текстов. Лучше это сделать путем уточнения смысла и порядка применения уже ранее известных критериев или же путем введения в научный оборот неких новых критериев? Таких, которые дополнили бы существующие критерии, а, возможно, могли бы в дальнейшем и заменить их, сделать тем самым экспертную процедуру

более простой и надежной. Сегодня особенно активно специалистами обсуждается возможность реализации второго варианта повышения качества экспертизы – в первую очередь, за счет дополнения общепринятых критериев актуальности, новизны, корректности методологии и т. д. критерием «ценность научного исследования».

У такого выбора нового критерия есть своя логика. Тот ряд критериев, которыми по традиции пользуются отечественные исследователи и эксперты, хорошо зарекомендовал себя на практике. На его основе за минувшее столетие сложилась устойчивая, понятная и неплохо работающая технология научной экспертизы. Однако именно технологичность этой процедуры естественным образом подводит специалистов к мысли, что следующий шаг в направлении ее совершенствования и преодоления нынешних недостатков может и должен быть сделан. Как вариант – найти такой фундаментальный критерий и такое максимально общее понятие для его обозначения, использование которых в экспертизе позволяло бы специалисту, ее осуществляющему, сделать суждения о качестве научных текстов своих коллег еще более полными, точными и неоспоримыми, чем при использовании традиционного набора критериев.

Одна из проблем с использованием нынешней технологии экспертизы заключается в том, что нигде и никак функциональность отдельных критериев (их способность влиять на конечный результат экспертизы) официально не закреплена. Официально, если руководствоваться рекомендациями ВАК РФ по проведению экспертизы диссертаций, все критерии от «актуальности» до «апробации результатов исследования» равнозначны. В то же время вполне естественно, что при экспертизе научных текстов любой добросовестный эксперт помимо официальных требований к своей работе руководствуется еще и собственным видением того, что в рецензируемом тексте важно больше, а что меньше.

Личный опыт исследовательской работы эксперта препятствует ему относиться ко всем критериям одинаково. Одному специалисту его научный опыт подсказывает, что для итогового вывода о качестве рецензируемого научного текста то, как его автор сформулировал «актуальность» и «новизну», важнее, чем то, как он, допустим, презентовал «методологию» своей работы с научной литературой и первоисточниками. Тем более что тезис о кризисном состоянии методологии отечественных политических исследований, о неопределенности преимуществ количественных и качественных методов при изучении реалий российской и мировой политики сегодня довольно часто звучит в публикациях известных отечественных теоретиков³.

Разумно ли, решит в этом случае добросовестный эксперт, предъявлять претензию коллеге, особенно аспиранту, пишущему диссертацию

цию, насчет несовершенства его методологии, когда даже опытные специалисты-методологи не всегда могут согласовать свои позиции по тому или иному вопросу политической теории и исследовательской практики?

Понятно, что в такой ситуации эксперт (именно в силу своей научной добросовестности) не станет акцентировать внимание на многих очевидных теоретических несуразностях. Например, на том обстоятельстве, что очень часто сегодня отечественные политологи считают вполне для себя естественным в диссертациях и публикациях презентовать читателю мысли и высказывания Аристотеля и Платона о полисном государстве и рабовладельческой демократии (без всякой, заметим, критики и поправок на историческое время) в качестве необходимого и, более того, вполне достаточного теоретического основания для изучения демократических процессов в XXI в. В особенности для понимания места в этих процессах и сущности современных правового государства и гражданского общества.

Он, вероятно, с пониманием отнесется к тому, что не менее часто авторы политических исследований (особенно если это диссертации) сводят обязательную характеристику методологии своей творческой работы к простому перечислению известных им методов политического исследования – без необходимого разъяснения того, в чем они видят практический смысл применения именно этих методов для решения своих конкретных научных задач. Все это добросовестный эксперт, скорее всего, отнесет на счет российской политологии, а не конкретного рецензируемого исследования.

Другое дело – четкость и полнота формулировок «актуальности» и «новизны» работы, предпринятой исследователем. Тут состояние науки никак не ограничивает возможностей автора научного текста быть максимально внятным в изложении своих исходных позиций. И эксперт в этом случае имеет полное моральное право предъявить к автору максимально строгие требования, даже более строгие, чем к разделу «Методология исследования».

Другого специалиста, когда он возьмет в руки тот же самый научный текст, его собственный исследовательский опыт будет подталкивать к тому, чтобы выше всех прочих требований к качеству политологического текста ставить требование «новизны» результатов, лично полученных его автором. Борьба с плагиатом в трудах ученых, которая сегодня развернулась в России, такое предпочтение эксперта вполне будет оправдывать.

Либо (когда речь, например, идет о диссертации) определяющим для эксперта будет то, как автор сформулировал ее научные цель и задачи. И с таким выбором тоже будет трудно поспорить. Потому что нередки случаи, когда диссертанты-политологи, например, формулируют

цель и задачи своей научной работы так, что эти формулировки не согласуются ни с паспортом специальности, по которой в дальнейшем запланирована защита, ни вообще с объективными и предметными полями современной политической науки. Когда эксперт сталкивается с такими некорректными формулировками, то, понятно, для него уже все прочие достоинства и недостатки рецензируемого текста становятся не существенными с точки зрения конечного результата экспертизы.

У технологии экспертизы, основанной на применении разнообразных критериев, есть и другой недостаток. Причем он распространяется на все продукты научного творчества, подлежащие экспертизе. Как только политолог или другой гуманитарий начинают придумывать «научные», на их взгляд, формулировки «теоретической и практической значимости», «новизны» и «достоверности» для своих, например, текстов диссертаций, то они невольно вступают в пространство действия современного неформального «стандарта научности». Они вынуждены приспособляться к этому стандарту. А при невозможности приспособиться просто имитировать этот «стандарт», т. е. разными способами делать свои тексты похожими, по внешним признакам, на тексты математиков, физиков или химиков.

«Стандарт» этот породили успехи точных и естественных наук в XIX и XX вв. И он, по сути, как был в прошлые два столетия, так и сегодня остался стандартом позитивистским. Этот «стандарт», соответственно, предполагает доминирование в работе исследователя количественных методов над качественными. Он требует также, чтобы у истинно научного исследования имелась экспериментальная база. Чтобы эта экспериментальная база обеспечивала верифицируемость результатов, полученных ученым. Нынешние общепринятые критерии научного качества процедуры и текста гуманитарного исследования по смыслу и «правильным» формулировкам прямо привязаны к этому неформальному «стандарту». Сегодня существует, например, утвержденный решением ВАК РФ образец, можно даже сказать, шаблон для написания заключения диссертационного совета по итогам защиты в нем диссертации⁴. В этом документе выделены те квалификационные требования и сформулированы они так, чтобы максимально обеспечить интересы результативной экспертизы диссертаций по точным и естественным наукам. Для диссертаций гуманитариев шаблон предусматривает поправки, например, в части требований к диссертату высказаться о результатах лабораторных экспериментов диссертанта и открытии им новых природных процессов и явлений, создания новых научных теорий. По всем прочим позициям требования этого документа к гуманитариям те же, что к математикам, физикам и химикам. Точно так же требуется, к примеру, характеристика

гипотезы гуманитарного исследования. При том что без эксперимента гипотеза не имеет смысла как таковая.

Соответствовать этому стандарту гуманитарное исследование, в принципе, может, но лишь в ограниченном числе случаев и не по всем своим позициям. Экспериментирование исследователя, например, с социально-политическими институтами и процессами, по определению, исключено. Он не может поместить общество и элиты, с их нынешней высокой активностью политических мыслей и действий, в колбу или под микроскоп, чтобы в стерильных лабораторных условиях наблюдать за ними, ставить и многократно повторять эксперименты над ними и на этой основе создавать законченные и верифицируемые модели и концепции разнообразных политических процессов. Чуть больше простора у политологов для экспериментирования с политическими технологиями. Но и в этом случае политологи обычно сталкиваются с неverified результатами применения таких технологий в практической политике.

В большинстве же случаев попытки политологов-исследователей максимально соответствовать этому точно- и естественнонаучному «стандарту» (если не по сути, то по форме изложения своих мыслей и результатов работы) ведут к появлению в диссертациях и публикациях его имитаций⁵. В частности, в виде наукообразных формулировок «новизны», «гипотезы», в виде переименования «источниковой базы» гуманитарного исследования в «эмпирическую базу» (что в диссертациях политологов в последние годы приобрело характер эпидемии) и т. д. И это не вопрос недобросовестности специалистов или узости взглядов чиновников. Достижения современных исследователей в разных областях научного знания очень разнообразны, а когда речь идет о подтверждении этих достижений документами единого государственного образца, то понятно, что достижения эти надо как-то между собой соотносить. Замещение нескольких критериев качества научного труда политолога одним мега-критерием многое в этом плане решает, создает почву для компромисса научных и бюрократических требований к технологии научной экспертизы.

С упомянутыми трудностями, а также многими другими добросовестные эксперты-политологи сегодня справляются каждый на свой лад. И этим порой навлекают на себя обвинения в недобросовестности и профессиональной некомпетентности со стороны активистов-общественников, борющихся за чистоту рядов российской науки и добросовестность научной экспертизы с позиции представления, что все проблемы технологии научной экспертизы в нашей стране давно и вполне удовлетворительно решены.

Окончание следует.

Примечания

- 1 Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 18.07.2019). Ст. 3. Основные понятия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/068694c3b5a06683b5e5a2d480bb399b9a7e3dcc/ (дата обращения: 12.09.2019).
- 2 См.: Щёголева Л. В., Пахомов С. И., Гуртов В. А. Обобщённый портрет академического диссертационного совета // Вестн. РАН. 2015. Т. 85, № 3. С. 15–20. DOI: 10.7868/S0869587315030147
- 3 См.: Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н. Фэркло) // Полис. 2011. № 5. С. 145–150 ; Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия : споры о познании политики в эпоху неопределённости // Полис. 2019. № 5. С. 19–42. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03
- 4 См.: Приложение 4 к «Положению о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093. Рекомендательный образец. URL: <https://base.garant.ru/71825906/d8b01b57742d3a84cbe3048d71fc60a9/> (дата обращения: 24.10.2019).
- 5 См., например: Заключение диссертационного совета по защищенной диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук : учеб.-метод. пособие для аспирантов и соискателей / С. Д. Резник, О. А. Сазыкина. Пенза : ПГУАС, 2014.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть первая) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-52-58>

Cite this article as:

Shestov N. I. «Value» as a Prerequisite for the Quality of Modern Political Research (Part One). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 52–58 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-52-58>

УДК 321.01

Традиционные и нормативные основы политической функциональности государства в современной России

А. В. Афонасова

Афонасова Алена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Курганский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

В статье рассмотрены традиционные и нормативные основы обеспечения баланса политической функциональности государства и гражданского общества в постсоветской России. На примере одной из важнейших статей Конституции РФ показана возможность различной трактовки функциональности социального государства и возможностей институтов гражданского общества в решении социальных задач в современной России.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, политическая функциональность государства, социальное государство, Конституция РФ.

Traditional and Normative Bases of the State's Political Functionality in Modern Russia

A. V. Afonasova

Alena A. Afonasova, <https://orcid.org/0000-0002-6156-2811>, Kurgan branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 147a Karl Marx St., Kurgan 640022, Russia, afonasova.av@kurg.ranepa.ru

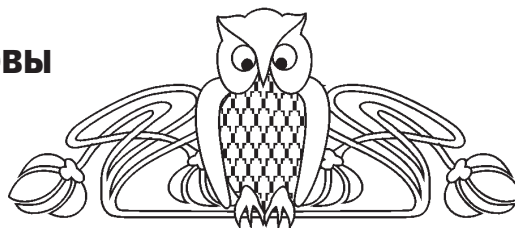
The article considers traditional and normative bases of providing the balance between the state's political functionality and civil society in post-soviet Russia. Exemplified by one of the most important articles of the Russian Constitution, possibility of different interpretation of the social state's functionality and civil society potential for public problem solving in contemporary Russia is shown.

Keywords: state, civil society, political functionality of a state, social state, Constitution of the Russian Federation.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-59-63>

Если обратиться к истории политической жизни современных европейских государств, включая Российское государство, а также к истории государствоведческой мысли до начала Новейшего времени, то будет заметна определенная тенденция. Долгое время основой политической функциональности государства была светская и религиозная традиция. Чем острее у властных элит того или иного государства была потребность в укреплении и повышении своей функциональности, тем охотнее они трудились над возвеличиванием и удревнением своей государственной традиции, начиная ее с богов и героев, с библейских преданий.

По мере того как Европа становилась сообществом национальных государств, когда на-

ционально-государственные характеристики приобретали даже империи Нового времени, политическая и религиозная традиция все хуже выполняла прежнюю функцию. Она не могла уже пополнять основной ресурс повышения политической функциональности этих государств, их способности при помощи инструментов политики мобилизовать ресурсы обществ и управлять ими для реализации национально-государственных интересов. Объяснить это можно не тем, что элиты утрачивали интерес к этой традиции, так как интерес этот, напротив, даже возрос. В государственной традиции данного периода нашла для себя опору специфическая идентичность наций. Проблема и состояла в том, как органично связать эту новую политическую идентичность, апеллирующую к славному и древнему государственному прошлому, с новой общественной потребностью – повышением наряду с политической функциональностью государств еще и политической функциональности гражданских обществ и их отдельных институтов.

Идея конституции, когда она в конце Нового времени, в эпоху буржуазных революций, из идеи философско-правовой превратилась в политическую идею и стала реализовываться на практике, была, в сущности, идеей именно такой связи. Государственное законодательство определяло условия и инструменты взаимодействия граждан между собой и граждан с государством. А конституция закрепляла, прежде всего, те общие правовые, этические и организационные принципы такого взаимодействия, реализация которых в текущем законодательстве и практической политике позволяла повышать политическую функциональность и правового либерально-демократического государства, и либерального гражданского общества. Причем повышать настолько сбалансировано, чтобы в отношениях правового государства и гражданского общества возникало бы как можно меньше поводов для правовых и политических конфликтов.

Минимизация гражданских и гражданско-элитарных конфликтов в либерально-демократических государствах позволила довести политическую функциональность этих государств до уровня, который политологи обычно обозначают понятием «политическая стабильность».

Однако у этой стабильности, как обнаружилось в последние десятилетия, есть свои собственные издержки и риски. Одним из них

является фактический отказ большинства либерально-демократических элит в современном мире от поиска иных способов повышения политической функциональности своих государств, кроме путей конституционно-правовых. Это приводит к тому, что все функционирование социально-политической системы завязано только на один ее ключевой элемент и, в свою очередь, ставит систему в очень рискованное положение, когда любой конституционный кризис способен обернуться масштабной политической дисфункциональностью правового государства и расколом гражданского общества.

Но есть у этой стабильности и преимущества. Главное из них – возможность не растрчивать общественные и государственные ресурсы на внеправовое урегулирование политических конфликтов и оперативно маневрировать этими ресурсами. Все это особенно важно в той конкуренции за жизненное пространство и ресурсы, которая сегодня идет между государствами и обществами и которую политологи называют «глобализацией». По причине своего конкурентного потенциала конституционный либерально-демократический порядок к моменту распада СССР и крушения мировой социалистической системы в рамках процесса глобализации стали продвигать как единственно верный образец государственного устройства и функционирования гражданского общества.

Однако в 2000-е гг. универсализм либеральной доктрины и стратегию построения однополярного мира под эгидой США и их союзников по НАТО стали подвергать критике. Причиной тому – прежде всего, события в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и многих других регионах мира, где военное вмешательство США и НАТО не привело к стабилизации политической и социально-экономической ситуации. В этой связи исследователи стали акцентировать внимание на противоречивых последствиях глобализации для национальных государств в области внешнеполитических отношений, в том числе и для России.

Например, по мнению Н. Н. Виприцкого, эта противоречивость определяет необходимость переосмысления сущности и видов внешних функций государства. Обусловлено это многими факторами и, прежде всего, новым спектром субъектов внешних отношений, когда с середины XX столетия «возникло более 100 новых государств в Азии, в Африке, в Латинской Америке. В изменившихся условиях Россия должна четко обозначить систему приоритетов и интересов сотрудничества с новыми государствами, провести соответствующие юридические мероприятия. Проблема актуализируется также динамикой становления и развития новых региональных стратегических союзов, в том числе в военной сфере»¹. Вторым важнейшим фактором, актуализирующим проблему внешней функцио-

нальности Российского государства, выступает конституционный уровень «закрепления тезиса о значении норм, общепризнанных принципов международного права для российской правовой системы»².

По поводу данного обстоятельства особенно активно ведется дискуссия среди правоведов и политологов. С одной стороны, по инерции продолжалось обоснование неизбежности складывания единого мирового порядка в рамках универсальной либеральной модели.

Например, доцент Владимирского государственного гуманитарного университета О. Д. Третьякова последовательно обосновывает прогрессивность и неизбежность влияния процесса глобализации на национальные правовые системы, утверждая, что «правовая конвергенция – прогресс и результат взаимодействия национального права отдельных государств, выражающихся в сближении, повышении степени их правовой когерентности на основе принципов глобальности, парадигмальности и комплементарности»³. В. В. Ралько, президент Московской городской нотариальной конторы, в своей статье, написанной в 2008 г., хотя и осторожно, но обосновывает неизбежность трансформации правовых систем по пути универсализации в условиях глобализации. Осторожность связана с тем, что автор справедливо отмечает исторически обусловленные предпосылки складывания национальных правовых систем как результат «действия значительного числа элементов объективного и субъективного порядка»⁴.

Последующее развитие событий в рамках обострения отношений между Россией и западноевропейскими странами в связи с кризисом на Украине, на наш взгляд, наглядно продемонстрировало, что приоритет международных норм представляет собой фактически инструмент выстраивания системы межгосударственных отношений в рамках однополярного мира во главе с США, диктующими всему миру правовые нормы и их интерпретации. Причем это касается не только стремления США и их союзников повлиять на характер и формы взаимоотношений России со своими соседями в ближнем зарубежье и мире в целом, но и их попыток повлиять на российскую внутреннюю политику, на функционирование ее базовых политических институтов.

Тем не менее в современной России большинством политической элиты и граждан Конституция РФ воспринимается в качестве основы политической стабильности, необходимой Российской Федерации как современному либерально-демократическому государству и участнику глобализационного процесса. Иными словами, сегодня в России, как и во всем сообществе либерально-демократических стран, Конституция РФ представляет собой основной инструмент управления политической функциональностью правового государства и гражданского общества

с целью достижения оптимального баланса в этой функциональности⁵.

Возникает резонный вопрос, почему тогда от российских политологов часто можно услышать сетования по поводу сложившегося противоречия в достижении этого баланса. С одной стороны, признается, что есть успехи в обеспечении функциональности институтов государственного управления общественной жизнью. Ее рост признается как сторонниками действующего политического режима, которые видят в этом позитивный для общества результат, так и его противниками, усматривающими в этом усиление авторитарного характера Российского государства. Гораздо менее признан успех в обеспечении функциональности гражданского общества и его основных политических институтов (политических партий, общественных движений, местного самоуправления). Наличие проблем в этой сфере опять же носит общепризнанный характер. Получается, что в современной России в процессе роста политической функциональности государства и общества баланс складывается не таким, каким он предполагается в соответствии с классической либеральной моделью и каким его показывает зарубежный политический опыт. Соответственно, критики режима видят в этом одну из главных причин трудностей в решении задач модернизации страны. Получается, что действующая Конституция РФ недостаточно хорошо справляется со своей ролью главного инструмента управления балансом политических функциональностей в нашей социально-политической системе? Возникает резонный вопрос – почему? Ведь по главным своим структурным и содержательным характеристикам Конституция РФ вобрала в себя все лучшее в основных нормах (прежде всего, тех, которые определяют политическую функциональность российских граждан и институтов гражданского общества), что есть в зарубежных прототипах.

Политологи часто ссылаются на историков, утверждая, что в этом случае во всем виноваты исторические традиции российской политики, а именно постоянное доминирование государства, его интересов, институтов и ресурсов над обществом. Это якобы та константа отечественного политического процесса, изменить которую не в состоянии никакие реформы и никакие конституции⁶. На это можно возразить, что за постсоветское время политическая функциональность российского общества изменилась. Не так, может быть, заметно, как функциональность государства. Парадокс состоит в том, что «бесклассовое» советское гражданское общество трансформировалось в либеральное гражданское общество, с очевидными атрибутами классовости и даже «сословности». И происходило это в условиях действия все той же Конституции РФ, которая и сегодня определяет наш порядок политической жизни.

Следовательно, причину того, что конституция лучше работает на повышение политической функциональности именно государства, а не общества, следует искать не в далекой истории, а в самом постсоветском времени. Ныне действующая Конституция РФ появилась на свет в активной фазе радикальных либеральных реформ, в условиях, когда повышение политической функциональности именно государства, инициатора и двигателя реформ, и элитой, и обществом рассматривалось в качестве главного фактора успеха этих реформ и минимизации их издержек.

Политическая функциональность государства возростала в течение всего постсоветского времени не потому, что в Конституции РФ для него прямо были закреплены какие-то правовые, экономические, политические либо идеологические предпочтения. В Конституции РФ, повторимся, как и в любой современной демократической конституции, закреплены принципы и нормы, которые в равной мере способны обеспечить прирост политической функциональности общества и государства, а также сбалансировать его динамику. Один и тот же конституционный принцип, или конституционная норма (даже если используются, как в случае с нашей Конституцией, общепринятые в мировой конституционной практике формулировки и понятия), могут быть по-разному в условиях реальной политики прочитаны и поняты, а также, на уровне формулировок, приняты гражданами в качестве ориентира во взаимоотношениях с государственными институтами⁷.

Политическая функциональность государства – это, по сути, производное от отношения общества к его функциям. Она определяется и измеряется тем откликом, который в обществе получают управленческие инициативы государственных институтов, и той активностью, с которой общество включает со своим «человеческим капиталом» и материальными ресурсами в реализацию этих инициатив. «Общечеловеческие» и «общедемократические» принципы и нормы российской Конституции, их формулировки находили свой отклик в общественном сознании, как уже было сказано, в специфических условиях. В условиях, когда общество менялось, может быть, не так радикально, как государство, но сама ломка социальной структуры и системы социальных ценностей происходила более болезненно. И в общественном сознании в условиях такой ломки отклик находило именно то понимание конституционных норм и принципов и именно те их формулировки, которые были в интересах самосохранения российского гражданского общества, а значит, в интересах усиления защитной функциональности государственных институтов.

Иначе говоря, в Конституции РФ основные принципы и нормы либерально-демократического общежития соответствуют «мировым стан-

дартам» демократических политики и права. Они вместе с тем сформулированы так, что допускают своего рода двойное прочтение. Их можно прочитать с позиции интереса к сбалансированности политических функциональностей правового государства и гражданского общества. Но они допускают прочтение и понимание и с позиции приоритета функциональности государства.

Возьмем одну из самых, казалось бы, «социально ориентированных» статей действующей Конституции РФ, статью 7-ю. Воспроизведем ее буквально. Звучит она в первой своей части так: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»⁸.

Формулировка краткая и, казалось бы, четкая. Но она допускает два разных прочтения. С одной стороны, «политика» всегда предполагает наличие как минимум двух субъектов. В данном случае логично было бы видеть гражданское общество вторым субъектом политики, направленной на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека. Тем более что осуществляется социальная политика любым современным демократическим государством по большей части за счет налогов тех же самых граждан. То есть государство в реальности выступает в социальной политике не столько источником ресурсов социальной политики (источником остается общество), сколько менеджером по распределению и перераспределению этих ресурсов.

Включение в состав формулировки, причем на первом месте, понятия «социальное государство» эту логику позволяет изменить. Создается возможность такой трактовки смысла статьи Конституции, цитированной нами, при которой государство соединяет в своих руках собственные социальные функции с функциями общества. Оно становится, таким образом, главным, практически единственным агентом социальной политики.

При этом следует заметить, что большую роль в таком изменении возможности интерпретации статьи Конституции играет то, что понятие «социальное государство» законодатель не расшифровал. Понятие «социальное государство» распространено в политических демократических дискурсах и вроде бы обладает высоким уровнем общепонятности. Хотя в течение двух минувших столетий это понятие имело довольно разные смыслы, в том числе очень далекие от современного. Но сознание постсоветского гражданина воспринимает смысл этого понятия в контексте понятия «советское государство» и той масштабной политики поддержки трудящихся, которую это государство осуществляло на закате своего существования. Молодое поколение российских граждан прочитывает понятие «социальное государство» в контексте своих ожи-

даний от этого государства такой же поддержки, которую их родители получали от «советского государства». В результате становится возможным такое понимание статьи Конституции: «социальное государство» опекает общество, берет на себя всю полноту ответственности за благополучие человека, а значит, и всю полноту возможности осуществлять социальную политику, т. е. повышать свою функциональность посредством этой политики до необходимого ему в данный политический момент уровня.

Вторая часть ст. 7 не менее показательна. Она гласит: «В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты»⁹. Частое употребление слов, оканчивающихся на «ся» (такое окончание указывает на то, что источник действия не определен и действие происходит «из себя самого»), допускает трактовку, что многие из функций, упомянутых выше, могут быть реализованы государством и гражданским обществом совместно. Такая совместность выглядит логичной особенно тогда, когда речь идет о семье, родителях, о детях и стариках, т. е. о проблемах социальной самоорганизации. Но предшествующая часть этой статьи Конституции, в которой указан главный агент социальной политики – «социальное государство», автоматически суживает возможный спектр интерпретаций до одной: за все эти меры социальной поддержки отвечает, в первую очередь, не гражданское общество, а государство. А, значит, реализация этих мер зависит от меры отзывчивости граждан на инициативы и действия этого государства в социальной сфере и в политике в целом.

Мы разобрали для примера только одну статью действующей Конституции РФ. Вместе с тем ту же тенденцию к смещению потенциала политической функциональности от общества к государству можно выявить и на основании анализа других статей. Эту тенденцию сегодня важно учитывать, когда политики, политологи, юристы заводят речь о необходимости внесения изменений в действующую Конституцию. Если менять, то что и в каком направлении? То естественное смещение акцентов в пользу поддержки Конституцией политической функциональности государства, о котором речь шла выше, позволяет предположить следующее. Если что-то и менять в Конституции РФ на уровне формулировок, то, прежде всего, в направлении восстановления баланса между тем, как Конституция обеспечивает политическую функциональность государства, и тем, как она обеспечивает политическую функциональность российского гражданского общества.

Примечания

- ¹ *Вирицкий Н. Н.* Внешние функции Российского государства в условиях глобализации // *Общество и право*, 2011. № 4 (36). С. 49.
- ² Там же.
- ³ *Третьякова О. Д.* Когеренция правовых систем (на примере конституций США, Афганистана и Филиппин) // *Российский следователь*. 2008. № 10. С. 38. Также см.: *Третьякова О. Д.* Понятие правовой конвергенции // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 39–42.
- ⁴ *Ралько В. В.* Трансформация правовых систем в условиях глобализации : онтология и перспективы процесса // *Право и управление. XXI век*. 2008. № 4 (9). С. 39.
- ⁵ См.: *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62–70.
- ⁶ См.: *Пивоваров Ю. С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М. : РОССПЭН, 2006.
- ⁷ См.: *Вилков А. А.* Роль государства в становлении гражданского общества в России // *Российская государственность : исторические традиции и вызовы XXI века : материалы Всерос. науч.-обществ. конф. (Великий Новгород, 19 сентября 2012 г.)*. М. : Научный эксперт, 2013. С. 200–215.
- ⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 2014. № 31, ст. 4398.
- ⁹ Там же.

Образец для цитирования:

Афонасова А. В. Традиционные и нормативные основы политической функциональности государства в современной России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 59–63. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-59-63>

Cite this article as:

Afonasova A. V. Traditional and Normative Bases of the State's Political Functionality in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 59–63 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-59-63>

УДК 327.8

Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России

А. А. Вилков

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, vil57@yandex.ru

Статья посвящена анализу образов будущего, представленных в научном и публичном дискурсах постсоветской России. На основе анализа материалов отдельных проектов и научных публикаций автор приходит к выводу о том, что формирование положительного образа будущего России в массовом сознании – это вопрос конкуренции варианта, который продвигает действующая «партия власти», с образом идеологического варианта «левого» будущего. Сегодняшняя фрагментация «левого» сегмента партийной системы не позволяет рассчитывать на его реальную победу на ближайших выборах, однако уже в следующем электро-ральном цикле ситуация, по мнению автора, может принципиально измениться в пользу неизбежности усиления «левого» вектора политического и социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: образ будущего России, партийные проекты образа будущего России, научный дискурс, публичный дискурс.

Images of the Future within Political Science and Public Discourses of Modern Russia

A. A. Vilkov

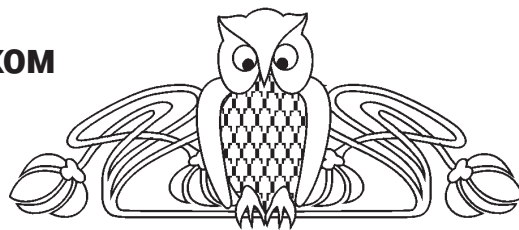
Alexander A. Vilkov, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, vil57@yandex.ru

The article is about the images of Russia's future presented within scholarly and public discourses in post-Soviet Russia. Based on the analysis of certain projects and scholarly publications, the author concludes that formation of positive image of Russia's future within public conscience is a matter of competitiveness of the variant promoted by ruling party and ideological variant of the "left" future. Current fragmentation of the "left" segment of party system does not allow relying on its victory on the nearest elections. However, in the nearest electoral cycle, the author argues, the situation may change significantly towards inevitability of strengthening of the "left" way of political, social and economic development of the country.

Keywords: image of Russia's future, party projects of the image of Russia's future, scholarly discourse, public discourse.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>

Проблематика образа будущего России является одной из наиболее актуальных и политически значимых в текущей политической жизни. Одним из ключевых направлений анализа этого образа выступает его соотнесение с общенациональной идеей¹. Трудно не согласиться с мнением историка А. Б. Ананченко о том, что «образы

будущего для нас – это не просто абстрактная задача, которую можно решить, а можно и отложить. Сегодня в эту проблему упирается вся политика России, как внутренняя, так и внешняя. Да и не только политика, сама Россия упирается в этот вопрос смысла дальнейшего существования и его ценностей, в вопросы, которые отвечают, зачем мы в этом мире и каким мы хотим его видеть»². Эта проблема всегда была актуальной для нашей страны, особенно с учетом советского опыта реализации мессианской идеи коммунизма как «светлого будущего всего человечества».

Значение образа будущего России хорошо понимают представители действующей власти и политики различных уровней, что находит свое отражение в их публичных выступлениях и разнообразных документах. Соответственно, политико-технологическое использование данного образа постоянно находится в поле зрения представителей политической лингвистики. Типичным примером политико-лингвистического анализа образа будущего России в политических текстах является статья екатеринбургских авторов Л. Г. Бабенко и А. В. Конторских³. Источником для них стала программная речь В. В. Путина в качестве кандидата в Президенты РФ на выборах 2013 г. По мнению авторов, кандидат, используя поливекторную темпоральную направленность выступления, формирует образы далекого и недалекого прошлого, настоящей и будущей России⁴. Аппелляция к далекому героическому прошлому позволила В. В. Путину вынести ключевые этические ценности, которые становятся для него «в дальнейшем ключевыми идеями создания новой, будущей России»⁵. Однако главный пафос выступления определяется использованием негативного образа недалекого прошлого России как отправной точки для обоснования видения образа будущего России. Образ недалекого прошлого используется кандидатом против его основных конкурентов (которые «уже порулили страной»), но одновременно признается как «восстановительный» этап, в ходе которого было достигнуто много созидательного, заложившего «фундамент» для строительства сильной, богатой, благополучной России XXI века⁶. В формировании образа будущего России В. В. Путиным используются императивные высказывания, окрашенные преимущественно «модальностью долженствования и необходимости», нацеленные на главный запрос граждан России – «обеспечить справедливость в самом

широком смысле этого слова. Развитие страны должно происходить для людей, а не за счет людей. Каждое наше решение, каждый шаг должны отвечать интересам абсолютного большинства граждан нашей страны»⁷.

Особое внимание в рамках этого направления уделяется метафорическим образам России в политическом дискурсе⁸. Кемеровские исследователи О. Н. Кондратьева и Ю. С. Игнатова отмечают «принципиально разные целевые установки моделирования будущего страны политиками и политологами. Если политики создают образ “мрачного будущего” с целью демонстрации несовершенства политики конкурентов, а образ “светлого будущего” – для убеждения в собственной политической правоте и в ожидании политической поддержки, т. е. их образ будущего всегда субъективен и детерминирован собственными политическими интересами, то политологи ориентированы на объективный анализ ситуации, обозначение нескольких возможных вариантов развития событий в будущем»⁹. Как видится, на практике (и содержание статьи это подтверждает) речь в первом случае идет не о формировании образа будущего России в массовом сознании с помощью метафор, а об информационно-коммуникационной функциональности метафорических образов в рамках предвыборных технологий. Эти конкурентные образы могут оказать определенное воздействие на мотивацию голосования избирателей, но не могут сформировать полноценное понимание и позитивное восприятие образа будущего России как целеполагания для большинства российского населения. Во втором случае авторы анализируют использование метафор обществоведами в рамках сценарного прогнозирования будущего развития страны на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу. Эта прогнозистика также не может заменить формирование привлекательного образа будущего страны, независимого от победы той либо иной политической партии или кандидата на выборах.

Ряд исследователей анализируют образ будущего России в рамках различных аспектов имиджевой проблематики (ранжирование и содержательное оформление структурных элементов имиджа, технологии формирования, факторы воздействия и т. д.)¹⁰. Анализ данных работ показывает, что авторы вписывают образ будущего России в контекст имиджевых технологий, эффективность которых, по их мнению, зависит от «долговременной, системной организационной и коммуникационной деятельности. Ее технологическая база – обоснованный конъюнктурными и социологическими исследованиями концептуальный подход, централизация и координация целенаправленных, имеющих четкое видение проблем рекламно-коммуникационных действий при постоянном мониторинге их результатов»¹¹. Странники такого подхода абсолютизируют

политико-технологические механизмы формирования имиджа России (и образа ее будущего как одного из составных структурных имиджевых элементов) и недооценивают программно-идеологическое и мировоззренческое его содержание. Более обоснованным представляется мнение Н. Б. Боковой о том, что «без учета ментальных политических констант общества невозможно построить его будущее или повлиять на него»¹².

На наш взгляд, политико-лингвистический и политико-технологический анализ при всей научности оценок репрезентации образа России в программных выступлениях и официальных текстах руководителей государства, в публичном дискурсе в целом не позволяет оценить стратегическое значение этого образа как реального целеполагания в развитии страны. Все официальные попытки охарактеризовать образ будущего России с помощью модальных слов должностования (чаще всего очень правильных и неоспоримых), а также категорий «великая держава», «процветающая», «динамично развивающаяся», «благополучная» страна, которую «уважают в мире», и т. п. характеристик являются, на наш взгляд, преимущественно имиджевыми информационно-коммуникационными технологиями. Они способны привести к временному тактическому успеху на выборах, но неспособны утвердить в массовом сознании веру в правильность и справедливость движения страны в будущее. Без обоснования стратегических целевых ориентиров политического, социально-экономического и культурного развития страны невозможно подключить к этому процессу богатейшие ресурсы человеческого капитала российского общества.

Основной закон РФ также не дает полноценного и понятного для рядовых россиян ответа на обозначенные выше вопросы. Конституционные характеристики постсоветской России как демократического и социального государства внедряются в массовое сознание уже более четверти века. Но с их помощью официальные власти так и не смогли объяснить рядовому гражданину ни сокращающийся разрыв между бедными и богатыми в стране, ни уменьшающиеся проявления повсеместной коррупции и судебной несправедливости, очевидные диспропорции в развитии между центром и регионами и многие другие системные недостатки существующего строя.

Ряд исследователей пытаются вписать образ будущего России в контекст процессов глобализации и взаимоотношений с Западом¹³. О. Э. Бессонова обосновывает его в рамках авторской концепции «либерального раздатка», понимаемой как неизбежные ответы на глобальные вызовы современности в биосфере, техносфере, этносфере, ноосфере, социокультурной и государственной сфере. Фактически эта концепция представляет собой отражение тех тенденций, которые начали реализовываться в экономиче-

ской и социальной политике России в 2000-е гг. Суть их можно свести к усилению регулирующей роли государства при сохранении доминирующей роли либеральных рыночных конкурентных отношений¹⁴.

Данный социально-либеральный подход подвергается критике с различных позиций. Одна из них представлена сторонниками концепции социального гуманизма. По мнению В. С. Голубева, «научно предвидимое будущее – это не либерализм и не дирижизм, а эволюционная траектория: либерализм – интегрализм – социогуманизм. ... Промежуточным этапом на пути к социогуманизму является интегральный строй – строй разного рода компромиссов между капитализмом и социализмом. Конечной точкой углубления компромиссов будет гармония – строй социального гуманизма. На траектории либерализм – интегрализм – социогуманизм будет непрерывно возрастать роль государства во всех сферах жизнедеятельности»¹⁵.

Однако наиболее последовательно в научном и публицистическом дискурсе критика постсоветской либеральной модели осуществлялась, прежде всего, сторонниками «левых» идеологий. Известный философ А. А. Зиновьев однозначно обосновывал, что социальный идеал будущей России «возможен лишь как коммунистический»¹⁶. Руководитель Центра научной политической мысли и идеологии С. С. Сулакшин, последовательно критикуя реализованную в постсоветской России либеральную модель, обосновывает патерналистский вариант будущего России как «оболочку для жизнеобустройства общежития», в которой «государство отвечает за все»¹⁷. Несмотря на отсутствие идеологической приверженности автора, весь смысл концептуальных характеристик образа будущего России и ее Конституции (ценностно-целевой концепт, социальная справедливость, народовластие, труд как высшая ценность и источник блага, народное достоинство, социализированная собственность, народовластие) совпадает с тем, что представлены в программах и выступлениях лидеров КПРФ и «Справедливой России».

Даже ограниченный анализ отдельных образов будущего России (вне предметного поля остались, например, мифологические основы формирования образа будущего России, его модернизационный контекст, его особенности в массовом сознании различных социальных групп), представленных в политологическом дискурсе, показал, что большинство проектов будущего России носит патерналистский характер, чаще всего в рамках «левых» критериев общественно-политического и социально-экономического устройства, ориентирующих на расширение масштабов общественной собственности и усиление регулирующей роли государства.

Однако большинство авторов данных проектов образа будущего России не акцентируют

внимание на политических субъектах, ресурсах, технологиях и методах их воплощения в жизнь. Чаще всего они апеллируют к рефлексивному потенциалу и социальной привлекательности данных проектов. Логика рассуждений большинства идеологов проектов будущего России достаточно тривиальна: научно аргументированная критика социальных противоречий (признаваемых большинством населения на уровне обыденного сознания) существующего строя вызовет массовое его отторжение со стороны российских граждан. Соответствующее научное обоснование логически непротиворечивого и социально привлекательного проекта альтернативного общественного устройства обеспечит ему массовую поддержку в качестве главного ресурса для практического внедрения.

Как представляется, вне поля внимания большинства авторов рассмотренных проектов образа будущего России остается тот очевидный факт, что сформировавшаяся в постсоветской России (действительно либеральная в своей основе) модель общественно-политического и социально-экономического устройства также претендует в публичной сфере на атрибутивные патерналистские характеристики. Об этом свидетельствует последовательная апелляция официальных лиц и лидеров «Единой России» к расширению функциональности государства в области реализации национальных проектов, государственных программ в различных сферах общественной жизни, в борьбе против коррупции и т. д., тем самым демонстрируя постоянную государственную озабоченность интересами большинства российского населения. Апелляция к этой патерналистской функциональности современного Российского государства позволяет аргументировать фактическое выхолащивание конституционно закрепленных возможностей российских граждан с помощью политических и правовых механизмов контролировать действующую власть и ограничивать ее от злоупотреблений.

Этому способствует тот институциональный дисбаланс, который был заложен российскими либералами в 1993 г. и закреплен действующей Конституцией Российской Федерации в пользу политических прерогатив и полномочий Президента РФ. Конституция мыслилась либералами как переходная, призванная обеспечить невозможность коммунистического реванша в постсоветской России и последовательное воплощение в жизнь либеральной модели преобразований. Тем самым в Конституции РФ изначально было заложено институциональное и идеологическое противоречие. Суть его состоит в том, что в Основном законе были объединены три принципиально различные целеполагания:

1) либеральное – максимально представлено, прежде всего, во второй главе Конституции РФ, посвященной закреплению прав и свобод

российских граждан, а также заданным общим вектором социально-экономических преобразований на основе частной собственности и рыночных отношений;

2) авторитарное – представлено системой разделения властей и «сдержек и противовесов», выхолащивающей реальную роль российского парламента и, соответственно, политических партий в определении стратегического курса политического и социально-экономического развития страны;

3) социально-патерналистское – было закреплено в угоду распространенным в массовом сознании граждан советских представлений о функциональности государства и его ответственности за решение большинства социальных проблем.

На протяжении 1990-х гг. реализовывались преимущественно два первых целеполагания. В результате в кратчайшие сроки была сломана государственная плановая хозяйственная система, сформирован класс собственников (с концентрацией собственности в руках олигархической группы), заложены механизмы рыночных отношений и сформирована модель экономики, основанная преимущественно на экспорте топливных и иных сырьевых ресурсов. Либеральные права и свободы граждан в этот период на практике были ограничены той сферой, которая позволяла не затрагивать стратегический вектор частнособственнических отношений и интересов олигархических кланов. Эти свободы проявлялись, прежде всего, в развитии многопартийности в постсоветской России, которая фактически микшировала нараставшее социальное недовольство за счет его фрагментации по мелким оппозиционным партийным проектам. В 1996 г., когда на выборах Президента Российской Федерации радикальный вариант преобразований действительно мог быть заменен на альтернативный, отечественные либералы всех мастей предали забвению свои идеологические принципы о демократических выборах как инструменте волеизъявления народа. Для сохранения власти Б. Н. Ельцина как гаранта продолжения либеральных реформ были использованы все возможные финансовые, административные, интеллектуальные, организационные, информационные ресурсы для манипулирования массовым сознанием и прямого искажения результатов голосования.

В результате именно сочетание либерального и авторитарного целеполагания позволило впоследствии сформировать практическую модель «управляемой демократии» в современной России. Ее публичное позиционирование не предполагает самостоятельного акцентирования внимания ни на либеральном, ни (тем более) на авторитарном целеполагании. Первое используется для позиционирования действующей политической системы как демократической, в кото-

рой конституционно закреплены основные права и свободы граждан, функционируют все базовые демократические институты. Второе целеполагание используется для обоснования специфики политического устройства России на основе сильного государства. Объективная потребность атрибута российской державности объясняется историческими, территориальными, этноконфессиональными, географическими, геополитическими и иными внутренними и внешними факторами.

Более того, необходимость сильного государства обосновывается в публичном дискурсе и патерналистским целеполаганием. Возможности реализации функций социального государства, по мнению представителей действующей власти, возможны только в рамках сильного стабильного государства. Поэтому не случайно, что на последнем съезде «Единой России» акцент был сделан на повсеместном продвижении партийных социальных проектов «от благоустройства территории до поддержки здорового образа жизни и спорта»¹⁸.

Фактически образ будущего России в массовом сознании – это вопрос конкуренции партийных идеологий. Более конкретно – это конкуренция образа будущего России, который продвигает действующая «партия власти», с образом идеологического варианта «левого» будущего. Сегодняшняя партийная фрагментация «левого» сегмента не позволяет рассчитывать на реальную победу на ближайших выборах, однако уже в следующем электоральном цикле ситуация может принципиально измениться.

Усиление «левых» предпочтений российских граждан объективно обусловлено рядом обстоятельств и факторов. Первый связан с тем, что сегодняшнее позиционирование действующего режима как власти социально ориентированной не вызывает доверия именно на стратегическую перспективу. Граждане все более осознают, что реализуемые государственные социальные программы носят декоративный характер и не затрагивают либеральной сущности сложившейся системы, основанной, прежде всего, на сращивании интересов собственников и представителей действующей власти.

Сегодняшнее формально надпартийное позиционирование действующего Президента РФ тактически выигрышно. Оно позволяет ему к моменту уже следующих президентских выборов определиться с одним из вариантов обеспечения стабильного политического и социально-экономического развития страны на основе баланса преемственности и обновления. Одним из них может быть реформирование партийно-идеологического ресурса и механизма поддержки президентской власти. Здесь также может быть несколько вариантов – от преобразования Общероссийского Народного Фронта в левоцентристскую партию до стимулирования

объединительного процесса КПРФ и «Справедливой России» с новыми лидерами и социал-демократической программой реформирования экономической и социальной основы общества. Все эти варианты предполагают, что в образе будущего России станут актуализированы и приобретут приоритетное значение элементы социальной справедливости общественного устройства, а также регулирующая и стимулирующая роль государства в этой сфере.

В любом случае можно прогнозировать, что дальнейшая опора президентской власти на сегодняшнюю «Единую Россию», олицетворяющую в массовом сознании интересы сложившегося олигархического строя, будет неэффективной. Все текущие попытки ребрендинга данной партии в «партию народного большинства» не затрагивают существенную основу сформировавшейся экономической и социальной системы, несправедливость и неэффективность которой вызывает отторжение у большинства населения. Реальное «левое» переформатирование «Единой России» невозможно, так как партия тысячами нитей связана с интересами разнообразных крупных и региональных российских бизнес-элит. Она неразрывно срослась с этими интересами, она сама есть механизм выражения и защиты этих интересов. Поэтому «хвост не может влиять собакой!». «Телевизор может победить холодильник» на время, но чаще всего это пиррова победа, которая в истории России всегда заканчивалась трагически. Поэтому усиление «левого» сегмента отечественной партийной системы и соответствующего вектора движения страны в будущее видится объективно неизбежным и оптимальным для развития российского общества.

Примечания

- 1 См.: Ананченко А. Б. «Образы будущего» и национальная идея России // *Философия политики и права*. 2019. № 10. С. 256–265 ; Зарубина Н. Н., Носкова А. В. Образы России : размышления об эпохах перемен // *Полис*. 2019. № 2. С. 173–183 ; Сулакишин С. С. Образ будущей России // *Труды Центра научной политической мысли и идеологии*. Вып. 10, июнь 2015 г. М. : Наука и политика, 2015.
- 2 Ананченко А. Б. Указ. соч. С. 262.
- 3 См.: Бабенко Л. Г., Конторских А. В. Репрезентация образа России в программной речи кандидата в президенты (на материалах предвыборной речи В. В. Путина) // *Политическая лингвистика*. 2013. № 4 (46). С. 12–16.
- 4 Там же. С. 12.
- 5 Там же. С. 13.
- 6 Там же. С. 15.
- 7 Там же.
- 8 См.: Будаев Э. В. Метафорический образ будущего России в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2014. № 2 (48). С. 279–282 ; Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Метафорическое моделирование будущего России в прогнозах политологов (на материалах текстов Владимира Пастухова) // *Политическая лингвистика*. 2019. № 3 (75). С. 60–70.
- 9 Кондратьева О. Н., Игнатова Ю. С. Указ. соч. С. 68.
- 10 См.: Безотосный И. А. Факторы формирования и репрезентации позитивного имиджа России // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 3. С. 23–26 ; *Российское общество – 2020 : экспертный образ будущего* // *Полития : Анализ. Хроника. Прогноз*. 2016. № 2 (81). С. 124–157.
- 11 Безотосный И. А. Указ. соч. С. 25.
- 12 Политико-психологический анализ образов будущего России : материалы круглого стола // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. 2016. № 2. С. 111.
- 13 См.: Бессонова О. Э. Россия и Запад : образ будущего с позиций общей теории институциональных трансформаций // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 86–99 ; Максимова С. Г., Кайзер Н. Ю. Россия между Востоком и Западом : образ страны в представлениях современной молодежи // *Изв. АлтГУ*. 2008. № 2 (58). С. 102–106 ; Попов П. Л. Образы России в контексте однополярности либо многополярности мира // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Политология. Регионоведение»*. 2016. Т. 17. С. 85–97 ; Солопова О. А. Россия в Европе : будущее в метафорическом зеркале прошлого // *Вопр. когнитивной лингвистики*. 2014. № 2 (39). С. 126–137 ; Солопова О. А. Будущее России в экспортном исполнении // *Лингвокультурология*. 2011. № 5. С. 90–114 ; Уткин А. И. Россия и русские в американской имагологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2009. Т. 12, № 4. С. 158–188.
- 14 См.: Бессонова О. Э. Указ. соч. С. 89.
- 15 Голубев В. С. Каков же образ будущего России и мира? Авторский взгляд на проблему в связи с Московским экономическим форумом 2018 // *Стратегические приоритеты*. 2018. № 2 (18). С. 112.
- 16 Зиновьев А. А. *Идеология партии будущего*. М. : Алгоритм, 2003. С. 232.
- 17 Сулакишин С. С. Указ. соч. С. 27.
- 18 XIX Съезд «Единой России» // *Единая Россия : [сайт]*. URL: <https://er.ru/core/news/subject/154.html> (дата обращения: 26.11.2019).

Образец для цитирования:

Вилков А. А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 64–68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>

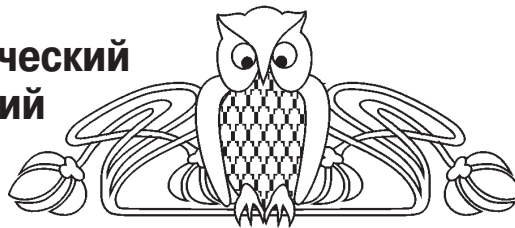
Cite this article as:

Vilkov A. A. Images of the Future within Political Science and Public Discourses of Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 64–68 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>

УДК 1(091)

Концепт «цивилизационный политический проект»: между теорией цивилизаций и проектным подходом

М. В. Горбачев

Горбачев Михаил Валерьевич, доктор политических наук, доцент кафедры российской политики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, ussr-86@mail.ru

В современной науке существует множество подходов к анализу глобальной политики: начиная от идеальных моделей интерпретации политической реальности, завершая прикладными математическими методиками. При этом ориентация на уже сложившиеся аналитические приемы, принятые как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях, не всегда позволяет понять и объяснить происходящие политические изменения. Активно трансформирующаяся глобальная политическая реальность требует новой методологии ее изучения. Цель статьи состоит в анализе глобальной политической реальности как сферы политического проектирования, а также реализации и конкуренции социально-политических проектов, направленных на борьбу за управление обществом. В статье формулируется содержание концепта «цивилизационный политический проект», которое основано на сочетании принципов цивилизационной теории, применяемой в комбинации с проектным подходом. Данный концепт является основой цивилизационно-проектной методологии интерпретации политических проектов, имеющих цивилизационную идентификацию.

Ключевые слова: политический проект, политическое проектирование, цивилизационный политический проект, ценностные основания цивилизационных политических проектов.

Civilizational Political Project: Between Civilization Theory and Project Approach

M. V. Gorbachev

Mikhail V. Gorbachev, <https://orcid.org/0000-0002-0006-3875>, Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia, ussr-86@mail.ru

There are many approaches to analyzing global politics within modern scholarship including ideal theoretical models of analysis and empirical approaches. Nevertheless, theoretical and empirical approaches do not allow scholars to interpret some political changes in modern world. Modern politics is in need of a new analytical approach that would combine civilization theory and project approach. The analysis of the value bases of large-scale political projects made us conclude that they are mainly of civilizational character. Political institutions built on their basis are affiliated with the values of certain civilizations.

Keywords: political project, political designing, civilizational political project, value bases of civilizational political projects.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-69-74>

Концепт «цивилизационный политический проект» является сложной политологической и философской конструкцией. Его предваритель-

ное конструирование связано с тремя научными проблемами. Во-первых, в современной научной и отечественной литературе отсутствуют точные определения понятия «цивилизационный проект». Отечественные специалисты, определяя его, делают акценты на цивилизационной теории, зарубежные ученые – на проектной методологии. При этом как внутри этих научных традиций, так и на границах их взаимопроникновения формируются диаметрально противоположные подходы к понятию «цивилизационный политический проект». Во-вторых, сама категория «цивилизация» является дискуссионной. На данный момент она определяется более чем в трехстах разных вариантах, которые постоянно дополняются и корректируются. В-третьих, цивилизационные политические проекты как идейные конструкции и цивилизационные политические проекты как инструменты реализации политики государства могут не совпадать, даже если их конструировали и реализовывали одни и те же субъекты. Эта специфика связана с тем, что практические действия исполнителей идей цивилизационного политического проекта могут носить закрытый характер, который станет понятен общественным и научным кругам только через определенный период времени (в некоторых случаях – даже спустя несколько политических эпох). Обозначенные аспекты возвращают нас к исходной проблеме, которая поднимается в настоящей статье: что представляет собой «цивилизационный политический проект»? «Компромисс» между теорией цивилизаций и проектным подходом? «Методологический кентавр», который сложно применять для анализа современных социально-политических процессов и трансформаций? Проектная методика в цивилизационном подходе? Цивилизационный подход, дополненный проектной методикой конструирования и интерпретации политической реальности?

Поиск ответов на эти методологические вопросы требует обращения к основаниям цивилизационной теории и базовым принципам проектного подхода интерпретации политики. Концептуальную основу теории цивилизаций составляет понятие «цивилизация». Классические работы по цивилизационной теории содержат многочисленные трактовки этого феномена. В частности, цивилизация может интерпретироваться как «общественный организм» (Дж. Вико), как «осевая культура»

(К. Ясперс) и т. п. Такие общетеоретические подходы затрудняют их применение в качестве составной части идейной конструкции «цивилизационный политический проект». Также необходимо отметить, что цивилизация может позиционироваться как «культурно-исторический тип» (Н. Я. Данилевский), «определенный уровень развития производительных сил и производственных отношений» (К. Маркс), «творческое меньшинство, отвечающее на вызовы внешней среды» (А. Тойнби), «самостоятельный культурный мир», (Ш. Эйзенштадт) и т. п. Такие подходы дают возможность выделять и интерпретировать ценностные основы цивилизаций, осуществлять их масштабную типологизацию, проецировать ценностные основы цивилизационного развития на специфику масштабного политического проектирования политики в определенных макрорегионах. Поэтому данные подходы могут быть активно задействованы в конструировании ценностных основ идейной конструкции «цивилизационный политический проект». Кроме того, цивилизация может пониматься как «одинаковый характер интерпретации общественными субъектами базовой макрокультуры», «самый широкий уровень духовно-религиозной идентичности людей» (С. Хантингтон), «зона социальной харизмы и престижа», «определенный уровень военной мощи и силы» (З. Бжезинский) и т.п.¹. Научные традиции понимания цивилизации С. Хантингтона и З. Бжезинского обладают эвристичностью не в плане построения конструкта «цивилизационный политический проект», а в контексте конструирования «теоретических карт» взаимодействия различных цивилизационных политических проектов между собой.

Кроме концепта «цивилизация», важной составляющей цивилизационной теории, в контексте его совместного применения с проектным подходом, являются типологические ряды цивилизаций. Ценностные основания цивилизационного политического проекта связаны с типом цивилизаций, исходя из социокультурных возможностей которых выстраиваются политические проекты, имеющие цивилизационную идентификацию. Более того, конструирование концепта «цивилизация» достаточно часто осуществлялось в рамках определенного типологического ряда крупных культур. Анализ основных положений цивилизационной теории О. Шпенглера позволяет утверждать, что ее автор формулировал определение «цивилизация» исключительно в контексте типологизации «независимых друг от друга культур, проживающих, подобно живым организмам, периоды зарождения, становления и умирания»². В цивилизационной теории компаративиста А. Тойнби также четко позиционируется идея о том, что формулирование концепта «цивилизация» возможно только в рамках построения «типологического ряда

локальных цивилизаций, имеющие одинаковую внутреннюю схему развития»³.

В обозначенном выше контексте типологические ряды цивилизаций являются не только продолжением, но органичным дополнением концепта «цивилизация». Однако в данном случае возникает дополнительная теоретическая проблема. Каждый из представителей цивилизационной теории выделяет свои типологические ряды цивилизаций. Так, Н. Я. Данилевский выделяет 13 культурно-исторических типов, К. Маркс и Ф. Энгельс – 3 формации, О. Шпенглер – 8 «высоких культур», А. Тойнби – от 21 до 35 цивилизаций и т. п. Эта особенность относится и к современным трудам по данной тематике. Например, Ш. Эйзенштадт и А. Г. Чусовитин называют 4 имперско-бюрократические цивилизационные системы, И. Валлерстайн и В. Мак-Нил – 3 макросоциальных образования, Д. Уилкинсон, У. Экхард, А. А. Зиновьев, Я. Г. Шемякин и С. Семенов – 2 центра ценностно-культурной ориентации, С. Хантингтон – 4 основных цивилизации, З. Бжезинский – 3 культурных империи и т. д.⁴

В результате такого многообразия типологических моделей цивилизаций каждый из цивилизационных политических проектов может соотноситься только с определенной крупной культурой. Как следствие, возникает необходимость типологизации цивилизационных политических проектов. При этом если критерии типологизации цивилизаций в большинстве типичных случаев являются изученными и верифицированными, то критерии построения типологических рядов цивилизационных политических проектов практически не разработаны в современных социально-гуманитарных науках. В данном случае можно выбрать две основные исследовательские стратегии. Первая из них состоит в попытке отождествления типологических рядов цивилизаций с типологическими рядами цивилизационных политических проектов. Однако такая стратегия не учитывает теоретическую и практическую возможность возникновения глобальных политических проектов, имеющих универсальную надцивилизационную природу. Вторая стратегия имеет более гибкий характер. Она подразумевает, что каждая цивилизация в типологическом ряду цивилизаций может включать в свой состав несколько государств и обществ. Именно государства, обладающие необходимым ресурсом («стержневые государства»), становятся субъектом цивилизационного политического проектирования. Как следствие, типологический ряд цивилизационных политических проектов может быть построен исходя из того, какое государство (государства) является «стержневым» для данного проекта. При этом аффилиация «стержневого государства» с определенной цивилизацией, которая имеет свою позицию в типологическом ряду цивилизаций,

может только усилить данную теоретическую стратегию построения типологии цивилизационных политических проектов.

Исходя из идеи о наличии аффилиации «стержневого государства», конструирующего цивилизационный политический проект с определенной цивилизацией, не каждое из понятий «цивилизация» может быть интегрировано в концепт «цивилизационный политический проект». Поэтому формирование идейной составляющей концепта «цивилизационный политический проект» связано не с абстрактными концептами «цивилизация», а категорией «локальная цивилизация». Последняя имеет вполне четкие ценностные границы, которые определяют характер распространения цивилизационного политического проекта и его ресурсные возможности. Обозначенная идея имеет множество сторонников в рамках отечественной цивилизационной традиции. В частности, в большинстве работ А. Г. Дугина по теории цивилизаций проводится мысль, что «использование термина “цивилизация” во множественном числе явно указывает, что стадильное толкование этого понятия утратило на сегодняшний день свою релевантность»⁵. Локальный характер цивилизационных типов обосновывается в работах Б. С. Ерасова, А. С. Панарина, В. Л. Цымбурского. Ученые полагают, что именно «локальные цивилизации» определяют характер социальных, экономических и политических изменений в современном мире⁶. В частности, А. С. Панарин отмечал, что «контуры современного мироустройства определяются сменой лидерства восточных и западных цивилизаций»⁷. В. Л. Цымбурский считал, что глобальная политическая динамика связана с «континуумами переходных состояний между центрами соседних цивилизаций» (локальных цивилизаций)⁸.

«Локальная цивилизация», в рамках обозначенных аспектов, является ключевой составляющей идейной конструкции «цивилизационный политический проект». В качестве одного из подходящих к проектному контексту определений локальной цивилизации можно выбрать следующее: «...качество цивилизации, обусловленное оригинальным свойством каждого из структурообразующих элементов и их неповторимым единством»⁹. Тем самым внутри одной локальной цивилизации может быть несколько субъектов, которые осуществляют идейное создание, формирование, поддержание цивилизационного политического проекта. В данном контексте возникает дополнительный теоретический вопрос: действительно ли каждая «локальная цивилизация» или субъекты, входящие в ее состав (например «стержневое государство»), способны конструировать и тем более реализовывать «цивилизационный политический проект»? Ответы на обозначенный вопрос можно обнаружить как в рамках цивилизационной теории, так и в кон-

тексте проектного подхода интерпретации политики. В цивилизационной теории специалисты разделяют цивилизации (в том числе и «локальные цивилизации») на «сильные культуры» и «слабые культуры». Более того, существует позиция, что создание масштабного политического проекта под силу не каждой цивилизации даже из так называемых «сильных культур»¹⁰. Это связывается с тем, что создание, реализация и поддержание цивилизационного политического проекта требуют значительных ресурсных (экономических, социальных, политических, духовных) «затрат». При этом данные затраты остаются актуальными на протяжении длительного периода времени. Не все цивилизации обладают необходимым объемом подобных ресурсов.

Цивилизации, генерирующей «цивилизационный политический проект», требуется оградить себя от воздействия иных цивилизационных проектов. Их распространение – реальное и гипотетическое – способно снизить собственный социокультурный потенциал, помешать распространению своего цивилизационного политического проекта. В данном контексте только одной цивилизационной пассионарности, как «непреодолимого внутреннего стремления к деятельности, направленной на изменение своей жизни, окружающей обстановки, статуса-кво»¹¹, может быть недостаточно. Пассионарии, которые разрабатывают и предлагают к реализации цивилизационный политический проект, действуют достаточно хаотично и непоследовательно. Такая специфика проектной деятельности обозначенных субъектов дополняется тем, что цивилизационные политические проекты рассчитаны на длительную перспективу, которая требует устойчивости этапов их реализации, последовательности действий, четкого осознания ресурсной обеспеченности, возможностей, потенциальных ограничений.

Таким образом, в цивилизационной теории указываются возможные ограничения, с которыми сталкиваются крупные культуры, на основании которых конструируются цивилизационные политические проекты. Что касается проектного подхода, то в нем особую роль в качестве субъектов цивилизационного политического проектирования отводят государствам и межгосударственным объединениям различного уровня и направленности. Эти субъекты формируют определенный уровень цивилизационного единства как из близких, так и из достаточно отдаленных макрокультурных образований. То есть субъекты государственного или межгосударственного уровня могут составлять «социокультурное ядро» цивилизационного проекта. Такое позиционирование субъектов цивилизационного политического проектирования в контексте проектного подхода также имеет определенное ограничение. Оно связано с тем, что «границы» цивилизаций могут полностью

или частично совпадать с границами государств. Так, в большинстве типологических рядов цивилизаций Китая обозначается и как макрокультура (цивилизация), и как государство одновременно¹². Такая специфика Китая обнаруживается не только в научных теориях, но и в дискурсах современных китайских политиков. В частности, в публичных речах лидера КНР Си Цзиньпина постоянно проводится идея об особой роли Китая как государства и цивилизации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)¹³. Обозначенная специфика постоянно проявляется в межгосударственных переговорах КНР с Россией, США, Японией, Южной Кореей и другими странами АТР¹⁴.

Тем не менее в обозначенном выше примере Китайское государство и китайская цивилизация являются скорее исключением, нежели типичным случаем. Их противоположностью выступает европейская цивилизация, которая включает в свой состав несколько государств и обществ. По мнению исследователей, основаниями европейского проекта выступают «общие ценности и политико-правовые нормы, презумпция единства европейской цивилизации, включающая в себя все страны континента и призванная воплотить это единство в политических институтах»¹⁵. Востребованность данного цивилизационного политического проекта была особенно высока в конце XX в. Она обуславливалась разрушением «советского цивилизационного политического проекта» и дальнейшей дискредитацией его идей, которые основывались на ценностях «справедливого распределения материальных благ, бесклассового общества и коллективной собственности на средства производства»¹⁶. Девальвация ценностного фундамента советского цивилизационного политического проекта, его институциональных основ открыла широкие возможности для дальнейшего роста влияния европейского цивилизационного политического проекта, как территориального, так и идейного. Тем более что Россия на протяжении 1990-х гг. не смогла разработать и предложить собственный цивилизационный проект¹⁷. Поэтому, как отмечают специалисты, «европейский цивилизационный проект» «оказался единственным цивилизационным проектом в Европе, предлагающим набор ценностно-мировоззренческих установок и основанных на них социально-экономических и политических практик»¹⁸. В настоящее время он подвергается многочисленным миграционным, интеграционным, институциональным вызовам. Ответы на них будут определять характер его дальнейшей трансформации.

Обращения к другому макрорегиону мира также подтверждают идею проектного подхода о том, что субъекты государственного или межгосударственного уровней формируют и поддерживают как ценностное, так и институциональное основания цивилизационных политических

проектов. В частности, указанная особенность характерна для исламских цивилизационных политических проектов. Специалисты считают, что государственный фактор цивилизационного политического проектирования связан с экономическим отставанием большинства арабских стран. Поэтому они активно задействуют социокультурный потенциал в конструировании масштабных политических и экономических проектов, в том числе и цивилизационных. Так, ученые отмечают: «...через много десятилетий после обретения политической независимости большинство арабских стран, в отличие от Китая, Индии, новых индустриальных стран, ряда не арабских государств мусульманского мира, в том числе Турции, Малайзии, Индонезии, так и не сумели по-настоящему встать на путь современного экономического роста»¹⁹. Экономическое отставание данных государств так или иначе требовало минимизации негативных социальных эффектов, возникающих в их обществах. В таких условиях политические элиты стремились максимально мобилизовать разнообразные ресурсы, которые имелись у них в наличии, особенно духовные. Как следствие, материальные ценности, которыми апеллируют западные цивилизационные проекты (европейский цивилизационный проект, американский цивилизационный проект), заменяются во многих исламских цивилизационных проектах религиозно-политическими, духовными ценностями²⁰.

Объединяя теоретические принципы проектного подхода с положениями цивилизационной теории, можно сделать предварительный вывод о том, что наиболее успешные цивилизационные политические проекты конструируются, реализуются и поддерживаются только в тех условиях, когда они находят существенную поддержку государственных и межгосударственных институтов. При этом полное совпадение границ цивилизационного политического проекта с границами государства, которое инициирует его создание, с одной стороны, формирует условия для ограничения возможностей его дальнейшего расширения, с другой стороны, конструирует важные основы его устойчивости в длительной исторической перспективе. Если границы государства, инициирующего цивилизационный политический проект, не совпадают с границами цивилизации, то задействуется механизм «переноса цивилизации» (civilization transfer). В современной социокультурной компаративистике он объясняется как попытка одной цивилизации, опираясь на развитые государственные и межгосударственные институты, оказывать определяющее ценностное воздействие на другие родственные и далеко отстоящие от нее макрокультуры²¹. В результате другие цивилизации, а также государства и общества в их составе входят в более крупные цивилизационные политические проекты. Ценностным ядром или основанием этой

масштабной общности может стать как «объединяющая цивилизация», так и наиболее устойчивая макрокультура, являющаяся примером для остальных социокультурных образований. Государство, которое аффилировано с этой цивилизацией, будет выступать основным субъектом цивилизационного политического проектирования. В сферу его «притяжения» станут попадать различные государства и цивилизации. При этом интеграция той или иной общности в цивилизационный проект, по мнению ученых, «может вести к разрушению традиционных механизмов социального воспроизводства без замены их новыми, “современными”, что ставит цивилизацию перед угрозой внутренней деградации и энтропии»²². В данном контексте необходимо отметить, что формирование цивилизационной общности, благодаря эффекту так называемой «цивилизационной идентичности» и механизму «переноса цивилизации», не всегда приводит к образованию цивилизационного проекта²³.

Обозначенная выше особенность противоречит ряду принципов современных теоретиков цивилизационной теории. Они полагают, что попытки сохранения социокультурной уникальности, собственных идентификационных оснований являются ключевыми барьерами на пути создания и реализации цивилизационных политических проектов. Уникальная культурная идентичность делает цивилизационный проект локальным, т. е. таким, что воспринять его могут только общества, имеющие схожие культурные ценности²⁴. В свою очередь, ориентация на универсализм позволяет цивилизационным политическим проектам реализовываться на глобальном уровне (масштабные геополитические проекты, имеющие цивилизационную идентификацию, представлены в работах С. Хантингтона, З. Бжезинского, Ф. Фукуямы, А. Дугина, Л. Гумилева, К. Мияхары). Поэтому характер культурной идентичности (уникальность/универсальность) становится одним из важных «ценностных кодов» распространения цивилизационных проектов. Культурные ценности цивилизаций, обладающие достаточной уникальностью своих характеристик и одновременно имеющие универсальные качества, могут позиционироваться как социокультурное основание цивилизационного политического проекта. Цивилизации, утратившие уникальные характеристики, не могут сформировать однородный ценностный фундамент цивилизационного политического проекта. В результате они, а также государства, входящие в их состав, становятся частично или полностью аффилированными с другими цивилизационными политическими проектами.

Таким образом, концепт «цивилизационный политический проект» включает в себя: государства и общества, политические, экономические, социальные и духовные институты которых функционируют в определенной системе цен-

ностных координат. Эта система находится в постоянном поиске равновесия между уникальными и универсальными ценностями, которые формируют социокультурный фундамент цивилизационного политического проекта. Институциональная надстройка цивилизационного политического проекта конструируется из государств или межгосударственных объединений. Отдельное государство или несколько государств позиционируют себя в качестве «стержневых государств» цивилизационного политического проекта. «Стержневые государства» могут выступать одновременно и в качестве институциональной надстройки цивилизационного политического проекта, и в качестве субъекта цивилизационного политического проектирования.

Примечания

- 1 Более подробно см.: *Ерасов Б. С.* Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1998.
- 2 *Шпенглер О.* Закат Европы. М.: Наука, 1993. С. 221.
- 3 *Тойнби А.* Постижение истории: сб. / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. С. 139.
- 4 См.: *Вилков А. А.* К вопросу об использовании концепта soft power как самодостаточного и нового направления в мировой политике // *Дискурс-Пи*. 2014. № 1 (14). С. 53–54.
- 5 *Дугин А. Г.* «Цивилизация» как идеологический концепт // *Цивилизация: вызовы современности: сб. ст. / под ред. М. С. Уварова*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 97.
- 6 См.: *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
- 7 *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 12.
- 8 *Цымбурский В. Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 13.
- 9 *Фролов Э. Д.* Проблема цивилизаций в историческом процессе // *Вестн. СПбГУ. Сер. 2. История*. 2006. № 2. С. 96.
- 10 См.: *Черныш М. В.* Цивилизационные основания общества и социальная структура. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 32.
- 11 *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: ФТМ, 1987. С. 23.
- 12 См.: *Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л.* Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // *Восток*. 2014. № 1. С. 5.
- 13 См.: *Васильев В.* Конфуций о добродетели // *Социально-гуманитарные знания*. 2006. № 6. С. 135.
- 14 См.: *Ченджи Л., Волобоева Ю. К., Горбачев М. В.* Имидж В. В. Путина в дискурсивном пространстве китайских СМИ как фактор реализации совместных политико-экономических проектов // *Вестн. Саратов. гос. юрид. акад.* 2016. № 1 (108). С. 234.
- 15 *Буйденков А. А.* Россия и евроинтеграция: модели взаимодействия в цивилизационно-историческом контексте // *Вестн. Междунар. ин-та экономики и права*. 2013. № 2 (11). С. 7.

- ¹⁶ Фокин А. А. «Коммунизм не за горами»: образы «светлого будущего» в СССР на рубеже 1950–60-х годов // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 336.
- ¹⁷ См.: Шаренкова С. Славяно-православный цивилизационный проект. Опыт новой геополитики. София: За буквите – ò письменехъ, 2012. С. 128.
- ¹⁸ Латкина В. А. Политика Европейского союза в Средиземноморье в контексте «арабской весны» // Вестн. МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 142.
- ¹⁹ Мельянец В. Феномен отставания в арабо-мусульманском мире // Ислам в современном мире. 2015. Т. 1, № 3. С. 111.
- ²⁰ См.: Римский В. П., Мизаев В. Н., Резник С. В. Исламский культурно-цивилизационный проект в трансформирующемся мире модерна // Учен. зап. РГСУ. 2011. № 4. С. 44.
- ²¹ См.: Miahara K. Civilization transfers. Kaub: KUP, 1998. P. 11.
- ²² Кара-Мурза А. А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. С. 134.
- ²³ См.: Шимов В. В. Цивилизационный проект как исследовательская стратегия в контексте глобализации и модернизации // Веснік БДУ. Сер. 3. Гісторыя, эканоміка, права: Навуковы часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2012. № 3. С. 96.
- ²⁴ См.: Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1992. С. 29.

Образец для цитирования:

Горбачев М. В. Концепт «цивилизационный политический проект»: между теорией цивилизаций и проектным подходом // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 69–74. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-69-74>

Cite this article as:

Gorbachev M. V. Civilizational Political Project: Between Civilization Theory and Project Approach. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 69–74 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-69-74>

УДК 94(262.81+479+477.7)

Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке

А. К. Магомедов

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии, Ульяновский государственный университет, armagomedov@gmail.com

В работе исследуются события, которые не только изменили энергетическую и геополитическую картину Ближнего Востока, но и привели к тому, что безоговорочным бенефициарием всех указанных изменений стала Россия. Рассматриваются причины и факторы появления России в этом регионе как одного из ключевых политических игроков современного мира. В центре исследования – энергетический и стоящий за ним внешнеполитический контекст российских действий на Ближнем Востоке. Автор предлагает новую исследовательскую перспективу – рассматривать в тесной связи политизацию энергетических проектов и региональные эгоизмы. Дается ответ на вопрос: до какой степени энергетический и транспортный факторы способны менять стимулы и поведение ведущих политических игроков в регионе?

Ключевые слова: Ближний Восток, российские интересы, военно-дипломатическая активность России, политические эгоизмы.

Energy Aspect of Modern Russian Foreign Policy in the Middle East

A. K. Magomedov

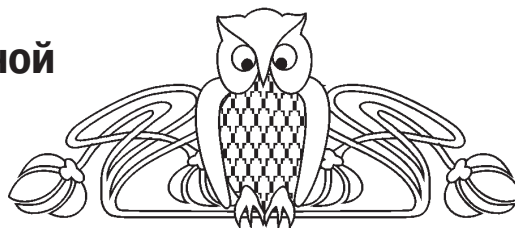
Arbakh K. Magomedov, <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>, Ulyanovsk State University, 42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk 432017, Russia, armagomedov@gmail.com

The paper examines events that not only changed the energy and geopolitical picture of the Middle East, but also led to the fact that Russia became the unconditional beneficiary of all these changes. The causes and factors of the appearance of Russia in this region as one of the key political players in the modern world are considered. The focus of the study is the energy and the foreign policy context behind it of Russian actions in the Middle East. The author offers a new research perspective – to consider in close connection the politization of energy projects and regional egoisms. The answer to the question is given: to what extent are energy and transport factors capable of changing the incentives and behavior of leading political players in the region?

Keywords: Middle East, Russian interests, military-diplomacy activity of Russia, political egoisms.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79>

Целью данной статьи является исследование энергетического аспекта новейшей российской внешней политики на Ближнем Востоке. Термин «Ближний Восток» рассматривается в работе в широком – энергополитическом – смысле: как пространство от Турции до Суэцкого канала и от

Персидского залива до Восточного Средиземноморья.

Исследование начинается с рассмотрения событий, которые стремительно меняют энергетическую и геополитическую картину региона, а также процессов, связанных с возрастающей ролью России в энергетических и геополитических делах Ближнего Востока. Далее исследуются причины и содержание энергетической и военно-дипломатической активности России в регионе. Заканчивается работа изучением ливийского ракурса российско-турецкой ближневосточной политики и изложением выводов, связанных с политизацией энерго-транспортных проектов в Восточном Средиземноморье.

Выход России на энергетическую и геополитическую арену Ближнего Востока

Эту статью я начну с рассмотрения событий, изменивших энергетическую и геополитическую картину Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья. Аналитики и эксперты, описывающие события, связанные с военно-дипломатическими действиями России в Сирии, много говорят о целях Москвы в ближневосточной кампании. Одни считают, что Россия старается спасти режим Башара Асада – такого мнения придерживаются, главным образом, западные политики, другие – что Россия борется с международным терроризмом, воплощением и символом которого является ИГИЛ (террористическая организация, запрещенная в РФ). Однако приведенные дебаты оставляют в стороне энергетический и стоящий за ним внешнеполитический контекст российских действий на Ближнем Востоке. Поэтому, независимо от того, считает ли кто-то, что Россия спасает режим Асада, или же что она борется с ИГИЛ, есть несколько моментов, с которыми очень трудно спорить.

Начавшийся 2020-й год с первых своих дней и с первых своих событий показал, что он наверняка станет годом энергетики для региона. 3 января на территории Ирака был убит иранский генерал Касем Сулеймани – культовая и знаковая фигура современной персидской политики. Это событие, одним из следствий которого был рост нефтяных цен, едва не поставило регион Ближнего Востока на грань войны. Спустя всего пять дней, 8 января, в Стамбуле президенты Турции и России Реджеп Тайип Эрдоган и Вла-

димир Путин запустили газопровод «Турецкий поток», по которому российский природный газ пойдет в Турцию и Южную Европу. Общая пропускная способность газопровода составит 31,5 миллиарда кубометров газа. К этому нужно добавить, что за несколько дней до этого, 2 января 2020 г., Греция, Кипр и Израиль подписали соглашение о строительстве газопровода «Ист-Мед» (EastMed), по которому газ из месторождения «Левиафан» в Восточном Средиземноморье через Кипр и Крит должен будет транспортироваться в материковую Грецию и далее в Италию. Наконец, нельзя не отметить такой важный момент, как сотрудничество между Турцией и Россией в Ливии в плане стабилизации политической ситуации в стране и взятия под контроль местных нефтегазовых месторождений, портов и коммуникаций.

Указанные события не только стремительно меняют энергетическую и геополитическую картину региона, но показывают, что безоговорочным бенефициарием всех указанных изменений становится Россия. После убийства Сулеймани многие ожидали, что нестабильность может охватить богатый энергоресурсами Персидский залив и его периферию. В частности, индийское издание «The Hindu» в статье под названием «Убийство Сулеймани может укрепить российско-индийские связи в энергетической сфере» в драматических тонах описывает нефтегазовую перспективу своей страны. В публикации говорится, что это событие повлечет за собой множество серьезных последствий для энергетической безопасности Индии, а именно Нью-Дели, возможно, придется сосредоточить свое внимание на огромных российских запасах энергоресурсов. В 2019 г. Индия и Россия подписали энергетическое соглашение сроком на пять лет, которое включает в себя совместную разработку нефтегазовых месторождений в России и Индии, а также долгосрочное соглашение на поставки российской нефти. Исходя из этого, газета делает вывод: «Последствия убийства Сулеймани свидетельствуют о том, что реализация этих российско-индийских планов должна стать одним из приоритетов энергетической политики Индии»¹.

Причины и факторы энергетической и военно-дипломатической активности России на Ближнем Востоке

Военное и дипломатическое вмешательство России в сирийский конфликт стало серьезным испытанием для политических связей России со странами этого региона. Чтобы создавать коалиции, необходимые для достижения различных целей, самое важное для государства – это обширные политические связи. Довольно трудно не заметить, что Москва ведет диалог практи-

чески со всеми столицами Ближнего Востока. Весь 2019 г. Россия активно работала с Египтом, Израилем, Иорданией, Турцией, Кувейтом и Саудовской Аравией. Не будем говорить о том, что некоторые из этих переговоров крайне трудны, однако их продолжение существенно укрепляет стратегические позиции России в регионе.

Общеизвестен факт, что Россия старается контролировать европейский энергетический рынок, о чем свидетельствует строительство новых трубопроводных систем (газопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток» на юге Европы, газопроводы «Северный поток-1 и 2» на севере Европы), которые соединяют его западные и восточные части. Москва хочет увеличить свою монополию на европейском энергетическом рынке, который является крупнейшим потребителем энергоресурсов после рынков США и Китая. Кроме того, общеизвестно, российская экономика зависит от доходов от экспорта энергетических ресурсов, поэтому любое снижение цен на нефть и газ оказывает негативное влияние на экономическую ситуацию в стране. Страны Евросоюза в очередной раз пытаются разрушить российскую монополию на европейском рынке посредством заключения соглашений со странами Ближнего Востока и Северной Африки, в частности с Алжиром. Россия, напротив, стремится контролировать добычу и экспорт энергоресурсов на Ближнем Востоке, а также хочет нарушить планы ЕС по диверсификации поставок газа, ощутимо бьющие по интересам Москвы. Необходимо отметить, что Россия зависит от энергетического партнерства с ЕС, поэтому вынуждена работать над расширением своего влияния в странах Восточного Средиземноморья и Северной Африки.

Важно также отметить, что Москва связала свою внешнюю политику с энергетическими ресурсами (нефть и газ), которые стали важными инструментами проведения внешней политики страны. Не случайно, когда Владимир Путин пришел к власти в России, он связал энергетические ресурсы с национальной безопасностью страны, сделав их инструментом не только решения внутривосточных проблем, но и реализации внешней политики².

Российская активность на Ближнем Востоке объясняется следующими причинами. Во-первых, тем, что не менее половины мировых нефтегазовых запасов находится в этом регионе. Во-вторых, такие стремительно развивающиеся экономики, как Китай и Индия, импортируют значительную часть потребляемых ими энергоресурсов из стран Ближнего Востока. В-третьих, ближневосточные государства контролируют ключевые морские торговые пути, используемые для международного судоходства. Речь идет о Суэцком канале, а также Ормузском и Баб-эль-Мандебском проливах. Через эти морские транспортные артерии ежедневно перевозится более

25% мировой нефтедобычи. В-четвертых, государства Ближнего Востока, а также Северной Африки находятся в относительной географической близости от Европы. В данном контексте страны региона могут выступать в качестве потенциальных конкурентов России за европейский энергетический рынок. В настоящее время Россия конкурирует с Саудовской Аравией за поставки нефти и нефтепродуктов в Китай, а также с Катаром и Алжиром за экспорт газа в Европу.

Российские власти использовали несколько стратегий, чтобы добиться необходимого результата. Во-первых, они заключили ряд соглашений со странами-экспортерами энергоресурсов, в частности с арабскими странами Персидского залива и с международными организациями, такими как, например, ОПЕК, о сокращении добычи нефти для стабилизации ситуации на международном рынке. Россия, как и другие страны-экспортеры нефти, заинтересована в повышении цен на энергоносители, поскольку экономика всех стран-экспортеров зависит от доходов от экспорта энергетических ресурсов. Во-вторых, российские власти согласовали со странами-экспортерами нефти объемы добычи и поставок на международный нефтяной рынок. Согласно договоренностям, экспорт нефти и нефтепродуктов не должен превышать спрос, поскольку увеличение предложения приведет к снижению цен. Таким образом, страны-экспортеры нефти смогут полностью контролировать потребности мирового рынка. В-третьих, они хотят расширить деятельность энергетических компаний, в частности российской газовой компании «Газпром», в странах Ближнего Востока. Например, российским властям удалось получить разрешение от правительства Египта на разработку крупнейшего газового месторождения «Зохран».

Ливийский поворот в ближневосточной политике России и Турции: на пути к совместному контролю энергетической инфраструктуры региона

Встреча лидеров России и Турции во время торжественного открытия газопровода «Турецкий поток» предоставила им хорошую возможность для того, чтобы обсудить последние события на Ближнем Востоке. Причем основной темой переговоров Путина и Эрдогана, судя по всему, был не Иран и не Сирия, а Ливия, которой посвящена чуть ли не половина итогового заявления на фоне коротких абзацев про другие проблемы³. Таким образом, новая российско-турецкая инициатива должна помочь установить межливийский диалог через посредников и создать для Ливии аналог женево-астанинского процесса, в рамках которого сейчас идет урегулирование в Сирии⁴.

Здесь необходимо коротко обрисовать, что интересует Россию и что интересует Турцию в

Ливии. Россию интересуют как ливийские ресурсы (месторождения нефти сейчас в основном находятся под контролем поддерживаемого РФ фельдмаршала Хафтара), так и политические выгоды, которые даст возможность закрепиться в этой стране. Кроме того, Ливия со своими портами и протяженным побережьем в Средиземном море открывает широкие логистические возможности, а также хорошо вписывается в стремление России расширить свое присутствие в Африке⁵.

Что касается Турции, то для Анкары Ливия – это, как и для России, нефть, порты и политическое влияние в Средиземноморье. Есть у Турции и идеологические основания для вмешательства в Ливии. Если копнуть еще глубже, то в ливийской политике Турции также найдется реализация идей неоосманизма, которые в 2000-х гг. возродил бывший премьер, а ныне оппозиционер Ахмет Давутоглу⁶. В начале 1990-х гг., во время войны в Персидском заливе, тогдашний турецкий президент Тургут Озал пытался говорить о необходимости присоединить к Турции некоторые области Ирака, исторически принадлежавшие османам. Но тогда это предложение даже в турецкой элите поддержали слабо, хотя оно очень понравилось неоосманам. Сейчас же, при Эрдогане, идея международной экспансии нравится все большему числу турок⁷. При этом Турция отрицает возможность столкновения с Россией в Ливии. Это совершенно не в интересах сторон, провозгласивших себя посредниками. Им гораздо выгоднее попробовать распространить на Ливию свой сирийский алгоритм сотрудничества. Это разграничение сфер влияния и принципиальная договоренность работать, учитывая обоюдные интересы и пожелания⁸. Здесь политические интересы сторон очевидны: когда к экономической взаимозависимости Турции и России добавляется сильная взаимозависимость сторон в области безопасности и международных амбиций, то это дает обеим странам серьезные стимулы придерживаться компромиссного решения.

Политизация газовых месторождений и трубопроводных проектов: региональные интересы в Восточном Средиземноморье

Здесь мы поднимаем важный вопрос, который критически важен для политической науки: до какой степени энергетический и транспортный факторы способны менять стимулы и поведение ведущих политических игроков в регионе?

Важным событием в развитии энергетической геополитики Ближнего Востока можно считать выход на международную топливную сцену крупных месторождений природного газа в восточной части Средиземного моря. В первую очередь, речь идет об огромном месторожде-

ние природного газа у берегов Израиля под названием «Левиафан». Планируется, что сырье с этого месторождения пойдет в Евросоюз. Казалось бы, что с экономической точки зрения этот проект может иметь большие перспективы, поскольку в первых числах января 2020 г. Греция, Кипр и Израиль подписали соглашение о строительстве газопровода «ИстМед» (EastMed), по которому газ из месторождения «Левиафан» через Кипр и Крит должен будет транспортироваться в материковую Грецию и далее в Италию. В проект планируется включить и попутные газовые месторождения Кипра. Строительство газопровода длиной более 1800 километров поддерживает ЕС, который присвоил инициативе привилегированный статус «проекта общего интереса» (Project of Common Interest). Исходя из этого, некоторые аналитики и политики рассчитывают, что экономические выгоды этого проекта способны принести мир и процветание в регион. Греческий министр экологии и энергетики Констис Хацидакис заявил, что, несмотря на угрозы со стороны Турции, трубопровод – это «проект мира и сотрудничества в Восточном Средиземноморье». Однако другие ученые справедливо указывают на геополитический конфликтный потенциал проекта. По их мнению, Европа таким образом лишь подорвет существующее региональное энергетическое партнерство на Ближнем Востоке и тем самым ослабит и без того трудно идущий мирный процесс. Эту дискуссию отразил в своей статье немецкий обозреватель издания «Вельт» Д. Ветцель⁹. Указанное энергетическое партнерство существует в виде многостороннего объединения различных государств. В начале 2019 г. Египет, Иордания, Израиль, Кипр, Италия и представители Палестинской автономии объединились в Восточный Средиземноморский газовый форум (EMGF). Целью этого объединения должна была стать совместная разработка больших разведанных запасов газа в Восточном Средиземноморье. Один из вариантов предусматривал соединение газовых месторождений «Зохран» (Египет), «Афродита» (Кипр), а также «Левиафан» и «Тамар» (Израиль) с египетскими терминалами для сжижения природного газа (СПГ) Идку и Дамьетта. Оттуда топливо в виде СПГ должно было танкерами доставляться на мировые рынки.

Этот совместный проект был в состоянии углубить политические связи на Ближнем Востоке и мог побудить все стороны в конфликтных ситуациях действовать с позиций хотя бы минимального прагматизма. Так, по словам Тарека Бакони, специалиста из аналитического центра «Европейский совет по внешнеполитическим отношениям» (European Council on Foreign Relations / ECFR), в идеале такой «экономический мир» мог бы способствовать решению споров об акваториях между Ливаном и Израилем, улучшению положения палестинской авто-

номии, принятию внутривластных реформ в Египте и сближению Кипра и Турции.

Однако газопровод «ИстМед» может положить конец такой региональной кооперации. Односторонние действия различных ближневосточных государств, побуждаемые желанием выйти на газовый рынок ЕС, приведут к маргинализации вышеуказанного Восточного Средиземноморского газового форума (EMGF). Газопровод «ИстМед» едва ли укрепит энергобезопасность Европы: мощность газопровода пока небольшая – всего десять миллиардов кубических метров. Это не соответствует и пятой части мощности проблемного балтийского газопровода «Северный поток» и не окажет сколько-нибудь заметного влияния на энергобезопасность Европы¹⁰.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы. Надо признать, что Россия стремится контролировать добычу и экспорт энергоресурсов на Ближнем Востоке. Она смогла заключить ряд энергетических соглашений с Саудовской Аравией и ОАЭ. В этом контексте сирийская кампания России, начатая по просьбе законного правительства страны, в значительной степени способствовала укреплению позиции страны на Ближнем Востоке, а Сирия стала отправной точкой для расширения российского присутствия в регионе.

Еще один важный вывод о природе политических интересов в ресурсном контексте. Лидеры государств Восточного Средиземноморья цеплялись за убеждение, что приток денег от транспортировки газа с новых месторождений может стать средством решения проблем, с которыми столкнулись их страны. Необходимо отметить, что эту позицию разделяли многие эксперты. Приведу мнение одного из них, который в свое время утверждал, что «при определенных условиях (не сказано, каких, – А. М.) трубопроводы могут стать важным интегрирующим и стабилизирующим фактором», поскольку «как и другие транспортные коммуникации, нефтепроводы обладают способностью “сшивать” регионы, увязывая их взаимными интересами»¹¹. К сожалению, положение дел никогда не внушало особого оптимизма в данном вопросе. Перспективы строительства газопровода в Восточном Средиземноморье разжигают региональные эгоизмы в порядке максимизации собственных интересов каждого участника. Это означает, что политические лидеры этих государств пытались получить международную координирующую власть в ареале. Через этот процесс ближневосточные элиты начали приобретать новое признание самих себя как международных участников энергетического и транспортного процесса. Типичный пример – ситуация с Турцией, которая пытается осуществлять собственные проекты по добыче газа у берегов разделенного Кипра. В частности, она подкрепила свои претензии

на эти энергоресурсы, понав к острову военные корабли. Кроме того, страна стремится занять определенное место в торговле газом и считает, что этой цели угрожают газопровод «ИстМед» и возросшее в этой связи значение Греции. Правительство в Анкаре пытается также изменить фактическое положение дел и с помощью сомнительного морского соглашения с Ливией намерено значительно расширить свою акваторию в Восточном Средиземноморье.

Примечания

- ¹ Aneija A. Analysis : Soleimani's Assassination Could Deepen India-Russia Energy Ties // The Hindu. 2020. 11 January. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/soleimani-asassination-could-deepen-india-russia-energy-ties/article30527639.ece> (дата обращения: 11.01.2020).
- ² См.: Магомедов А. К. Каспий – Кавказ – Причерноморье : пути нефти, пути торговли, пути войны (история и современность). Ульяновск : УлГТУ, 2018. С. 105–108.
- ³ См.: Совместное заявление президентов Российской Федерации и Турецкой Республики. 8 января 2020 г. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/5470> (дата обращения: 09.01.2020).
- ⁴ См.: Жаров К. Враги или союзники. Смогут ли Россия и Турция возглавить мирный процесс в Ливии // Московский Центр Карнеги. 2020.10.01. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80748> (дата обращения: 11.01.2020).
- ⁵ См.: Конкуренция за Африку. Что российская экономика может предложить целому континенту. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7028750> (дата обращения: 10.01.2020).
- ⁶ См.: Danforth N. Turkey's New Maps Arereclaiming the Ottoman Empire // Foreign Policy. 2016. 23 October. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/10/23/turkey's-religious-nationalists-want-ottoman-borders-iraq-erdogan> (дата обращения: 28.12.2019).
- ⁷ См.: Atac C. A. Pax Ottomanica No More! The "Peace" Discourse in Turkish Foreign Policy in the Post-Dovotoglu Era and the Prolonged Syrian Crisis // Digest of Middle East Studies (DOMES). 2018. 30 October. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/dome.12152> (дата обращения: 10.10.2019).
- ⁸ См.: Анкара исключила возможность столкновения России и Турции в Ливии // РИА Новости. 2020. 6 января. URL: <https://ria.ru/20200106/1563154811.html> (дата обращения: 08.01.2020).
- ⁹ См.: Wetzel D. Europas neu Problem-Pipeline Konnte sich als Ungeheu ersweisen // Die Welt. 2020.05.01. URL: <https://www.welt.de/wirtschaft/article204725766/EastMed-Das-ist-Europas-neu-Problem-Pipeline.html> (дата обращения: 08.01.2020).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Чумалов М. Ю. Каспийская нефть и межнациональные отношения. М. : ЦИМО, 2000. С. 165.

Образец для цитирования:

Магомедов А. К. Энергетический аспект современной российской внешней политики на Ближнем Востоке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 75–79. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79>

Cite this article as:

Magomedov A. K. Energy Aspect of Modern Russian Foreign Policy in the Middle East. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 75–79 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-75-79>

УДК 32+329.78+303.7

Игровые технологии формирования политической культуры молодежи: структурно-функциональный анализ деятельности молодежных организаций (на примере работы МолРОП Саратовской области)

А. В. Богданов

Богданов Артем Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, selectedman@yandex.ru

В статье рассматриваются основные функциональные характеристики игровых технологий формирования политической культуры российской молодежи. Анализируется использование игровых моделей в деятельности молодежных организаций на примере работы Молодежного отделения Российского общества политологов Саратовской области (МолРОП Саратовской области). Автор обосновывает необходимость анализа применения игровых технологий для формирования политической культуры современной российской молодежи, а также внедрение соответствующих видов и форм игровых моделей в рамках создания эффективной системы государственной поддержки подрастающего поколения.

Ключевые слова: политическая культура, игровые практики в политической сфере, молодежные организации.

Game Technologies of Formation of Political Culture: Structural and Functional Analysis of Youth Organizations' Activities (Exemplified by Youth Branch of the Russian Society of Political Scientists of the Saratov Region)

A. V. Bogdanov

Artem V. Bogdanov, <https://orcid.org/0000-0002-0761-1168>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, selectedman@yandex.ru

The article deals with the main functional characteristics of game technologies for the formation of political culture of Russian youth. The paper analyzes the use of game models in the activities of youth organizations on the example of the Youth branch of The Russian society of political scientists of the Saratov region. The author substantiates the need to analyze the use of game technologies for the formation of political culture of modern Russian youth, as well as the introduction of appropriate types and forms of game models in the framework of creating an effective system of state support for the younger generation.

Keywords: political culture, game practices in the political sphere, youth organizations.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-80-84>

Анализ деятельности молодежных организаций в современной России представляется необходимым условием выработки стратегии развития государственной молодежной политики, так как вовлечение молодых людей в за-

нятие социальной, культурной, политической и иной работой способствует формированию гражданского общества, осуществлению более эффективного процесса социализации, сокращению девиантного поведения, созданию рациональных моделей поведения. В этом случае, на наш взгляд, весьма полезным является обращение к игровым технологиям, позволяющим за счет своего универсального характера формировать политическую культуру российской молодежи.

При этом в деятельности молодежных организаций зачастую используются игровые практики: для взаимодействия между участниками, для профессиональной социализации, для достижения поставленных целей и реализации конкретных задач. Формы данных игровых практик весьма разнообразны: от статусных (руководитель – подчиненный), межличностных (тренинги) до межгрупповых (конференции). При помощи указанных форм реализации игровых технологий осуществляется в том числе упорядочение взаимоотношений между членами сообщества, выстраивание эффективной коммуникативной взаимосвязи, а также (при необходимости) управляющее воздействие на участников организации.

В свою очередь, использованию игровых технологий в рамках формирования политической культуры способствуют их соответствующие функциональные характеристики:

– универсальность, т. е. возможность повсеместного применения, распространенность среди основных способов познания окружающего мира, приобретение соответствующих знаний, умений и навыков, решение возникающих конфликтных ситуаций в социально-политической сфере;

– адекватность, т. е. способность сопоставления целесообразности действий ситуации, в которой оказался субъект политического процесса, выработка соответствующих навыков социально-политического поведения в типичных ситуациях;

– адаптация, т. е. формирование навыков приспособляемости к изменениям политической среды, сохранение целостности своей внутренней структуры;

– результативность, т. е. достижение цели формирования политической культуры или влияния на создание соответствующих моделей политического поведения;

– оценивание, т. е. постоянно осуществляемый сбор, накопление и анализ данных субъекта с целью улучшения качества вырабатываемых механизмов формирования политической культуры.

Таким образом, указанные выше функциональные характеристики игровых технологий в рамках социально-политического процесса позволяют применять их наиболее эффективно и плодотворно, а также анализировать качество их использования. Так, молодежные организации современной России обращаются к игровым практикам при осуществлении своей непосредственной деятельности. В качестве примера мы проанализируем деятельность Молодежного отделения Российского общества политологов Саратовской области (МолРОП Саратовской области).

В своей работе МолРОП Саратовской области использует несколько разновидностей игровых технологий, среди которых особенно выделяется так называемая Школа молодого политолога, поскольку она ориентирована в большей степени, чем остальные формы игровых практик, на широкий круг участников (от обладающих соответствующими знаниям о политической сфере до интересующихся политикой).

Школа молодого политолога – это научно-просветительский и практико ориентированный проект, направленный на формирование знаний, умений и навыков у подрастающего поколения в политической сфере. Это совместный проект кафедры политических наук юридического факультета СГУ имени Н. Г. Чернышевского, Российского общества политологов и его молодежного отделения с привлечением к участию представителей соответствующих органов власти, молодежных организаций и общественных движений как федерального, так и регионального уровней.

Так, в 2017 г. на юридическом факультете в рамках проекта «Молодежь 2030: Будущее России глазами молодежи» прошла Школа молодого политолога для школьников 10–11-х классов, бакалавров, магистрантов, аспирантов, молодых ученых, организованная кафедрой политических наук юридического факультета СГУ имени Н. Г. Чернышевского, Региональным отделением Российского общества политологов Саратовской области, Молодежным отделением Российского общества политологов Саратовской области при поддержке Правительства Саратовской области, областных министерств образования, молодежной политики, спорта и туризма, Комитета по образованию Администрации муниципального образования «Город Саратов», Молодежного правительства Саратовской области, Российского движения школьников.

В рамках Школы молодого политолога прошли четыре секции в формате круглых сто-

лов, парламентских дебатов на темы: «Молодежь в политических процессах современной России» и «Особенности культуры и духовно-нравственного воспитания современной российской молодежи». Следует отметить, что охват участников, присутствующих на мероприятии, был весьма широким: общее количество 90 человек – это представители районов Саратовской области (г. Вольск, г. Красный Кут, г. Балашов, п.г.т. Новые Бурасы, п.г.т. Степное, пос. Коминтерн, с. Шевыревка, с. Шняево, с. Ягодная Поляна и т. д.), г. Саратова, вузов и колледжей города (Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского, Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский архитектурно-строительный колледж, Профессионально-педагогический колледж Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А., Энгельский медицинский колледж Св. Луки (Войно-Ясенецкого) и т. д.)¹.

Также следует обратить внимание на тот факт, что в рамках вышеуказанного проекта применялись и активно использовались такие игровые практики, как, например, парламентские дебаты, суть которых заключается в следующем: формируются две команды (правительство и оппозиция), которым необходимо в рамках выступлений обосновать свою позицию по тому или иному вопросу.

При этом в рамках проведенных дискуссий и дебатов совместными усилиями представителей молодого поколения была выработана итоговая резолюция, направленная в адрес органов государственной власти с целью выработки эффективной государственной молодежной политики:

«Признавая роль и место современной молодежи во всех сферах общества, основываясь на важности воспитания современной российской молодежи:

1. Рекомендуем органам законодательной власти выработать систему смягчения наказания для молодежи за участие в пикетах, митингах и демонстрациях путем гуманизации административного и уголовного права по отношению к демонстрантам.

2. Предлагаем органам законодательной власти уделить больше внимания проблемам охраны окружающей среды Российского государства, что повысит уровень экологической культуры молодежи.

3. Настаиваем на необходимости омоложения кадрового резерва государственных органов.

4. Поддерживаем роль Российского движения школьников в воспитании молодежи, а также иных организаций.

5. Выступаем за повышение качества телевизионного контента путем приглашения на телевидение молодых, успешных людей, чтобы они делились опытом и стали примером для подражания.

6. Разделяем позицию государства по совершенствованию политического и правового просвещения среди молодежи»².

Таким образом, в рамках первой Школы молодых политологов были использованы такие формы игровых практик, как участие в дискуссии в качестве субъекта политического процесса (представителя молодежного сообщества), в парламентских дебатах, в формулировании итоговой резолюции для ее отправки в органы государственной власти.

Следующая Школа молодых политологов прошла весной 2018 г. и была посвящена теме политического лидерства. В рамках данной школы были использованы такие игровые технологии, как мастер-классы. Всего прошло три мастер-класса, каждый из которых содержал как лекционную часть, направленную на ознакомление участников школы с различными аспектами политического лидерства, так и практическую часть, в рамках которой молодые люди могли самостоятельно проанализировать политическое лидерство в современной России, освоить соответствующие навыки формирования имиджа политического деятеля. При этом общее количество участников составило 81 человек – это ученики 10–11-х классов, учителя и представители университета³.

Еще одна Школа молодых политологов, прошедшая зимой 2018 г., была посвящена теме партий в современной России. В ее рамках также были проведены мастер-классы, состоящие из двух частей, лекционной и практической, суть которых состояла в ознакомлении участников школы с основами партийной системы современной России и спецификой формирования и функционирования политических партий в рамках российской политической системы.

Помимо указанных выше мастер-классов, участники школы заранее подготовили проекты своих собственных политических партий: название, устав, структура, цели и задачи, лозунг, программа партии, ее позиционирование в партийном спектре, вид эмблемы, а также механизмы функционирования в рамках российской политической системы.

При этом в мероприятии приняли участие школьники 10–11-х классов г. Саратова и Саратовской области, учителя, студенты вузов. Общее количество участников составило 77 человек⁴.

Таким образом, проведенные Школы молодых политологов указывают на неподдельный

интерес молодых людей к политической сфере, а также позволяют сделать вывод об эффективности использования игровых технологий в рамках формирования навыков политического характера, например, таких как:

- привитие соответствующего уровня компетентности при анализе политических процессов;

- выработка деятельностной модели политического поведения подрастающего поколения;

- формирование политической культуры молодежи.

Помимо указанной выше Школы молодых политологов, в деятельности МолРОП Саратовской области используются и следующие формы игровых практик:

- заседания, которые, в свою очередь, можно условно разделить на несколько типов:

- заседания, посвященные практическому решению существующих проблем в современном мире. В рамках таких форм работы применяются игровые технологии и как способ вовлечения участников обсуждения в урегулировании реально существующего конфликта, и как способ моделирования конкретной проблемной ситуации. Так, например, традиционными стали дискуссии, посвященные проблемам столкновения интересов на Ближнем Востоке, противоречиям в существующей международной политике между странами Европы, США и Россией, анализу эффективности существующих наднациональных форм организации взаимоотношений между государствами (Евросоюз, ООН, НАТО, Таможенный союз, БРИКС и т. д.)⁵;

- заседания, целью которых является анализ современной социально-политической ситуации в России. В формате данных обсуждений также конструируются игровые модели решения поставленных задач, диалог строится вокруг теоретико-методологических и практических подходов к нивелированию проблемной ситуации. Предметом дискуссии выступает, например, специфика российского избирательного процесса, особенности формирования политической культуры российского общества, анализ последствий применения санкций в связи с вхождением Крыма в состав Российской Федерации и т. д.⁶;

- заседания, основные задачи которых заключаются в политико-правовом просвещении молодых людей, в привитии навыков анализа современной социально-политической ситуации и знаний относительно специфики принятия политических решений, в знакомстве с основами государственной политики и управления в современном мире и ее российской спецификой. Цель данных обсуждений состоит в том числе как в формировании соответствующих компетенций у специалистов (политологов, юристов, историков, социологов, философов и т. д.), так и в привлечении внимания молодежи

жи к существующим проблемам функционирования современной социально-политической системы в России⁷;

– заседания в формате моделей, таких как: «Государственный совет Российской Федерации», «Государственная Дума Российской Федерации», «Саратовская областная Дума», «Правительство Саратовской области», «Общественная палата Саратовской области» и т. д. В рамках данных обсуждений конструируется максимально приближенная к действительности модель работы соответствующих социально-политических субъектов, нередко с привлечением к дискуссии практических работников государственных и общественных структур в качестве экспертов. На рассмотрение выносятся такие темы, как: «Экологическая безопасность современной России», «Стратегия социально-политического развития Саратовской области», «Механизмы взаимодействия между обществом и государством», «Гражданское общество: проблемы функционирования в современной России» и т. д.⁸;

– круглые столы, затрагивающие проблемы культурно-мировоззренческого поля, специфику морально-нравственных убеждений подрастающего поколения, поиск социокультурного основания государственной политики в сфере культуры, образования, просвещения и науки. Основными темами для обсуждения выступают: «Патриотизм в современном мире», «Идеология и национальная идея в современной России», «Социокультурный аспект формирования компетенций специалиста в современном мире» и т. д.⁹;

– дебаты, сутью которых являются активная дискуссия участников, отстаивание своей позиции с приведением соответствующей аргументации, обучение навыкам ораторского искусства и приемам политической риторики, привитие умений публичного выступления. В рамках дебатов экспертное жюри оценивает команды по заранее выделенным критериям (четкость аргументации, логика повествования, умение ответить на вопросы и т. д.). Темы дебатов зачастую касаются острых социально-политических и культурно-мировоззренческих проблем: «Толерантность в современном мире», «“Демонизация” как прием мистификации истории», «Историко-культурная память народа» и т. д.¹⁰

Следует отметить, что указанные выше формы игровых технологий не исчерпывают себя и могут быть дополнены. Однако, на наш взгляд, данные разновидности игровых практик позволяют оказывать влияние на формирование политической культуры современной российской молодежи, более того, со стороны представителей молодого поколения обнаруживается четкий запрос на необходимость активного и компетентного участия в политическом процес-

се. Также присутствует потребность в выработке государственной молодежной политики с условием соответствующего взаимодействия органов государственной власти и молодых людей, где посредником могут выступать общественные молодежные организации.

Таким образом, анализ деятельности МолРОП Саратовской области на предмет использования игровых технологий формирования политической культуры молодежи позволяет утверждать, что игровые практики применяются довольно активно, помогают осуществлять более эффективное взаимодействие между участниками молодежных организаций, оказывают влияние на выработку активных моделей политического поведения, а также способствуют разработке молодежной политики посредством направления соответствующего запроса в органы государственной власти через общественные ассоциации.

Примечания

- 1 См.: Школа молодого политолога // Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского : [сайт]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2017-11-21/shkola-molodogo-politologa> (дата обращения: 05.11.2019).
- 2 Молодежное отделение Российского общества политологов Саратовской области (МолРОП Саратовской области). URL: https://vk.com/saratov_molrop (дата обращения: 05.11.2019)
- 3 См.: Школа молодого политолога // Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского : [сайт]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2018-04-23/shkola-molodogo-politologa> (дата обращения: 06.11.2019).
- 4 Там же. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2018-12-17/kafedra-politicheskikh-nauk-uspeshno-provela-rabotu> (дата обращения: 07.11.2019).
- 5 См.: Совместное заседание МО РАПН и МолРОП // Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского : [сайт]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2015-11-19/sovместnoe-zasedanie-mo-rapn-i-molrop> (дата обращения: 08.11.2019).
- 6 Там же. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2016-05-14/sovместnoe-zasedanie-soveta-molodyh-politologov-i> (дата обращения: 09.11.2019).
- 7 Там же. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2016-10-17/sovместnoe-zasedanie-soveta-molodyh-politologov-i> (дата обращения: 10.11.2019).
- 8 Там же. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2017-04-26/sovместnoe-zasedanie-soveta-molodyh-politologov-i> (дата обращения: 11.11.2019).
- 9 См.: Заседание МолРОП Саратовской области // Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского : [сайт]. URL: <https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2015-06-06/zasedanie-molrop-saratovskoy-oblasti> (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁰ См.: Дебаты // Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского : [сайт]. URL: [https://](https://www.sgu.ru/structure/jurist/news/2016-12-05/debaty)

www.sgu.ru/structure/jurist/news/2016-12-05/debaty (дата обращения: 13.11.2019).

Образец для цитирования:

Богданов А. В. Игровые технологии формирования политической культуры молодежи: структурно-функциональный анализ деятельности молодежных организаций (на примере работы МолРОП Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 80–84. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-80-84>

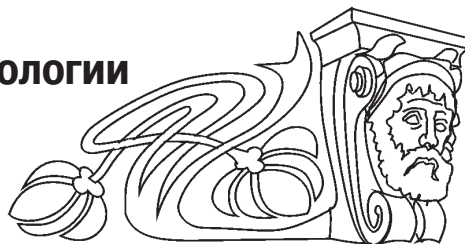
Cite this article as:

Bogdanov A. V. Game Technologies of Formation of Political Culture: Structural and Functional Analysis of Youth Organizations' Activities (Exemplified by Youth Branch of the Russian Society of Political Scientists of the Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 80–84 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-80-84>

УДК 327.8

Современные информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России в сфере международных отношений

М. М. Васильева

Васильева Мария Михайловна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры коммуникационных технологий, Московский государственный лингвистический университет, catmar@yandex.ru

В статье анализируются информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России. Автор приходит к выводу, что информационное общество демонстрирует свою обратную сторону и речь уже идет не просто о конвергенции и поисках компромиссов и точек совпадения интересов во имя общемирового развития, а о перестройке и изменении формата международных отношений на базе современных информационных технологий. В то же время от возможностей государства в информационной сфере зависит его способность отстаивать национальные интересы, сохранять суверенитет и территориальную целостность страны – добиться стратегического превосходства в сфере международных отношений.

Ключевые слова: информационные технологии, информационное общество, международные отношения, национальные интересы.

Modern Information Technologies Boosting National Interests of Russia in the Sphere of International Relations

М. М. Vasilyeva

Maria M. Vassiljeva, <https://orcid.org/0000-0001-5337-8275>, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia, catmar@yandex.ru

The main problem tackled in this research deals with information technologies as the instrument of boosting national interests of Russia. The author comes to the conclusion that the information society shows the other side and the subject deals with not only mutual interests in the name of world development, but modification of the international relations on the base of the modern information technologies. At the same time, opportunities of the state in the information sphere define the possibility to defend national interests and reach strategic goals in the sphere of international relations.

Keywords: information technologies, information society, international relations, national interests.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-85-90>

В настоящее время актуализировался вопрос о перестройке и изменении формата международных отношений на базе современных информационных технологий, формировании контуров мироустройства XXI в. Одна из значимых тем в международных делах сегодня заключается в том, какую форму принимает конкуренция между ведущими

мировыми державами. США и западные страны нацелены на то, чтобы сохранить доминирующие позиции любыми средствами (информационные войны, неконституционная смена правящих режимов, методы экономического давления, санкции). Вследствие информационной революции и глобализации всего информационного пространства появилась непосредственная возможность доступа как к географической, так и к социокультурной сфере государства из единого пространства информационных коммуникаций. В данном контексте информационное общество демонстрирует свою обратную сторону. Речь уже идет не просто о конвергенции и поисках компромиссов и точек совпадения интересов во имя общемирового развития, а о возможностях государства в реализации своих стратегических национальных приоритетов во внешнеполитической деятельности сквозь призму современных информационных технологий.

Информационные технологии как средство управления международными процессами

Сегодня можно говорить о том, что от возможностей государства в информационной сфере зависит его способность отстаивать национальные интересы, сохранять суверенитет и территориальную целостность страны – добиться стратегического превосходства в сфере международных отношений.

Под информационными технологиями в политике понимают технологии создания, сбора, хранения, обработки, передачи и распространения информации для реализации функций политической системы, направленных на повышение эффективности политического процесса и достижение желаемых результатов в сфере политики¹.

При этом в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» (Ч. II, п. 21)².

Информационные технологии, основанные на их применении новые приемы являются эффективными средствами борьбы государств за национальные интересы на международной арене.

При условии низкой политической культуры населения, монополии на СМИ и доступ к информации можно сравнительно просто манипулировать общественным мнением, подавляя голоса тех, кто пытается объективно освещать события в мире. Примером этого является одностороннее освещение событий в Южной Осетии (2008 г.), Сирии (с 2012 г.), Украине (2014 г.).

Делаются попытки разрушения или подмены привычных ценностей, в том числе фундаментальных, ослабление национального духа, педалирование «правами человека» и проч. Отсюда же соответствующий инструментарий – научно разработанные и обоснованные концепции, доктрины и методики такого феномена, как «управляемый хаос», «управляемый конфликт», «наращивание хаоса как наращивание демократии», «детерминируемый хаос» и т. п. Существуют целые институты, специализирующиеся на проблемах «управляемого хаоса» (например Santa Fe Institute в США). Вместе с тем «управляемый хаос неправомерно рассматривать как цель современного геополитического противоборства. Конечной целью субъектов... было и остается мировое господство, посредством которого обеспечивается беспрепятственный доступ к ресурсам... управляемый хаос следует расценивать не как стратегию, а как технологию»³.

Современная информационная, цифровая революция размывает государственный суверенитет, «стирает» государственные границы и распространяется по всему миру. Значимость Интернета как источника информации быстро возрастает и для граждан России. Интернет-СМИ из элитарных быстро превращаются в массовые. Аудитория Интернета в нашей стране уже превышает 80 млн человек.

В Концепции внешней политики Российской Федерации констатируется, что в мире «обостряются противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, ...усилением борьбы за ресурсы... Стремление западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы, приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях» (Ч. II, п. 5)⁴.

В России потенциальные опасности, исходящие от Интернета, гораздо выше, чем в США, поскольку основная масса сетевого программного обеспечения в Российской Федерации либо прямо заимствована, либо построена с включением заимствованных модулей, которые часто содержат специальные компоненты съема или уничтожения информации и т. п.

Вместе с тем Интернет все шире используется и как средство политической борьбы. В условиях возрастающей информатизации и политической открытости государства становятся все

более уязвимыми перед теми, кто доминирует в сетевых информационных технологиях.

Во многих странах ведутся интенсивные целенаправленные исследования в этой области.

До настоящего времени страны третьего мира, неспособные в силу экономических, культурных, политических и иных причин самостоятельно защищать свои позиции в мировой политике, были защищены авторитетом и конкретными шагами международных организаций, могли рассчитывать на их поддержку. Плюс ко всему на стороне этих стран было международное право, положения которого признавались всеми акторами мировой политики.

Развитие «сетевых союзов» в новой глобальной ситуации способно подорвать основы международного права. Так, по отношению к Интернету до сих пор не отработан четкий свод правил и положений, регулирующих деятельность его индивидуальных пользователей и сетей.

Не менее важной задачей (и проблемой) является разработка общепризнанных норм международного права, позволяющих обеспечить международную информационную безопасность на принципах справедливости и равенства.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации обоснованно отмечается, что «отсутствие международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения в информационном пространстве, а также механизмов и процедур их применения, учитывающих специфику информационных технологий, затрудняет формирование системы международной информационной безопасности, направленной на достижение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства»⁵.

При этом Россия более десяти лет назад предложила для обсуждения в ООН концепцию «Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности»⁶, однако эта инициатива пока не нашла должного отклика. Так, на встречах представителей России и США до сих пор обсуждается трактовка понятийного аппарата, который будет применяться на переговорах по этой проблематике.

До настоящего времени дело ограничивается принятием многочисленных деклараций, хартий, обращений, резолюций, рекомендаций и т. п., невыполнение которых не предусматривает никаких международных санкций. Это, например: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/65/41 «Достижения в сфере информатизации и коммуникаций в контексте международной безопасности» (8 декабря 2010 г.) и A/RES/64/211 «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур» (21 декабря 2009 г.); Окинавская хартия глобального информационного общества (22 июля 2000 г.); соглашение между правительствами государств – членом ШОС о сотрудничестве в области обеспечения

международной информационной безопасности (16 июня 2009 г.) и др.⁷

«В целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации внешнеполитическая деятельность государства направлена на ... дальнейшее продвижение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава Организации Объединенных Наций (Устав ООН), а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН) как основной организации, регулирующей международные отношения» (Ч. I, п. 3д)⁸.

Информационные технологии открывают новые возможности для воздействия на общественное мнение внутри страны и за ее пределами. К новым способам и методам информационного противоборства некоторые исследователи относят так называемые «гибридные войны», по своей сути носящие тотальный характер и являющиеся более эффективными, чем просто информационные и информационно-психологические войны. Это противоборство в форме «гибридных войн» все чаще используется как эффективный способ достижения политических, экономических, военных и других целей государств еще до этапа применения традиционной военной силы. Здесь вполне применим недавно появившийся термин «гибридная война».

Цели информационно-психологического противоборства в политической борьбе на международной арене состоят в следующем:

- выявить и оценить состояние коллективного и общественного (массового) сознания;
- сформировать нужные политические идеи, установки, позиции, ценностные ориентации.

Сунь-цзы приписывают высказывание: «Кто владеет информацией, тот владеет всем и правит миром». Глубина смысла этого афоризма становится ясной теперь, в связи с произошедшим в последние два десятилетия радикальным ростом политической, социальной и военной значимости информационных технологий в продвижении национальных интересов государств.

Информационные технологии во внешнеполитической деятельности

Информационные технологии входят в комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей государства, который называют «мягкая сила».

Теория «мягкой силы», разработанная американским политологом, профессором Гарвардского университета Дж. Наем-мл., стала сегодня одним из главных инструментариев в системе международных отношений, нацеленным на получение и удержание ведущих позиций на международной арене.

Дж. Най определяет «мягкую силу» как «способность получать желаемый политический результат путем привлекательного побуждения другой стороны принять ваши цели»⁹. Он считает, что этого следует добиваться путем облачения своего политического товара (идей, идеологий, инициатив, повесток дня, институтов) в привлекательную для других упаковку, подкрепляя это солидными «призовыми» за сотрудничество, например, расширяя рыночные возможности партнера.

При этом у России есть своя парадигма использования «мягкой силы», которая основывается на нравственно-этических принципах. Министр иностранных дел С. В. Лавров выдвинул такое определение «мягкой силы»: это – способность воздействовать на поведение других государств с помощью культурно-цивилизационной, гуманитарно-научной, внешнеполитической и иной привлекательности своей страны, готовность и умение продвигать позитивную, объединительную повестку дня в международных отношениях¹⁰.

В последние годы в Российской Федерации принято значительное количество официальных документов по проблемам информационной безопасности, информационной политики, информационного противоборства и т. п. Официально приняты Доктрина информационной безопасности Российской Федерации¹¹ и Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности¹² на период до 2020 года.

Кроме того, Россия и страны Шанхайской организации сотрудничества, в развитие распространенного в 2011 г. в ходе 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН проекта соответствующего документа, в начале 2015 г. внесли в качестве официального документа ООН «Правила поведения в области обеспечения международной информационной безопасности». Как отметили в МИД России: «В отличие от концепций, предполагающих регулирование кибервойн, документ ШОС нацелен на предотвращение конфликтов в информационном пространстве. В нем закреплено обязательство государств не применять информационно-коммуникационные технологии в целях нарушения международного мира и безопасности, а также для вмешательства во внутренние дела других государств и подрыва их политической, экономической и социальной стабильности»¹³.

Концепция внешней политики РФ отражает исторический опыт и уточненное видение прио-

ритетов Российского государства в стремительно меняющемся современном мире. Она подтверждает «развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов; расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, содействие становлению сетевых альянсов, активное участие в них России»¹⁴.

С опорой на положения этого документа Россия предпринимает целенаправленные усилия в интересах:

- обеспечения международной безопасности;
- утверждения верховенства международного права;
- укрепления центральной координирующей роли ООН в международных отношениях.

В этой связи в Доктрине информационной безопасности среди основных направлений обеспечения информационной безопасности в области стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства выделяются:

- защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов в информационной сфере;

– участие в формировании системы международной информационной безопасности, обеспечивающей эффективное противодействие использованию информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву;

- продвижение в рамках деятельности международных организаций позиции Российской Федерации, предусматривающей обеспечение равноправного и взаимовыгодного сотрудничества всех заинтересованных сторон в информационной сфере (Ч. IV)¹⁵.

Сегодня перед Российской Федерацией стоят задачи продвижения и отстаивания своих национальных интересов на международной арене. Они вытекают из потребностей внутреннего развития страны, модернизации самой России – создание модернизационных альянсов, усиление евразийской интеграции.

При этом отмечается, что «изменения в отношениях России с развитыми западными странами сопровождаются изменением в восприятии обществом основных угроз безопасности страны и их проявлений»¹⁶.

В целях реализации стратегических национальных приоритетов России внешнеполитическая деятельность государства, как отмечается в Концепции внешней политики, направлена на:

– упрочение позиций России как одного из влиятельных центров современного мира;

- развитие двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами на основе уважения принципов независимости и суверенитета, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов¹⁷.

Вместе с тем события на Украине, происходившие в период 2014–2015 гг., являлись одним из основных информационных поводов новостных сообщений мировых средств массовой информации. При этом наблюдалась поляризация точек зрения западных и российских СМИ, которые в борьбе за международное общественное мнение использовали самые различные приемы и методы информационных технологий. Одни и те же события (акции протеста, противостояние митингующих с силами правопорядка, смена власти, кровопролитное вооруженное противостояние на юга-востоке и др.) находили диаметрально противоположные освещение, оценки, аргументацию и выводы – наблюдались все черты информационно-психологического противоборства. Одним из ключевых событий украинской драмы стала катастрофа малайзийского пассажирского авиалайнера Боинг-777 (унесшая жизни 283 пассажиров и 15 членов экипажа), произошедшая на территории Донецкой области 17 июля 2014 г. Не дожидаясь результатов расследования, некоторые лидеры западных государств и поддержавшие их СМИ обвинили в произошедшем российскую сторону.

Жесткая позиция России относительно урегулирования внутриукраинского конфликта вызвала конфронтацию с США и странами Евросоюза.

К реализации стратегических национальных приоритетов России во внешнеполитической деятельности государства отношение вхождение в ее состав в марте 2014 г. территории полуострова Крым с образованием двух новых субъектов Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, поддержка действий и оказание гуманитарной помощи самопровозглашенным на юго-востоке Украины Донецкой и Луганской Республик (ДНР и ЛНР), что только усилило конфронтацию с Западом.

Следствием этого явились *санкции* – ограничительные политические и экономические меры, введенные в 2014 г. в отношении России и ряда российских лиц и организаций, которые, по мнению международных организаций и отдельных государств, были причастны к дестабилизации ситуации на Украине; а также ответные действия России – эмбарго на поставку продовольственных и промышленных товаров из стран-участниц санкционных действий.

В последнее время резко возросла активность держав, имеющих отношение к Арктическому региону. Сегодня Северный полюс вновь

стал предметом международной конкуренции и отстаивания национальных интересов в сфере внешней политики. В перспективе серьезной угрозой для России может стать выдвижение претензий на право свободного пользования природными ресурсами, которыми она владеет¹⁸. По данным ООН, запасы нефти в Арктике превышают все ресурсы России в 2,4 раза. По прогнозам специалистов, к 2040 г. из-за глобального потепления значительная часть Северного Ледовитого океана окажется свободной ото льда, что существенно облегчит добычу природных богатств с его дна, удешевит перевозки, но одновременно может создать и новое направление геостратегического соперничества.

Принимая во внимание возросший интерес к региону со стороны стран-участниц НАТО, на защиту российских интересов в Арктике Правительство РФ ориентировало целый комплекс мероприятий, в том числе военного типа. На совещании Совета безопасности РФ был выработан комплекс мероприятий по повышению эффективности проведения ранее утвержденных Президентом РФ документов, в частности, Основ государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу и Стратегии развития Арктической зоны страны и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Но при этом сегодня не учитывается тот факт, что человечество может перейти на альтернативное топливо.

Никакая другая страна не имеет такого большого по протяженности своих северных границ выхода к Арктике, как Россия. Арктика стала территорией хозяйственного освоения, военным полигоном, регионом стратегических интересов, ресурсной базой страны. Недаром именно у России появился Северный морской путь – самый короткий маршрут из Европы в Америку и Азию, – который обслуживает регион, обеспечивающий сегодня стране 80% нефти, 90% никеля, почти весь газ, золото, серебро, олово, апатиты, молибден, алмазы, половину деловой древесины. Северный морской путь в состоянии дублировать и дополнять сухопутные коридоры, обеспечивая жизнедеятельность всего Русского Севера.

Система международной торговли давно предусматривает его использование всеми крупнейшими мировыми перевозчиками. В ближайшие годы, учитывая то, что достигнут предел пропускной способности Суэцкого и Панамского каналов и нарастает нестабильность в регионах Малой Азии и Ближнего Востока, стратегическая роль этого коридора и торговли между Юго-Восточной Азией, Японией, Северной Америкой, Евросоюзом и Россией будет только возрастать. С учетом потепления Северный морской путь становится самым удобным для перевозки углеводородов с арктических месторождений.

Все это становится тем более актуальным сейчас, когда Арктика в силу ее географического

положения, огромных запасов природных ресурсов, экологической, научной и оборонной значимости привлекает все больший интерес многих, в том числе и неприполярных, стран мира, становится ареной борьбы за право обладания ее богатствами и узлом противоречий глобального значения, где фокусируются интересы различных геополитических субъектов.

Таким образом, мы видим, что новые информационные технологии все шире применяются в международных отношениях, политико-дипломатической борьбе, при реализации национальных интересов, в борьбе за невозобновляемые природные ресурсы, а также в вооруженных конфликтах и войнах. В целях реализации стратегических национальных приоритетов России во внешнеполитической деятельности возрастает необходимость уделять особое внимание информационным технологиям как неотъемлемой части новой парадигмы международных отношений.

Примечания

- 1 См.: *Балашов А. Н.* Информационные технологии в политике : сущность, содержание и классификация // *Среднерусский вестник общественных наук.* 2014. Вып. 2 (32). С. 87.
- 2 Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683). URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/> (дата обращения: 07.09.2019).
- 3 *Белозёров В. К.* Управляемый хаос и глобальные политические стратегии // *Геополитика и безопасность.* 2014. № 4 (28). С. 9.
- 4 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 07.11.2019).
- 5 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (дата обращения: 10.09.2019).
- 6 См.: Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/112.html> (дата обращения: 10.09.2019).
- 7 См.: *Федоров А. В., Зиновьева Е. С.* Информационная безопасность. Политическая теория и дипломатическая практика. М. : МГИМО-Университет, 2017.
- 8 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640).
- 9 *Nye S. J., Jr.* Bound to Lead : The Changing Nature of American Power. N. Y. : Basic Books, 1991. P. 221.
- 10 См.: *Лавров С. В.* Глобальной политике нужны открытость и демократия // *Известия.* 2007. 24 апр.
- 11 См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646).

- ¹² См.: Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 24 июля 2013 г. № Пр-1753) // Совет Безопасности Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document114/> (дата обращения: 10.09.2019).
- ¹³ Члены ШОС внесли в ООН правила обеспечения международной информационной безопасности // Аргументы.ру. 2015. 29 января. URL: <http://argumenti.ru.com/politics/2015/01/387695> (дата обращения: 19.09.2019).
- ¹⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640).
- ¹⁵ См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646).
- ¹⁶ Федоров А. В., Зиновьева Е. С. Указ. соч. С. 25.
- ¹⁷ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 30.11.2016 № 640).
- ¹⁸ См.: Современные международные отношения : учебник и практикум для академ. бакалавриата / под ред. В. К. Белозёрова, М. М. Васильевой, А. И. Позднякова, 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. С. 312.

Образец для цитирования:

Васильева М. М. Современные информационные технологии как инструмент продвижения национальных интересов России в сфере международных отношений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 85–90. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-85-90>

Cite this article as:

Vasilyeva M. M. Modern Information Technologies Boosting National Interests of Russia in the Sphere of International Relations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 85–90 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-85-90>

УДК 32.019.51

Политическая ресурсность региональных СМИ в современной России (на примере ГТРК «Саратов»)

А. А. Казаков, А. С. Карев

Казаков Александр Александрович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aldr.kazakov@gmail.com

Карев Алексей Станиславович, магистрант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, karev.pro@bk.ru

В статье представлены результаты анализа регионального информационного пространства в современной России в контексте политической ресурсности СМИ. Определив основные компоненты политической ресурсности, авторы оценивают возможности влияния на региональный политический процесс ГТРК «Саратов». Делается вывод о том, что по сравнению с негосударственными массмедиа входящие в данный холдинг компании, как правило, обладают значительно большей политической ресурсностью.

Ключевые слова: средства массовой информации, политическая ресурсность, региональный политический процесс, ГТРК «Саратов».

Political Resource Potential of Regional Mass Media in Modern Russia (Exemplified by State Tele- and Radio Company "Saratov")

A. A. Kazakov, A. S. Karev

Alexander A. Kazakov, <https://orcid.org/0000-0002-3140-0977>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, aldr.kazakov@gmail.com

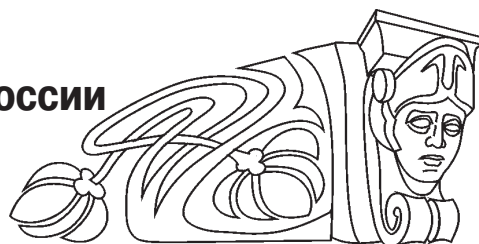
Alexey S. Karev, <https://orcid.org/0000-0002-5969-898X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, karev.pro@bk.ru

The article contains results of regional media landscape analysis conducted through the lens of political resource potential of mass media in modern Russia. Having defined the key elements of political resource potential, the authors assess ability of the State tele- and radio company "Saratov" to affect regional political process. An inference is made that, compared with non-governmental mass media, media outlets comprising the aforementioned holding company, as a rule, have greater potential for political influence.

Keywords: mass media, political resource potential, regional political process, State tele- and radio company "Saratov".

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-91-95>

Социальная значимость проблемы политической ресурсности региональных СМИ обусловлена спецификой развития современного общества. Сегодня массмедиа способны

участвовать в создании социально-политической действительности, влияют на общественное мнение, во многом определяют политические решения и даже отчасти могут изменять отношение населения к событиям, имевшим место в прошлом. Находясь на «передовой» общественно-политической жизни, пресса нередко транслирует ценности и установки поведения, которые могут быть выразителем позиций тех или иных субъектов политики. Кроме этого, особого внимания заслуживают структура и качество медийного контента, так как именно СМИ во многом формируют стиль жизни и культуру общества. Региональные же средства массовой информации все чаще оказывают серьезное влияние на политические процессы, происходящие в конкретном субъекте Российской Федерации.

В современной научно-исследовательской литературе отмечается достаточно высокий интерес к проблеме места и роли СМИ в политической системе общества. Относительно давно и весьма активно проблематика политической ресурсности медиа разрабатывается в западной науке. Посвященные этому труды Г. Лассуэлла, Т. Лукмана, М. Маклюэна, Ю. Хабермаса и многих других ученых уже успели стать классическими¹.

В отечественной науке подобные сюжеты начали анализироваться еще в советское время². Особенности функционирования СМИ в переходный период в условиях многопартийности, открытости и гласности стали предметом множества научных и публицистических исследований. Большой вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как Б. М. Березин, М. Н. Грачев, Е. Г. Дьякова, Я. Н. Засурский, Т. В. Науменко, В. Д. Попов, Г. Г. Почепцов, Е. П. Прохоров, А. И. Соловьев, Л. Н. Федотова и др.³

Отдельного упоминания заслуживает и вклад в изучение роли и места средств массовой информации в политической жизни страны саратовских ученых: А. А. Вилкова, В. В. Прозорова, А. В. Россошанского, Т. В. Харламовой⁴.

Однако, несмотря на достаточно большое количество работ по данной проблематике, политическая ресурсность именно региональных СМИ, если и затрагивается в них, то лишь косвенно. При этом отдельно интересующий нас аспект деятельности именно ГТРК «Саратов» прежде не анализировался вовсе.

Какой смысл принято вкладывать в понятие «политическая ресурсность СМИ»? На наш взгляд, одной из основных характеристик политической ресурсности конкретного медиа можно считать долю аудитории, которую оно охватывает. Для печатного издания эту величину можно определить тиражом, а для электронных СМИ – через количество потенциальной аудитории на охватываемой ими территории вещания.

Политические ресурсы можно рассматривать как неотъемлемый компонент политического процесса. Возможность политических акторов распоряжаться ресурсами непосредственным образом влияет на политическую борьбу. Как совершенно справедливо отмечает И. В. Бурковский, «анализ ресурсов политической власти необходим для рационального распределения власти в обществе, понимания перспектив его развития, сохранения стабильности и продвижения реформ»⁵.

В целом, политическая ресурсность является многокомпонентным понятием, так как включает в себя все доступные и потенциально применимые средства и рычаги давления, влияния и любого иного воздействия. Все это вполне справедливо и для политической ресурсности СМИ, однако в данном случае она также подразумевает и степень значимости средств массовой информации как политического инструмента, применяемого более влиятельными игроками политического поля.

Таким образом, политическую ресурсность, понимаемую как сочетание разнообразных потенциальных возможностей, которые средства массовой информации могут использовать для оказания влияния на политических акторов и на весь политический процесс в целом, на наш взгляд, вполне можно использовать в качестве инструмента эффективного политологического анализа места и роли средств массовой информации в политической системе современной России.

Анализ политической ресурсности региональных средств массовой информации современной России как основы их политической функциональности и политического влияния предполагает исследование специфики работы СМИ в регионах. Вообще, среди всех акторов региональной политики СМИ играют одну из ключевых ролей. Они являются посредником между обществом и властью, каналом политической социализации. В то же время региональные медиа, как правило, зависят от местных властей, прежде всего в техническом и финансовом отношении. Нередко региональные средства массовой информации функционируют как официальные идеологические механизмы, получая «экономическую помощь» из местных бюджетов.

По мнению отдельных исследователей⁶, информационную ситуацию в регионах России определяют несколько факторов: состояние фе-

дерального информационного пространства, политические и экономические факторы регионального уровня, а также финансы и экономика самих СМИ. Поскольку региональные медиа имеют широкие возможности влиять на электорат в своем регионе, то финансовые и политические элиты нередко пытаются использовать местные СМИ как механизм своего влияния.

Информационное пространство субъектов Российской Федерации часто существует по не менее сложным схемам и моделям, чем в центре, что чаще всего связано с наличием на одной территории различных интересов. При этом иногда на региональном рынке СМИ могут происходить столкновения интересов федеральных структур и местной власти.

На наш взгляд, среди всех видов средств массовой информации (электронные, печатные, Интернет) наибольшей политической ресурсностью и функциональностью обладают электронные СМИ, в частности телевидение. Оно же, между прочим, до сих пор остается самым востребованным источником информации в современном российском обществе⁷. Для огромного количества россиян, в особенности жителей «глубинки», где доминирует политическая культура, отличная от той, что присуща жителям крупных городов, телевидение по-прежнему остается неотъемлемой частью жизни.

Характеризуя специфические особенности региональных средств массовой информации, необходимо сделать акцент на ключевых игроках данного рынка. В 1999 г. в России был создан информационный конгломерат – ВГТРК, в состав которого вошли более 80 региональных телекомпаний и столько же телепередающих центров. Сегодня подразделения ВГТРК – региональные ГТРК – являются одной из основных ценностей компании. Филиалы ВГТРК имеют большой политический вес, влияют на рынок региональной рекламы и в целом на региональную политику, субъектов этой политики и политических акторов конкретного региона.

Какими же специфическими особенностями политической ресурсности обладает ГТРК «Саратов»? Начнем с того, что, на наш взгляд, политическая ресурсность федеральных и региональных СМИ как институтов общественно-политической жизни общества и государства содержит в себе ряд компонентов. Прежде всего, это технологии, применяемые СМИ в работе с аудиторией, и механизмы, благодаря которым политическая ресурсность СМИ формируется.

Обозначим несколько, по нашему мнению, основных видов ресурсов, характерных для средств массовой информации в целом и для ГТРК «Саратов» в частности: информационный, идеологический, электоральный, административный и финансовый.

Главным ресурсом, безусловно, является информационный. Он состоит из комплекса

имиджевых характеристик СМИ, степени общественного доверия, а также возможности распоряжаться различными информационными платформами. ГТРК «Саратов» в данном контексте использует всю полноту информационных ресурсов: задействуются различные каналы передачи информации, реализуется позиционирование СМИ «как главного телеканала региона»⁸.

Идеологический ресурс средств массовой информации представлен возможностью влиять на общественное мнение, транслировать идеологические и политические установки в массовое сознание. ГТРК «Саратов» является государственным средством массовой информации. Компания ориентирована, в первую очередь, на реализацию интересов государства. Однако региональная политическая власть нередко использует информационный ресурс данного СМИ в своих собственных интересах, транслируя через каналы передачи информации политические предпочтения, установки и прочие элементы политической культуры.

Электоральный ресурс характеризуется возможностями влияния средств массовой информации на избирательный процесс. ГТРК «Саратов» занимается освещением выборных кампаний различного уровня, готовит материалы, затрагивающие деятельность партий и отдельных кандидатов, является официальной площадкой предвыборных дебатов на региональном уровне. В этом плане мы убеждены, что ГТРК «Саратов» обладает самым высоким в Саратовской области уровнем электорального ресурса. Исходя из этого, региональная власть нацелена на максимально эффективное применение данного ресурса в своих собственных интересах.

Говоря о финансовом ресурсе, нужно заметить, что СМИ традиционно характеризовались отличным от других политических и государственных институтов положением в системе экономических отношений. Источником финансирования государственных СМИ в России традиционно является бюджет, что, очевидно, не может не сказываться на реализации политической ресурсности⁹. Являясь филиалом государственного СМИ, ГТРК «Саратов» получает финансирование из «центрального офиса» – ВГТРК, а также из средств регионального бюджета и средств, заработанных компанией от продажи рекламы и другой коммерческой деятельности. Особую статью доходов составляют гранты, получаемые на конкурсной основе. Важно отметить, что с момента утверждения данной формы поддержки ГТРК «Саратов» является лидером по размеру получаемых грантов¹⁰.

Административный ресурс очень многоаспектен и затрагивает различные компоненты общественно-политической жизни (кадры, деятельность в интересах власти, финансы, материально-техническая база, особенности служебных отношений). Работа средств массовой инфор-

мации предполагает наличие четкой организационной структуры. Так, многие федеральные СМИ представлены на территории России развитой сетью региональных филиалов, каждый из которых обладает собственной материально-технической базой, финансовыми возможностями и кадровым потенциалом. Это отражается в высоком уровне влияния региональных средств массовой информации на политику конкретного региона. Полагаем, что данные положения полностью применимы и к ГТРК «Саратов», чей административный ресурс можно считать достаточно высоким.

Еще одним механизмом, формирующим политическую ресурсность ГТРК «Саратов», является его высокий кадровый потенциал. Известные журналисты с большим опытом работы и, соответственно, высокое качество подготовляемых материалов также, на наш взгляд, являются индикатором значительной политической ресурсности данного медиа.

Использование различных каналов передачи информации и их многоплановый характер тоже можно считать механизмом формирования политической ресурсности ГТРК «Саратов». В своей работе данное СМИ делает акцент на телевидении, которое включает в себя два телевизионных канала – «Россия 1. Саратов» и «Россия 24. Саратов». Кроме того, функционирует проводное радио, канал в Интернете, ведутся социальные сети. Охват аудитории в социальных сетях достаточно высок: более 12 000 подписчиков в «ВКонтакте», 21 000 в «YouTube», 10 700 в «Instagram», 4500 в «Facebook» и 2500 в «Twitter»¹¹.

Увеличить охват аудитории помогает и работа в разных направлениях создания контента. Кроме новостей, журналистами ГТРК «Саратов» создаются культурно-развлекательный контент и аналитические материалы («Специальный репортаж», «Вести-интервью», «Время от времени», «Маркиза», «Деревенские этюды») ¹².

Являясь государственным средством массовой информации, ГТРК «Саратов», в первую очередь, представляет интересы государства. Вместе с тем немалая доля материалов, выходящих в эфире телеканалов и радио ГТРК «Саратов», продиктована запросом общества и актуальной информационной повесткой региона. В данном контексте могут выходить в эфир социальные, общественные, культурные, развлекательные материалы, программы, затрагивающие политическую сферу. Другая часть транслируемого информационного контента непосредственно связана с обслуживанием официальной информационной повестки органов региональной и муниципальной власти. Однако стоит отметить, что объем официальной повестки и доля материалов «по запросу аудитории» могут дополнять друг друга в новостном потоке.

Анализируя влияние ГТРК «Саратов» на электоральные процессы, следует отметить, что

компания является официальной площадкой предвыборных дебатов на региональном уровне. Кроме того, данное СМИ освещает в своем радио- и телеэфире подготовку и сам ход выборных кампаний различного уровня. Кроме того, освещается деятельность партий и отдельных кандидатов. При этом вполне закономерным представляется то, что особое место в теле- и радиоэфире занимает освещение деятельности партии «Единая Россия» и ее представителей.

Все это вместе дает нам основания утверждать, что среди региональных СМИ ГТРК «Саратов» обладает самым большим электоральным ресурсом. Исходя из этого, региональная власть нацелена на максимально эффективное его использование в своих собственных интересах. Оппозиция также стремится не потерять возможность воздействовать на электорат посредством данных механизмов влияния, однако, на наш взгляд, сталкивается с ограничениями, вызванными спецификой функционирования государственного СМИ.

Ключевым для средств массовой информации мы считаем уровень доверия аудитории. Вместе с тем общественное мнение является составляющим информационного ресурса политической ресурсности СМИ. Оно может рассматриваться в качестве одного из самых репрезентативных индикаторов реализации информационного ресурса в политической сфере. Данное положение позволяет отнести общественное мнение к производным составляющим информационного ресурса политической ресурсности средств массовой информации. Его производный характер продиктован тем, что большая часть СМИ в той или иной степени придерживаются некой генеральной линии, исходящей от представителей власти. Правящая политическая элита заинтересована в создании и постоянном укреплении своей социальной опоры и в поддержке благоприятного информационного фона. При этом в отношении оппозиции через СМИ создается и транслируется (и, на наш взгляд, иногда искусственно гиперболизируется) ее негативный образ.

Результаты социологических опросов говорят о том, что уровень общественного доверия к средствам массовой информации колеблется и не имеет стабильного показателя. Об этом, в частности, свидетельствуют данные, полученные ВЦИОМ¹³. Среди прочего специалисты Центра отмечают изменение позиций средств массовой информации в рейтинге доверия на фоне текущих общественно-политических событий. Кроме этого, обращает на себя внимание тот факт, что среди всех массмедиа телевидение остается основным и наиболее авторитетным источником информации.

Более того, учитывая, что СМИ субъектов Российской Федерации чаще всего затрагивают актуальные проблемы местного характера,

информационный контент региональных медиа оказывается значительно ближе аудитории, чем тот, который существует на федеральном уровне.

В связи с этим можно говорить о том, что в современных условиях сложилась отлаженная система взаимодействия региональных властей и местных медиа. Саратовская область в данном случае не является исключением: взаимодействие региональной власти и ГТРК происходит здесь по давно устоявшимся правилам.

Так, одним из наиболее политически важных показателей, влияющих на политическую ресурсность данного СМИ и его позиционирование относительно органов региональной государственной власти, является получение ГТРК «Саратов» финансовой поддержки в виде грантовых средств из областного бюджета¹⁴.

Кроме того, специфической особенностью политической ресурсности ГТРК «Саратов» в контексте взаимодействия с органами государственной власти можно считать также и то, что директор данного СМИ, Д. П. Петров, является депутатом регионального парламента по списку партии «Единая Россия». На наш взгляд, такое положение оказывает существенное влияние на роль и место возглавляемого им медийного предприятия в политической системе региона, а также на политическую ресурсность данного СМИ.

Таким образом, анализ политической ресурсности региональных средств массовой информации на примере ГТРК «Саратов» показал, что, несмотря на сложность и многоплановость влияющих на это факторов (электоральные процессы, уровень общественного доверия и взаимодействие с органами власти), в целом массмедиа субъектов Российской Федерации обладают весьма существенным политическим потенциалом. При этом в первую очередь это относится к тем из них, что входят в холдинг ВГТРК. Особый характер отношений с региональной властью, а также, как правило, более комфортные (по сравнению с частными и менее зависимыми от власти информационными ресурсами) финансово-экономические условия их существования дают им возможность оказывать ощутимое влияние на региональный политический процесс. Подобное влияние выражается как в формировании собственных информационных повесток дня, так и в обосновании и медийном сопровождении политических повесток, транслируемых властью.

Примечания

¹ См., например: *Брайант Д., Томпсон С.* Основы взаимодействия СМИ. М., 2004; *Бурдые П.* О телевидении и журналистике. М., 2002; *Лассуэлл Г.* Коммуникативный процесс и его структуры: Современные проблемы социальной коммуникации. СПб., 1996; *Лукман Т.* Аспекты теории социальной коммуникации // Социологическое обозрение. 2007. № 3. С. 3–20; *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга. Становление человека печат-

- тающего. М., 2005 ; *Маклюэн М.* Понимание медиа : Внешние расширения человека. М., 2003 ; *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. М., 2006.
- ² См., например: *Грушин Б. А.* Мнение о мире и мир мнений. М., 2011 ; *Уледов А. К.* Общественное мнение советского общества. М., 1963 ; *Гориков М. К.* Общественное мнение. История и современность. М., 1988 ; *Коробейников В. С.* Изучение общественного мнения в развитом социалистическом обществе. М., 1980 ; *Падерин В. К.* Общественное мнение в политической системе советского общества. М., 1988 ; *Сафаров Р. А.* Общественное мнение в системе советской демократии. М., 1982 ; *Житенев В. Б.* Общественное мнение в социальном управлении. Новосибирск, 1987.
- ³ См., например: *Березин Б. М.* Сущность и реальность массовой коммуникации. М., 2002 ; *Грачев М. Н.* Политическая коммуникация : теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004 ; *Дьякова Е. Г.* Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня : от эффекта к процессу // *Полис*. 2003. № 3. С. 144–168 ; *Засурский Я. Н.* Система СМИ России. М., 2001 ; *Науменко Т. В.* Социология массовой коммуникации. М., 2005 ; *Почепцов Г. Г.* Теория и практика коммуникации. М., 2000 ; *Почепцов Г. Г.* Информационно-политические технологии. М., 2003 ; *Прохоров Е. П.* Журналистика и демократия. М., 2001 ; *Политические коммуникации / под ред. А. И. Соловьева*. М., 2004 ; *Федотова Л. Н.* Массовая информация : стратегия производства и тактика потребления. М., 1996.
- ⁴ См.: *Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В.* Политическая функциональность современных российских СМИ. Саратов, 2011 ; *Прозоров В. В.* Власть и свобода журналистики. 2-е изд., перераб. М., 2012 ; *Россошанский А. В.* Политическая функциональность масс-медиа в социокультурном контексте современной России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 104–107 ; *Современный политический дискурс и СМИ : Власть и общество : учеб. пособие / под ред. Т. В. Харламовой*. Саратов, 2009.
- ⁵ *Бурковский И. В.* Ресурсы политической власти : теоретико-методологические аспекты проблемы // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2008. № 2 (7). С. 62.
- ⁶ См.: *Розенберг Н. В., Карпова М. К.* Информационно-коммуникативное пространство региона // *Наука. Общество. Государство*. 2014. № 3 (7). С. 173–182 ; *Каминская Т. Л.* Региональное медиаполе региона : векторы развития // *Вестн. НовГУ*. 2013. № 73. Т. 1. С. 20–23.
- ⁷ См.: *Источники новостей и доверие СМИ // Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) : [сайт]*. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (дата обращения: 12.01.2020).
- ⁸ См.: *Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Саратов» : [сайт]*. URL: <https://gtrk-saratov.ru> (дата обращения: 12.01.2020).
- ⁹ См.: *Бурковский И. В.* Указ. соч. С. 62.
- ¹⁰ См.: *Министерство информации и печати Саратовской области : [сайт]*. URL: <https://saratov.gov.ru/gov/auth/mininf/> (дата обращения: 12.01.2020).
- ¹¹ См.: *Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Саратов» : [сайт]*.
- ¹² Там же.
- ¹³ См.: *Деятельность общественных институтов // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : [сайт]*. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (дата обращения: 12.01.2020).
- ¹⁴ См.: *Министерство информации и печати Саратовской области : [сайт]*. URL: <https://saratov.gov.ru/gov/auth/mininf/konkurs-oblduma/> (дата обращения: 12.01.2020)

Образец для цитирования:

Казаков А. А., Карев А. С. Политическая ресурсность региональных СМИ в современной России (на примере ГТРК «Саратов») // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 91–95. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-91-95>

Cite this article as:

Kazakov A. A., Karev A. S. Political Resource Potential of Regional Mass Media in Modern Russia (Exemplified by State Tele- and Radio Company “Saratov”). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 91–95 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-91-95>

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 323.84;323.85;323.82;323.22

Борьба с терроризмом «снизу-вверх»: предпосылки терроризма и роль негосударственных акторов в их устранении

Ф. Б. Вайсов

Вайсов Фирдавс Бахтиёрович, аспирант кафедры мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, firdavays1@gmail.com

В статье рассматривается процесс формирования у тех или иных индивидов морали, оправдывающей терроризм. Анализируются условия, способствующие развитию терроризма как метода реакции субъекта в среде. Наконец, автор рассматривает «стратегию инклюзивного противодействия терроризму снизу-вверх», которая предполагает маргинализацию терроризма среди местного населения путем взаимодействия с наиболее угнетенными группами. Оценивается роль негосударственных акторов, в частности НПО, в реализации «стратегии противодействия терроризму снизу-вверх».

Ключевые слова: терроризм, радикализация, борьба с терроризмом, лестница терроризма, НПО, негосударственные акторы, предпосылки терроризма.

“Bottom-Up” Counterterrorism: Prerequisites for Terrorism and the Role of Non-State Actors in Their Elimination

F. B. Vaysov

Firdavs B. Vaysov, <https://orcid.org/0000-0002-4749-1500>, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow 119454, Russia, firdavays1@gmail.com

The article deals with the process of formation of morality that justifies terrorism. The author analyzes the conditions which lead to the employment of terrorism as a method of reaction by an agent in an environment. Finally, the author considers the “bottom-up strategy of inclusive counterterrorism”, which implies the marginalization of terrorism among the local population through interaction with the most oppressed groups. The role of non-state actors, in particular NGOs, in the implementation of the “bottom-up strategy of countering terrorism” is assessed.

Keywords: terrorism, radicalization, counterterrorism, ladder of terrorism, NGO, non-state actors, preconditions of terrorism.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-96-103>

Исторически правительства воспринимали терроризм как преступление, представляющее экзистенциальную угрозу режиму, либо государству, либо существующему порядку. Соответственно, правительства боролись с этим преступлением с помощью правоохранительных органов, армии, спецслужб либо комбинации всех силовых структур. Другими словами, государства применяли

против террористов исключительно меры репрессивного характера. Хотя силовые методы могут быть частью решения проблемы, с их помощью невозможно остановить терроризм. Силовая стратегия направлена на борьбу с теми индивидами, которые достигли последней стадии на пути к терроризму, тогда как целая масса недовольных и еще не решившихся подняться на первую ступеньку ожидают, чтобы занять места первых.

На решение индивидов обратиться к террористическому методу изменения статус-кво влияют конкретные условия в их социальной жизни, генерирующие несогласие. Выработка успешной антитеррористической стратегии требует внимательного изучения условий, которые являются триггерами терроризма. В противном случае мы будем уничтожать лишь отдельных террористов, но не терроризм. Израильская армия может ликвидировать отдельных бойцов группировки ХАМАС, но возможно ли уничтожение десятков тысяч палестинцев в секторе Газа, которые открыто поддерживают эту организацию?

В настоящей статье автор проводит анализ условий, способствующих развитию терроризма. Рассматривается процесс радикализации, который начинается от выражения симпатии к террористическим группам и заканчивается непосредственным участием индивида в деятельности этих групп. В конце предпринимается попытка определить стратегию инклюзивного противодействия терроризму.

Лестница терроризма

Профессор психологии из Джорджтаунского университета Фатали Мохаддам отмечает: терроризм – это состояние морали, которая, в силу определенных условий, оправдывает применение террористического насилия. Чтобы понять, почему индивид прибегает к терроризму, нужно обратить внимание на конкретные условия в его социальной жизни, повлиявшие на такое решение. Именно сила *контекста* является детерминирующим фактором в решении того или иного индивида поддерживать либо принять непосредственное участие в террористическом деле. Поэтому более эффективный путь к искоренению терроризма – это изменение *условий*, дающих рост формированию морали, оправдывающей терроризм¹.

Однако от обнаружения несогласия до совершения террористического акта индивид проходит через определенный процесс радикализации, который Мохаддам называет «лестницей терроризма». По его мнению, подъем по такой «лестнице» начинается с возникновения почвы для неудовлетворенности и заканчивается совершением теракта (рис. 1). На базовой ступеньке этой «лестницы» потенциальный террорист ничем не отличается от нас. По мере подъема вверх меняется настроение индивида. При этом он может не дойти до последней ступеньки; останется ли он на какой-либо ступеньке, зависит от дверей и пространств, которые откроются ему на том или ином уровне. Ф. М. Мохаддам убежден, что если в процессе движения вверх по «лестнице» индивиды будут обнаруживать для себя все меньше и меньше возможностей, у них не остается иного выбора, кроме уничтожения или разрушения других вместе с собой². Этот подход в более симплифицированном варианте встречается и у других исследователей³.

«Лестница терроризма» является единой для всех, вне зависимости от культуры, религии, этнической принадлежности и других факторов. Она универсальна в том, что касается источника терроризма, а именно – условий жизни людей на начальных ступеньках. Однако есть ряд отличительных особенностей для разных культур. Одной из них является расстояние между ступеньками в «лестнице терроризма», которое измеряется количеством времени, необходимым для перехода индивида с одного уровня на другой. Данный промежуток разнится в зависимости от условий в том или ином обществе. Например, условия в Ираке после вторжения сил НАТО в 2003 г. были таковыми, что движение с первого

на второй, третий, четвертый и другие ступеньки значительно ускорилось.

Чтобы понять людей,двигающихся вверх по «лестнице терроризма», необходимо осмыслить условия на **базовом** уровне, которые характеризуются возрастающей фрустрацией и недовольством среди сотен миллионов людей.

Осмысление условий развития терроризма

Когда мы говорим об условиях зарождения и распространения терроризма, перед нами открывается огромный пласт факторов. В академической литературе в качестве таких факторов упоминаются как социально-экономические (бедность), так и культурные (развитие религиозного фундаментализма) и политические (сепаратизм, территориальные конфликты и смена власти)⁴. Однако полевые исследования ряда экспертов выявили, что в понимании условий зарождения терроризма важнейшими являются нематериальные аспекты: чувство лишения, униженности⁵. Нематериальные аспекты развития терроризма часто остаются за рамками внимания государств в их стремлении искоренить терроризм.

Неудовлетворенность своей идентичностью. Согласно Ф. Мохаддаму, наиболее важным аспектом в социальных условиях является то, как люди отвечают на вопросы, которые касаются их идентичности, как *на личном*, так и на *коллективном* уровне. Для любого человека важное значение имеют ответы на вопросы: «Каким типом личности я являюсь? Ценят ли меня? Прислушиваются ли к моему мнению?» на личном уровне и «К какой группе я принадлежу? Ценят ли мою группу? Прислушиваются ли к мнению моей группы?» на коллективном

Рис. 1. «Лестница терроризма»

уровне⁶. На базовом уровне «лестницы терроризма» находятся все люди, как обычные, так и потенциальные террористы. Именно здесь у них формируются осознание себя и своей группы, личная и коллективная идентичность, а также представление о том, как их воспринимают другие. То, как люди воспринимают себя на базовом уровне, влияет на их дальнейшее поведение.

Наиболее важным элементом на базовом этапе является психологическое состояние людей вне зависимости от их материального благосостояния: то, как они **субъективно** (сами) воспринимают, интерпретируют и оценивают собственный индивидуальный и коллективный статус и жизненную среду. Осам бен Ладен и его соратники, которые спланировали и осуществили теракты 11 сентября 2001 г., были богатыми людьми по происхождению и более образованными, чем многие их земляки. Однако в своих действиях они ссылались на унижение и маргинализацию «исламского мира» как их коллективной категории⁷. Среди палестинцев традиционно больший интерес к сопротивлению Израилю и поддержке ХАМАС проявляют молодые люди с относительно высоким образованием, хорошо оплачиваемой работой и достаточно благоприятными жизненными условиями. Члены Ирландской Республиканской Армии (ИРА) всегда отличались в большей степени пронизательностью и коварством, нежели необразованностью и хулиганством⁸. Серхан Факих по прозвищу Тунисец, идеолог и духовный вдохновитель исполнителей теракта в Мадриде в 2004 г., был аспирантом, приехавшим в Испанию по программе обмена, а главный исполнитель мадридского замысла Джамаль Ахмидан по кличке Эль-чино был достаточно богатым наркодилером⁹. Ф. М. Мохаддам объясняет это тем, что, по сравнению с объективными условиями жизни, терроризм получает более понятное объяснение при анализе субъективного восприятия индивидами их депривации, их субъективной интерпретации несправедливости. Другими словами, важно не то, как человек живет, а то, как он сам воспринимает условия своей жизни и свой социальный статус.

Относительная депривация. Важное значение в объяснении терроризма имеют чувства и переживания индивидов по поводу их жизненных условий *в сравнении с другими*. В этом смысле материальные условия жизни имеют второстепенное значение. Между субъективным восприятием своего места и объективными условиями существует разрыв, который увеличивается в сравнении. Группа А может иметь хорошие условия жизни, если ее члены будут работать по 8 часов в день, при этом они будут переживать неудовлетворенность (недовольство) в сравнении с группой Б, члены которой живут лучше, работая по 3 часа в день. В данном случае изменение материальных условий не обязательно

приводит к снижению чувства неудовлетворенности.

Исламские общества в странах Ближнего Востока сегодня больше всех испытывают проблему относительной депривации. Фактически относительная депривация лежала в основе «арабской весны». Молодые арабы видели, как в прогрессивных странах их сверстники учреждают партии, выражают свои мнения, создают бизнес, пользуются плодами высоких технологий, их собственность находится под защитой, их дети учатся в хороших школах, жизнь индивида имеет ценность, в то время как в странах арабского мира нет платформы для оппозиции, власти коррумпированы, экономика и хозяйство носят клиенталистский характер (функционирующие на основе связей между патроном и его опекаемым клиентом), жизнь человека не ценится.

Чувство относительной депривации еще больше обостряется в условиях, когда СМИ позволяют маргинализированным видеть картину привилегированных во всей красе. Аль-Джазира, CNN, Euronews, RT и другие новостные каналы транслируют, как мир скорбит по 22 жертвам теракта в Манчестере (23 мая 2017 г. на стадионе «Манчестер-арена» прогремел мощный, в результате которого погибли 22 человека, еще 59 были госпитализированы), тогда как никто не обращает внимание на десятки тысяч погибших детей в Сирии, Ираке, Афганистане, Палестине. На экранах телевизоров они ежедневно видят свою *индивидуальную и коллективную ничтожность* по сравнению с другими. Как отмечает известный философ Ж. Бодрийяр, в условиях относительной депривации и преобладания гегемонии одних у маргинализированных групп возникает желание уничтожить гегемона путем уничтожения себя¹⁰.

Ограничение механизмов легитимной политической активности. Многие эксперты утверждают, что существенным фактором, способствующим росту экстремизма (и радикализма), является отсутствие механизмов легитимного изменения статуса-кво¹¹. В большинстве обществ в странах исламского мира, откуда исходит основная масса террористической угрозы, оппозиционные политические партии находятся в подполье, а их лидеры пребывают либо в заключении, либо в изгнании. СМИ практически полностью контролируются правительством. Компьютерные технологии дают оппозиционным силам определенные возможности, однако доступ к Интернету имеет лишь незначительная доля из огромной массы. В ситуации, когда высказывать недовольство на улице становится невозможно, единственным местом сбора недовольных становится мечеть, где правительство не имеет большого влияния.

Справедливости ради надо сказать, что связь между свободой и уровнем террористической угрозы в обществе достаточно амбивалентна. Ряд авторов даже считают, что демократия, наоборот,

может способствовать развитию экстремизма, поскольку она ставит под угрозу исламские ценности¹². Тем не менее, практика показывает, что ограничение механизмов легитимной политической активности приводит к тому, что недовольные оппозиционные партии уходят в подполье и затем, в силу определенных обстоятельств, из них вырастают радикальные военные группировки. Наглядным примером является история возникновения террористической организации «Аль-Каида». В 1928 г. египетским исламским богословом Хасаном аль-Банна было основано движение, которое стали называть «Братья-мусульмане». Путем проведения разного рода благотворительных и образовательных акций братство превратилось в большую оппозиционную политическую партию. Изначально, братство выступало против политической и социальной несправедливости и британского правления, одновременно продвигая исламскую повестку ваххабитского и суфийского толка. Позднее членов братства начали преследовать. В 1966 г. был казнен один из самых влиятельных его лидеров и идеологов – Саид Кутб, а его последователи были арестованы. Казнь Саида Кутба стала переломным моментом в истории «Братьев-мусульман». Его наиболее яростные последователи, такие как Айман аз-Завахири, начали обращаться к более радикальным методам борьбы. В то время как Саид Кутб ставил целью восстановление целостности мусульманского мира путем реализации легитимной политической программы, более поздние последователи яростно отрицали готовность идти на компромисс с властями. Так, наиболее радикальные последователи «Братьев мусульман» откололись от организации и основали отдельные военизированные группировки: «Ат-Такфир Валь Хиджра» («Обвинение в неверии и уход», основанная Шукри Мустафой в 1971 г.), «Аль-Гамаа аль Исламия» («Исламская группа», основанная в 1970 г. и приступившая к силовой борьбе в 1978 г.), «Аль-Джихад» (созданная в 1980 г. и возглавляемый близким другом Усамы бен Ладена Айманом аз-Завахири). Наконец, во время войны в Афганистане в 1980-е гг. аз-Завахири и бен Ладен нашли общий язык, в результате чего на свет появилась террористическая организация «Аль-Каида»¹³.

Еще одним примером роста террористического насилия в связи с ограничением возможностей легитимной политической активности является резкий рост террористической угрозы в Турции после 2011 г., когда правящая Партия справедливости и развития (ПСР) во главе с его лидером Р. Т. Эрдоганом приступила к наступательному вытеснению политических конкурентов, включая этнических меньшинств в турецкой власти. Придя к власти в 2003 г., партия Эрдогана провела ряд важных позитивных реформ, включая защиту прав этнических меньшинств, реформу судебной системы, экономики и другие, благодаря которым значительно увеличивался ВВП страны. Эти ре-

формы обеспечили ПСР высокую популярность, в результате чего она победила на выборах 2007 и 2011 гг. Все изменилось после парламентских выборов в 2011 г., когда партия Эрдогана перешла от стратегии реформ к стратегии доминирования на политическом ландшафте Турции. Эрдоган стремился установить суперпрезидентскую систему, в которой у него были бы широкие полномочия по перестройке системы. С этого времени начались массовые репрессии против диссидентов, аресты журналистов, академиков, вытеснение институтов гражданского общества. Как результат, после 2011 г. в Турции резко возрастает количество терактов, организованных нерелигиозными военизированными группами (Курдская рабочая партия и др.) (рис. 2¹⁴).

Противодействие терроризму «снизу-вверх»

Прежде чем начать анализ противодействия терроризму, необходимо признать непростой, но очень важный факт – полное искоренение терроризма представляется практически невозможным. Терроризм – один из самых старых видов человеческого поведения в условиях войны между неравными сторонами, который практикуется со времен появления первых цивилизаций. Однако терроризм можно вытеснить путем его маргинализации в двух измерениях: в тактическом (маргинализация терроризма как метода изменения статуса-кво) и в идеологическом (маргинализация террористических организаций/групп/движений и их влияния среди местного населения).

Как было отмечено выше, определяющим фактором в решении того или иного индивида поддерживать либо принять непосредственное участие в террористическом деле является сила *контекста*. Конкретные условия на базовом уровне стимулируют людей вступить на первый уровень «лестницы терроризма» (см. рис. 1). Поэтому более эффективный путь к маргинализации терроризма в тактическом плане – это изменение *условий* социальной жизни людей, которые способствуют росту формирования морали, оправдывающей терроризм¹⁵. Другими словами, необходимо устранить факторы в условиях жизни людей на базовом уровне, которые делают терроризм привлекательным методом достижения целей. Такой подход предполагает переход от «реактивной» к «превентивной» стратегии противодействия терроризму, в которой упор делается на предотвращение, нежели уничтожение терроризма.

Маргинализация терроризма в политико-идеологическом измерении предполагает лишение террористических организаций любого рода поддержки уязвимого населения. Американским исследователем Луизой Ричардсон был предложен термин «соучастное окружение» (*complicit surround*) для обозначения сообществ, в которых террористические организации получают поддержку. Согласно Ричардсон, террористические

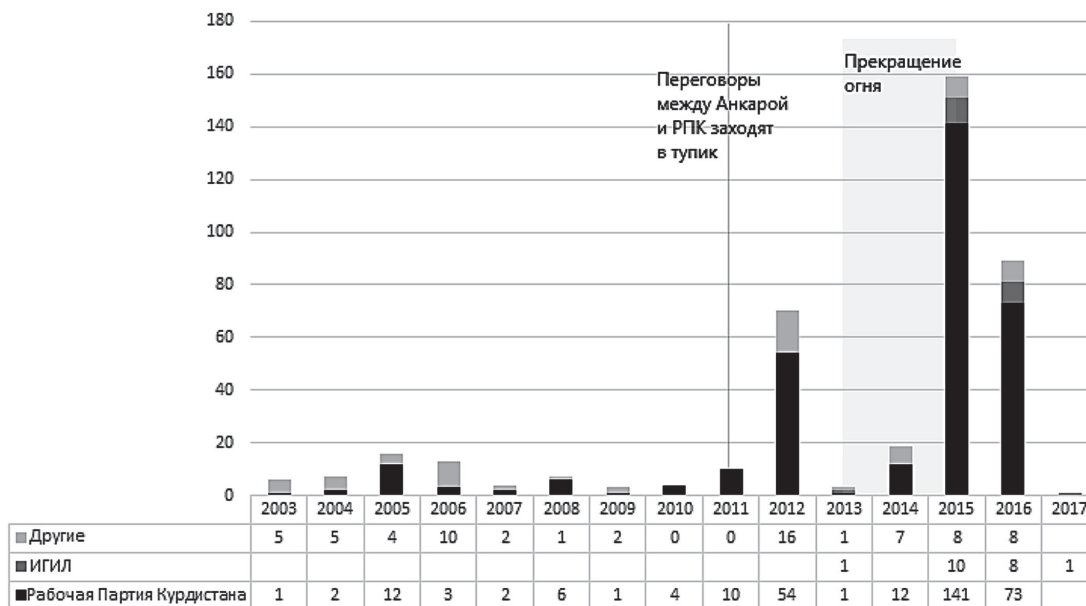

Рис. 2. Количество террористических актов в Турции за 2003–2017 гг.

группы являются политическими субъектами, зависящими от солидарной поддержки, по крайней мере, части населения, и, как любой другой политический субъект, им приходится уделять пристальное внимание взглядам своих сторонников¹⁶.

Существует много исторических примеров, свидетельствующих о том, как поддержка местного населения служила залогом успешной деятельности террористических организаций, а ее потеря становилась причиной их гибели. До конца 2000-х гг. в Юго-Восточной Азии была распространена влиятельная террористическая сеть «Джемаа Исламия» со штаб-квартирой в Индонезии. В течение первой половины нулевых годов данная группировка осуществила ряд громких терактов, наиболее фатальными из которых были взрывы «Бали 1» (2002 г.), «Отель Мариотт в Джакарте» (2003 г.), «Бали 2» (2005 г.). Однако к концу 2000-х от этой организации остались лишь несколько человек, а ее соучредитель и духовный вдохновитель Абу Башир вместе с несколькими своими последователями после выхода на свободу открыли бизнес, безрезультатно пытаясь завоевать сердца молодого поколения через магазины, которые торговали книгами и футболками с надписями «Гиганты джихада», «Ждем падения Израиля» и «Звезды Талибана»¹⁷. По мнению антрополога Скотта Атрана, который проводил серию бесед с членами «Джемаа Исламия» и со многими ее лидерами, одной из ключевых причин маргинализации ДИ было резкое падение ее популярности среди местного населения после терактов на Бали, в результате которых погибло большое количество невинных местных жителей, включая и самих мусульман¹⁸.

Противоположными примерами являются такие организации, как ХАМАС, «Хезболла»,

«Тигры освобождения Тамил-Илама», ИРА (первые две не признаются террористическими организациями во многих странах, включая Россию). В своих обществах эти организации славятся тем, что помогают бедным, обеспечивают безопасность местному населению, заботятся о семьях погибших, вкладывают средства в систему здравоохранения, образования и т. д. Ирландская Республиканская Армия в свое время осуществляла поддержку местных католических семей. Организация «Тигры освобождения Тамил-Илама» принимала активное участие в процессе воспитания, сохранения здоровья и организации социальных сервисов для местного населения. «Хезболла» в Ливане, помимо активного участия в обеспечении безопасности и социальной защиты местного населения, еще и является политической партией, участвующей в выборах. В частности, она оказалась очень эффективной структурой в создании местных школ для детей бедных и обездоленных¹⁹. Строго говоря, ключевую роль в успешной деятельности этих организаций играет поддержка местного населения.

Таким образом, в контексте политико-идеологической маргинализации терроризма важнейшим компонентом антитеррористической стратегии становится работа с сообществами и общинами, в которых террористические организации черпают энергию. В западной литературе противодействие терроризму через сообщества нашло широкое отражение под названием Community-led Counter-terrorism и Community-based Counterterrorism²⁰. Это крайне сложная и кропотливая работа, однако существуют успешные примеры вытеснения террористов с помощью местного населения. Одним из них является стратегия «Новое оперативное руководство по

борьбе с повстанцами» (НОРБП), разработанная и реализованная командующим Многонациональными силами в Ираке генералом Дэвидом Петреусом совместно с генерал-лейтенантом морской пехоты США Джеймсом Мэттисом в 2007 г. в борьбе против «Аль-Каиды Ирака».

В 2006 г. столица иракской провинции Аль-Анбар город Эр-Рамади был полностью под контролем «Аль-Каиды Ирака» (АКИ), возглавляемой известным своими экстраординарными зверствами Аз-Заркави. Местные власти де-факто служили АКИ, которая подкупала местных чиновников и спецслужбы на деньги от контрабанды нефти. Месяцами не получая зарплаты, местные жители поддерживали существование на взятках от террористов. Все были довольны до тех пор, пока насаждаемые АКИ средневековые законы не вызвали возмущение местного населения. Уставшие от постоянных похищений и изнасилований женщин и убийств, старейшины племен постепенно начали организовывать сопротивление против АКИ: семьи убитых и жаждущие мести проводили ночные акции самосуда²¹. В результате, зародилось гражданское сопротивление «Тувар аль-Анбар» («Повстанцы Аль-Анбара»)²², которое впоследствии стало известным как «Ас-Сахва» («Пробуждение»).

Рост всенародного сопротивления «Аль-Каиде Ирака» в провинции Аль-Анбар совпал с усилением американского военного присутствия в Ираке в 2007 г. По инициативе командующего Многонациональными силами в Ираке генерала Дэвида Петреуса была разработана новая стратегия войны с террористическими группировками в Ираке. Петреус в соавторстве с генерал-лейтенантом морской пехоты Джеймсом Мэттисом разработали НОРБП, которое представляло собой инструкцию по противодействию боевикам путем «переориентации местной общины» и «установления с ней кооперации против боевиков»²³. Суннитские племена не нужно было убеждать в кооперации против АКИ – они и так уже оказывали серьезное противостояние террористам.

Впоследствии движение «Ас-Сахва», взаимодействуя с американцами, достигло таких успехов, что АКИ принялась вступать с ними в переговоры. Движение превратилось в составную часть стратегии Петреуса как «Совет пробуждения», а позже получило название «Сыны Ирака». Согласно данным военной разведки, через определенное время АКИ потерпело серьезное поражение в Ираке: подрывы смертников, снайперские обстрелы и взрывы мин стали случаться реже. Подавляющее большинство из терактов происходили лишь в 4 провинциях из 18, тогда как больше половины населения Ирака проживало в оставшихся 12 провинциях (на них приходилось всего 6% терактов)²⁴. К 2009 г. АКИ значительно ослабла и продолжала терять позиции.

К сожалению, успехам новой стратегии Петреуса был положен конец, как только амери-

канцы поставили во главе Ирака представителя шиитской общины Нури аль-Малики, который постепенно начал вытеснять суннитов из власти. После того как АКИ была разбита, аль-Малики более не нуждался в движении «Пробуждение», которое состояло преимущественно из суннитов. Десятки тысяч добровольцев, воевавших против террористов АКИ, были брошены на произвол судьбы. Новое иракское правительство перестало платить им зарплаты, пренебрегало их безопасностью, а многие из бывших членов сопротивления были арестованы и отправлены в темницы. Оказавшись брошенными и оставшись без защиты, многие из «Сынов Ирака» стали жертвами бойцов «Исламского государства Ирака» – новой террористической организации, появившейся на развалинах АКИ. Впоследствии лидеры ИГИЛ предприняли все меры для того, чтобы предотвратить повторение сопротивления по примеру «Сынов Ирака»: помимо жестоких расправ над бывшими членами сопротивления, руководители ИГИЛ жестко дискредитировали движение «Пробуждение» в своих пропагандистских материалах. В октябре 2014 г. в Эр-Рамади было обнаружено массовое захоронение (150 человек), где лежали тела членов племени АлбуНимр, сражавшихся против боевиков группировки «Исламское государство» (запрещенная в России террористическая организация)²⁵.

Надо отметить, что общинно ориентированный контртерроризм (Community-based counterterrorism) является непростой стратегией, в реализации которой государственные акторы сталкиваются с рядом труднопреодолимых ограничений. В этих условиях ключевую роль в реализации антитеррористической деятельности могут сыграть негосударственные акторы, в частности – международные неправительственные и некоммерческие организации (НПО, НКО, МНПО, МНКО)²⁶.

Во-первых, участие НПО обеспечивает «доверие», которое является фундаментальным компонентом в организации успешного сотрудничества с общинами в целях предотвращения терроризма. В обществах, где процветает терроризм, государственные акторы, как правило, не пользуются доверием среди маргинализированных групп. Часто инициативы со стороны государственных акторов воспринимаются местными жителями как попытки сбора разведанных²⁷. Кроме того, любые иностранные государственные акторы воспринимаются как захватчики и оккупанты. НПО, в отличие от государственных акторов, воспринимаются более позитивно. Выполняя в основном задачи гуманитарного характера и не преследуя политических интересов, НПО и НКО пользуются доверием среди населения в нестабильных обществах. В этих условиях НПО могут служить успешным каналом для кооперации с местными сообществами.

Во-вторых, участие НПО решает проблему легитимности диалога в противодействии тер-

роризму. Диалог является неотъемлемым компонентом, без которого общинно ориентированный контртерроризм невозможен в принципе. Чтобы лишить террористов их социальной поддержки, необходимо вступить в активный диалог с населением, которое их поддерживает. Кроме того, диалог важен для децентрализации террористических организаций изнутри, путем вытеснения наиболее агрессивно настроенных групп с помощью поддержки более умеренного крыла. Однако государства не ведут переговоров ни с террористами, ни с теми, кто их поддерживает. Надо отметить, что сложность диалога – проблема обеих сторон. Нередко сотрудничество или любое взаимодействие с государственными органами для мирных граждан кончается расправами со стороны террористов. Такие расправы очень часто практиковались террористами ИГИЛ в отношении иракских езидов: в Ираке было обнаружено более 200 массовых захоронений, содержащих до 12 000 трупов езидов²⁸. НПО могут выступить эффективным актором в борьбе за умы населения в целях их привлечения на сторону ненасильственных средств изменения статуса-кво и лишения террористов их главной силы и средства существования. Также НПО могут служить каналом коммуникации с более умеренными блоками военизированных группировок в целях вытеснения наиболее агрессивно настроенных и бескомпромиссных.

Наконец, привлечение НПО к противодействию терроризму решает проблему нарушения принципа невмешательства. Государственным акторам сложно взаимодействовать с обществами в других государствах, так как они ограничены принципом невмешательства. НПО представляют собой нейтральную сторону, не имеющую политических интересов в нестабильных обществах. Многие могут возразить, указывая на влияние отдельных государств на деятельность международных НПО через финансирование их миссий. Такие утверждения в лучшем случае имеют посредственную доказательную базу. Кроме того, есть многочисленные примеры успешного посредничества НПО в разрешении конфликтов в зонах, страдающих от политической нестабильности²⁹.

Таким образом, стратегия Петреуса является наглядным примером того, что нужно делать и чего нельзя допустить в борьбе против терроризма. Нередко голоса умеренных сил среди сторон конфликтов маргинализируются и вытесняются нарративами воинствующих групп, которые применяют террористическое насилие от имени всего общества. В этой ситуации необходимо найти ненасильственные и инклюзивные методы решения проблемы политического насилия именно в голосах маргинализованных и вытесненных групп. Изначально «Аль-Каида Ирака» позиционировала себя как «авангард иракского народного сопротивления» и как «хранительница разрушающегося духовного наследия суннитов»³⁰. Однако

излишним экстремизмом «Аль-Каида» настроила местное население против себя. Петреус выявил угнетенные и ущемленные группы и направил их против АКИ. Кроме того, работа с общинами и с их проблемами дает местным жителям ощущение того, что их ценят. Это умиряет распространенные в этих сообществах враждебные настроения и фрустрацию, которые являются триггерами морали, оправдывающей терроризм.

Подведем итоги сказанному. Определенные условия на базовом уровне – неудовлетворенность и фрустрация по поводу своего статуса и статуса своей группы, относительная депривация и отсутствие механизмов легитимного изменения статуса-кво – стимулируют людей подниматься вверх по «лестнице терроризма». На субъективное восприятие и оценку людей их жизненных условий сильное влияние оказывает информационная среда, в которой они живут. Например, хотя большинство людей лично на себе не испытывают насилия, они ежедневно слышат, читают и смотрят бесконечные новостные сообщения о погибших детях, стариках и женщинах в Ираке, Афганистане, Сирии и т. д. Так их негативные настроения в отношении объекта замещения агрессии обостряются. Аргумент о том, «как страдают мусульмане по всему миру из-за действий стран Запада», приводит каждый без исключения мусульманин, примкнувший к джихаду или морально поддерживающий джихад. Однако, как отмечает Ф. М. Мохаддам, помимо официальных новостей международные СМИ несут еще одно более тонкое и очень мощное послание – образы людей, которые живут намного лучше, людей со здоровой, непротиворечивой идентичностью и удовлетворяющим коллективным и личным статусом³¹.

Исходя из этого, более эффективным методом борьбы с терроризмом является противодействие *снизу-вверх* путем двойной маргинализации терроризма. Данная стратегия предполагает кооперацию с общинами с целью изменения условий в их социальной жизни, которые способствуют формированию терроризма как метода изменения статуса-кво и популяризации террористических организаций среди маргинализованных и уязвимых групп. До тех пор, пока мы не обратимся к социальной базе терроризма, ликвидация одних террористов не верхнем уровне «лестницы терроризма» будет лишь освобождать место для других индивидов, которые должны будут его занять.

Примечания

- 1 См.: Мохаддам Ф. М. Терроризм с точки зрения террористов : что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / пер. В. А. Соснина. М. : Форум, 2011. С. 33.
- 2 Там же. С. 35.
- 3 См.: Джаббару Насир Х., Бахриев Б. Х. Антитеррористический подход Ирана на современном этапе : «жесткие»

- и «мягкие» элементы // Вестн. РУДН. Сер. Международные отношения. 2018. Т. 18, № 4. С. 823–836.
- ⁴ См.: *Newman E.* Exploring the “Root Causes” of Terrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2006. Vol. 9, № 8. P. 749–772 ; *Massey Douglas S.* The Age of Extremes : Concentrated Affluence and Poverty in the Twenty-First Century // *Demography*. 1996. Vol. 33, № 4. P. 395–412 ; *Rabasa A. M.* Political Islam in Southeast Asia : Moderates, Radicals and Terrorists. L. : Oxford University Press, 2003.
- ⁵ См.: *Nasra H.* An arsenal of believers // *The New Yorker*, 19 November 2001. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2001/11/19/an-arsenal-of-believers> (дата обращения: 18.05.2019).
- ⁶ См.: *Мохаддам Ф. М.* Указ. соч. С. 41.
- ⁷ См.: *Rajae F.* The Challenges of the Rage of Empowered Dispossessed : The Case of the Muslim World // *Responding to Terrorism : What Role for the United Nations?* N. Y. : International Peace Academy, 2003. P. 268–289.
- ⁸ См.: *Coogan T. P.* The IRA. N. Y. : Palgrave, 2002.
- ⁹ См.: *Атран С.* Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком / пер. с англ. Н. Подуновой. М. : Карьера пресс, 2016. С. 230.
- ¹⁰ См.: *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было : сб. / пер. с фр. А. Качалова. М. : Рипол-Классик, 2016.
- ¹¹ См.: *Magen A.* Fighting Terrorism : The Democracy Advantage // *Journal of Democracy*. January 2018. Vol. 29, № 1. P. 111–125.
- ¹² См.: *Freeman M.* Democracy, Al Qaeda, and the Causes of Terrorism : A Strategic Analysis of U.S. Policy // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2008. Vol. 31, № 1. P. 40–59.
- ¹³ См.: *Атран С.* Указ. соч. С. 124.
- ¹⁴ Global Terrorism Database (GTD). University of Maryland. URL: https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?chart=overtime&casualties_type=&casualties_max=&country=209 ; “These three charts will help you understand Turkey’s recent terrorist attacks”. *Conflict and Justice // Public Radio International – January 3, 2017.* URL: <https://www.pri.org/stories/2016-06-30/these-three-charts-will-help-you-understand-turkeys-recent-terrorist-attacks> (дата обращения: 20.05.2019).
- ¹⁵ См.: *Мохаддам Ф. М.* Указ. соч. С. 33.
- ¹⁶ См.: *Richardson L.* What Terrorists Want : Understanding the Enemy, Containing the Threat. N. Y. : Random House, 2007. P. 125.
- ¹⁷ См.: *Атран С.* Указ. соч. С. 184.
- ¹⁸ Там же. С. 190.
- ¹⁹ См.: *Tavernise S.* Charity Wins Deep Loyalty for Hezbollah // *The New York Times – 2006.* URL: <http://www.nytimes.com/2006/08/06/world/middleeast/06tyre.html> (дата обращения: 20.05.2019).
- ²⁰ О предотвращении терроризма путем работы на уровне общин см.: *Tufyal Choudhury.* Campaigning on Campus : Student Islamic Societies and Counterterrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2017. Vol. 40, iss. 12. P. 1004–1022. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1253986 ; *Silverman T.* U. K. Foreign Fighters to Syria and Iraq : The Need for a Real Community Engagement Approach // *Ibid.* P. 1091–1107. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1253991 ; *Lambert R., Parsons T.* Community-Based Counterterrorism Policing : Recommendations for Practitioners // *Ibid.* P. 1054–1071. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1253989 ; *Cherney A., Murphy K.* Police and Community Cooperation in Counterterrorism : Evidence and Insights from Australia // *Ibid.* P. 1023–1037. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1253987 ; *Spalek B., Weeks D.* The Role of Communities in Counterterrorism : Analyzing Policy and Exploring Psychotherapeutic Approaches within Community Settings // *Ibid.* P. 991–1003. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1253985
- ²¹ См.: *Benraad M.* Iraq’s Tribal Sahwa : Its Rise and Fall // *Middle East Policy Council*. Spring 2011. Vol. 18, № 1. URL: <http://www.mepc.org/iraqs-tribal-sahwa-its-rise-and-fall> (дата обращения: 21.05.2019).
- ²² См.: *Вайс М., Хасан Х.* Исламское государство : Армия террора : пер. с англ. М. : Альпина-нон-фикшн, 2016. С. 99.
- ²³ *Burke J.* The 9/11 Wars. N. Y. : Penguin, 2012. P. 216.
- ²⁴ См.: *Вайс М., Хасан Х.* Указ. соч. С. 104.
- ²⁵ См.: Массовое захоронение людей, казненных ИГ, найдено в Ираке // ИФ «РИА Новости», 30.10.2014. URL: <https://ria.ru/world/20141030/1030976387.html> (дата обращения: 22.05.2019).
- ²⁶ О роли НПО в противодействии терроризму см.: *Sitter N., Parker T.* Fighting Fire with Water : NGOs and Counterterrorism Policy Tools // *Glob Policy*. 2014. № 5. P. 159–168. DOI: 10.1111/1758-5899.12058
- ²⁷ См.: *Aziz Z. Huq.* Community-Led Counterterrorism // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2017. Vol. 40, iss. 12. P. 1038–1053. DOI: 10.1080/1057610X.2016.125398
- ²⁸ См.: Начинается расследование преступлений ИГИЛ против езидов // ANF NEWS. 6 дек. 2018. URL: <https://anfussian.com> (дата обращения: 25.05.2019).
- ²⁹ Подробнее см.: *Sitter N., Parker T.* Op. cit.
- ³⁰ *Вайс М., Хасан Х.* Указ. соч. С. 111.
- ³¹ См.: *Мохаддам Ф. М.* Указ. соч. С. 41.

Образец для цитирования:

Вайсов Ф. Б. Борьба с терроризмом «снизу-вверх»: предпосылки терроризма и роль негосударственных акторов в их устранении // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 96–103. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-96-103>

Cite this article as:

Vaysov F. B. “Bottom-Up” Counterterrorism: Prerequisites for Terrorism and the Role of Non-State Actors in Their Elimination. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 96–103 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-96-103>

УДК 327

Генезис политического взаимодействия России и Сирии

М. Зейд

Зейд Мазен, соискатель кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет, mazenaid123@gmail.com

В статье с применением метода традиционного анализа и контент-анализа документов изучается политическое взаимодействие России и Сирии в исторической ретроспективе: с 1956 г. по настоящее время. Автор формирует свое оригинальное видение истории этих взаимоотношений на основе рассмотрения нескольких стратегически важных документов, заключенных между Сирийской Арабской Республикой, с одной стороны, и СССР и Российской Федерацией – с другой. Выявляются объективные и субъективные факторы этих взаимоотношений. Особое внимание уделено выявлению в анализируемых документах экономической и стратегической составляющих. В качестве основы для проведения сравнительного анализа выбрано «Соглашение о создании зоны свободной торговли между правительством Израиля и правительством США». Критерии для проведения сравнительного анализа документов сформулированы автором самостоятельно. **Ключевые слова:** анализ документов, геополитика, политическая лояльность, политическое сотрудничество, российско-сирийские отношения, экономическое взаимодействие.

Genesis of Russian and Syrian Political Interaction

M. Zeid

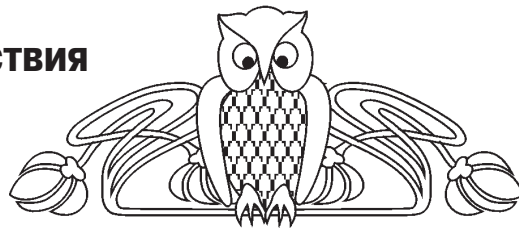
Zeid Mazen, <https://orcid.org/0000-0002-5443-1098>, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia, mazenaid123@gmail.com

Using the method of traditional analysis and content analysis of documents, the article studies the political interaction of Russia and Syria in historical retrospective: from 1956 to the present. The author forms his original vision of the history of these relations on the basis of consideration of several strategically important documents signed by the Syrian Arab Republic on the one hand, and the USSR and the Russian Federation on the other. Objective and subjective factors of these relationships are revealed. Particular attention is paid to identifying the economic and strategic components of the analyzed documents. As the basis for the comparative analysis, the "Agreement on the Establishment of a Free Trade Area between the Government of Israel and the Government of the USA" was selected. The criteria for a comparative analysis of documents are formulated by the author independently.

Keywords: document analysis, geopolitics, political loyalty, political cooperation, Russian-Syrian relations, economic interaction.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-104-111>

Для рассмотрения генезиса взаимоотношений России и Сирийской Арабской Республики (далее – САР) отправной точкой в настоящем исследовании взят 1956 год, так как, начиная имен-

но с данной даты, наблюдается достаточно плотное и почти постоянное взаимодействие между двумя государствами (тогда между СССР и САР). В том же году президент САР Шукри аль-Куатли обратился к советской стороне за оказанием экономической поддержки и с целью налаживания взаимоотношений¹. В итоге дипломатических и политических контактов был подписан договор о военной поддержке, по которому специалисты из СССР направлялись в САР для подготовки солдат и формирования танковых бригад, а также танки Т-34, а в дальнейшем и более современные Т-52².

Для более глубокого понимания складывавшихся взаимоотношений между социалистическим СССР и достаточно типичной арабской страной (САР) рассмотрим политическую обстановку на Ближнем Востоке в 1955–1960 гг. В тот период разворачивается активное противодействие СССР и США, в рамках которого в начале 1950-х гг. на Ближнем Востоке создавалась Организация Центрального Договора (другое название – Багдадский пакт). В нее вошли следующие государства: США, Великобритания, Ирак, Иран, Турция и Пакистан. Целью Организации было создание военно-политического блока на Ближнем и Среднем Востоке и противодействие прямой или косвенной «коммунистической агрессии»³.

Вступить в данный военно-политический блок было предложено и САР, но ввиду политических противоречий с Турцией и договоренностей с Египтом САР не вступила в организацию, что фактически положило начало развитию взаимодействия с СССР (как реальной альтернативе новому военно-политическому блоку, создаваемому в Центральной Азии). Далее, в 1958 г., САР и Египет запустили процесс по объединению в одно государство – Объединенную Арабскую Республику (далее – ОАР). Во главе ее встал бывший лидер Египта – Гамаль Абдель Насер, в целом разделявший начатую главой САР политику взаимодействия с СССР в рамках военного и экономического сотрудничества. В процессе создания единой страны предполагаюсь в том числе и создание единого правительства, а также единого бюджета и единых законодательных органов власти.

При этом процесс объединения подразумевал под собой решение двух острых проблем – демографической и экономической, а также корректировку внешней политики государства.

Суть проблем заключалась в том, что население САР на тот момент составляло 4,5 млн человек, а население Египта – свыше 25 млн, и процесс (и технологии) выборов, по мнению властей Египта, должен был основываться на численности населения стран, что в целом снижало уровень, статус, возможности да и легитимность политической власти элиты САР в новом государстве. Также проблемой было совмещение экономик, ведь после слияния в САР хлынул поток дешевых и при этом более качественных товаров, что снизило прибыльность местных производств фактически вдвое. Если сравнивать бюджеты государств в момент слияния, то бюджет САР составлял 850 млн в долларовом эквиваленте (США) на тот момент, бюджет Египта – 10 млрд долл. (США)⁴.

Этот фактор повлиял в том числе и на нужду САР в составе ОАР в экономической помощи от Советского Союза, а также в необходимости в столь обширной закупке вооружений, так как вооруженные силы Египта могли обеспечить безопасность на территории ОАР. При этом сопряжение вооруженных сил САР и Египта в одну армию проходило с осложнениями ввиду различий в технике, уровне подготовки и желании высшего офицерского состава Египта оставить за собой все руководящие должности, что вызвало (да и не могло не вызвать) определенное недовольство в сирийской армии.

Крайней точкой кризиса в создании ОАР стали 1960–1961 гг., когда президент Гамаль Насер запустил кампанию по национализации промышленности и банковского сектора. Население САР крайне негативно восприняло переход всех промышленных предприятий под управление египетского центра. На волне протестов в 1961 г. генералитет САР совершил государственный переворот, депортировал из страны египетское руководство и объявил о выходе из ОАР. После переворота САР была официально признана СССР – это особенно важно подчеркнуть – как самостоятельное государство. В 1963 г. путем переворота власть в стране захватила Партия арабского социалистического возрождения (Баас), которая была заинтересована в дальнейшем межгосударственном взаимодействии и наращивании партнерства с СССР. Так, вплоть до 1970-х гг. было усилено взаимодействие в военной сфере СССР и САР и увеличении армии САР.

Важным этапом в истории страны стала так называемая шестидневная война (5–10 июня 1967 г.), в которой была уничтожена практически половина сирийской авиации. После этого закупки вооружения САР у СССР увеличились, поскольку противоборство с Израилем, а также Турцией и прошлым союзником Египтом только усиливалось.

Следующим этапом в сирийско-советских отношениях стало открытие в 1971 г. базы военно-морского флота СССР в порту Тартус, целью

которой была поддержка эскадры ВМФ СССР, являющейся потенциальным противником 6-го флота ВМС США. Размещение военной группировки сил, как в рамках военной базы на суше, так и на море, было одной из основных целей советско-сирийского взаимодействия (во всяком случае, для СССР), которая была достигнута лишь частично. В 1973 г. между Израилем и странами арабского мира, в число которых входит и Сирия, произошла новая война. Сирийцы атаковали израильские силы с десятикратным танковым преимуществом. При этом САР подверглась бомбардировкам со стороны сил Израиля. В ходе боев израильские войска продвинулись на территорию САР на глубину в 30 км.

Советский Союз при этом принимал активное участие в противостоянии, поддерживал арабскую сторону, в том числе и Сирию. Более того, СССР готов был произвести высадку морского десанта для защиты Латакии⁵. Этот факт позволяет судить о достаточно высокой значимости Сирии во внешней политике СССР на тот момент, так как военное вмешательство в противоборство государств и прямое военное противостояние с Израилем значительно увеличивало угрозу войны с его союзниками – США и Великобританией. После завершения военного конфликта с Израилем СССР в значительной степени увеличил как поставки вооружения в арабские государства и Сирию, так и количество военных советников в данном государстве.

Следующим этапом советско-сирийских взаимоотношений стало вторжение сирийской армии в Ливан в 1976 г., против чего выступал Советский Союз. В результате СССР изначально приостановил, а в дальнейшем значительно снизил поставки вооружения в САР, при этом советские специалисты, которые занимались подготовкой армии в САР, и далее остались там работать. Официальные же политико-дипломатические отношения между СССР и САР стали налаживаться только к 1980 г., когда президент САР Хафез Асад прибыл в СССР и 8 октября этого года был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и САР⁶.

Далее проведем более подробный анализ данного договора с применением методов контент-анализа, традиционного анализа документов и их сравнительного анализа. В качестве документов для сравнения будут взяты следующие: Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Объединенной Арабской Республикой, подписанный в 1971 г., и Соглашение о создании зоны свободной торговли между правительством Израиля и правительством Соединенных Штатов Америки (табл. 1)⁷.

В рамках анализа изначально сравним указанные документы по количеству смысловых элементов в тексте, далее проведем сравнение в рамках традиционного анализа документов по содержанию каждого из них.

Таблица 1

Сравнительный контент-анализ договоров, заключенных СССР и США с государствами Персидского залива

Единицы анализа	Договоры		
	СССР и САР	СССР и ОАР	США и Израиль
Количество слов / абзацев	719 / 26	706 / 26	2895 / 114
Политические аспекты	15 (57,7%)	7 (26,9%)	37 (32,4%)
Военные аспекты	4 (15,3%)	5 (19,2%)	14 (12,2%)
Экономические аспекты	1 (3,8%)	3 (11,5%)	96 (82,4%)
Социальные аспекты	2 (7,7%)	3 (11,5%)	26 (22,8%)
Безопасность	6 (23%)	7 (26,9%)	17 (14,9%)

Однако прежде следует уточнить, что документы имеют несколько разный временной период, с 1971 по 1985 г. принятия, но при этом все носят в целом одинаковую направленность (в отношении соседних государств одного региона мира) и поэтому, по мнению автора, позволят получить достоверные данные по результатам их сравнения.

Подводя итоги сравнительного анализа документа, можно сделать несколько промежуточных выводов.

Во-первых, как показывает анализ двух договоров, заключенных СССР с Египтом (ОАР) и САР, в рамках договоров практически не рассматривается экономическое обоснование взаимодействия двух стран и не прописаны суть и объемы будущей экономической взаимопомощи. То есть договоры, по всей видимости, носили общий, рамочный политический характер. При этом основная поддержка, оказываемая СССР данным странам, заключается в поставках вооружения и подготовке военных специалистов, что в полной мере оплачивалось сирийской и египетской сторонами.

Во-вторых, в советских договорах с САР и ОАР практически не рассматриваются социальные аспекты взаимодействия. Данный факт исследователю кажется логичным, так как в условиях «холодной войны» и постоянной нестабильности на Ближнем Востоке именно военные и экономические аспекты имеют первостепенное значение для всех сторон соглашения.

В-третьих, как показал анализ документов и поиски соглашений, заключаемых между США и странами Ближнего Востока, все договора несут в себе серьезную экономическую основу для политического взаимодействия. При этом США часто выступают инициатором создания военных блоков – прототипов НАТО, на Ближнем Востоке таким стал Багдадский пакт, в рамках которого проводились все военные договоренности.

В-четвертых, в рамках экономического договора, заключенного США с Израилем, рассматриваются в том числе и выгодные для США политические аспекты взаимодействия, а также проблематика безопасности, как экономической, так и военной, которая основана в том

числе и на экономическом взаимодействии двух государств.

В-пятых, договор СССР с САР по большей части носит политическую направленность, поскольку 57% абзацев данного соглашения в той или иной степени затрагивают политическую составляющую, чему, по мнению автора, есть два объяснения:

1) в сравнении с Египтом САР намного более бедная страна (годовой бюджет различался на то время более чем в 10 раз), что требует большего количества вооружения, а также низшей стоимости его закупки; по этой причине в рамках политических международных договоренностей САР была вынуждена идти на уступки;

2) захватившая власть в 1963 г. в Сирии партия Баас в целом была просоциалистической, что превращает договоренность в том числе и в политически-агитационную и делает ее выгодной для обеих стран-сторон (СССР и САР).

В-шестых, в рамках экономического договора, заключенного США с Израилем, достаточно большое внимание оказывается политическим и социальным аспектам взаимодействия, наряду с собственно экономическими аспектами. Из этого следует, что данный договор полифункционален и подразумевает, соответственно, взаимодействие в рамках целого ряда аспектов. В договоре четко прослеживается линия (или последовательность) взаимодействия США и Израиля: экономика – политика – социум (социальные аспекты взаимодействия) – безопасность – армия. Логично, что в рамках экономического договора военная поддержка находится на последнем месте, что является достаточно эффективным шагом при наличии коалиции (политического по сути Багдадского пакта), в рамках которой военная поддержка оказывается объединенными силами и на международной арене не появляется государство – военный агрессор.

В-седьмых, в рамках заключенных СССР с Сирией и Египтом договоров четко прослеживается другая линия, другая последовательность: политика – безопасность – армия – социум – экономика. Наверно, иную логику выстраивания взаимоотношений между самой крупной страной мира с сильными вооруженными силами

(СССР), с одной стороны, и, с другой стороны, слабой в военном и экономическом отношении страной (САР) сложно было ожидать.

Мы видим, что так называемые великие державы заключали договоры с той или иной страной Персидского залива на основе различных методологий выстраивания взаимоотношений. На наш взгляд, не удивительно, что у американцев на первом месте стоит организация экономического сотрудничества и экономической базы политического сотрудничества (взаимодействия). Думается, американский философ японского происхождения Ф. Фукуяма не случайно заметил: «Недостаток государственных возможностей в бедных странах приводит к тому, что развитым странам во многих случаях приходится действовать напрямую ... что слабость государства приводит к огромным стратегическим проблемам»⁸. Как не удивительно и то, что в СССР при организации политического сотрудничества (взаимодействия) на первом месте всегда стояла политико-идеологическая лояльность руководства той или иной страны стратегическому курсу стран социалистического лагеря. По мнению Ф. Фукуямы, СССР так вел себя в силу своей проимперской сути⁹. В настоящее время данная черта в двусторонних отношениях САР и России не наблюдается, основная задача государств заключается в том, чтобы сохранять национальные границы, уважать права традиционных субъектов мировой политики¹⁰.

Данные проведенного анализа документов и их сравнения можно показать по ряду критериев (табл. 2).

Проводя анализ изложенной информации, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в рамках традиционного анализа документов договоры, заключенные СССР с САР и с Египтом, полностью идентичны (мы ранее уже назвали их рамочными). По нашему мнению, данный договор являлся типовым для СССР и был заключен с большинством стран –

предполагаемых политических союзников либо покупателей советского вооружения.

Во-вторых, как можно видеть из проведенного традиционного анализа двух документов, в договорах СССР с арабскими странами фактически отсутствует конкретика, не понятна цель договоров, поскольку в них не прописаны конкретные действия по выполнению обязательств, а также фактически не ясны методы составления этих документов (наверное, все же метод обобщения не слишком конкретен).

В-третьих, единственным достаточно конкретным обязательством для обеих сторон (СССР, с одной стороны, и САР – с другой), которое регламентируется договором, является обязательство не вступать в союзы с государствами с целью нанесения вреда другой стороне. При этом что конкретно ждет другую сторону в случае невыполнения данного договора – документом не регламентировано.

В-четвертых, за исключением договора, заключенного США с Израилем, в анализируемых документах, заключенных СССР, не ясны выгоды сторон, так как взаимодействие по торговле оружием и подготовке армии уже налажено, и из него понятно, что СССР интересуется укрепление своих военных и политических позиций на Ближнем Востоке, а также получение финансовой выгоды от продажи вооружений, САР и Египет заинтересованы в усилении своих политических и военных позиций для противостояния странам-соседям, поддерживаемым США.

Рассмотрев некоторую документальную основу для политических взаимодействий на основании договоров того времени, перейдем к дальнейшей хронологии событий, характеризующих динамику взаимодействия. Так, после подписания договора военное присутствие СССР в САР стало наращиваться, усилились поставки вооружения и техники. Уже в 1982 г. Х. Асед обратился к СССР с просьбой разместить на территории САР три зенитно-ракетных полка дальнего

Таблица 2

Сравнительный анализ результатов традиционного анализа документов, заключенных СССР и США с государствами Персидского залива

Критерии анализа	Договоры		
	СССР и САР	СССР и ОАР	США и Израиль
Наличие в документе механизма взаимодействия	Нет	Нет	Да
Наличие в документе конкретных целей	Нет	Нет	Да
Наличие в документе ограничений в союзах с государствами-противниками второй стороны	Да	Да	Нет
Наличие большой выгоды данного документа для одной из сторон	Нет	Нет	Да
Наличие конкретных выгод для сторон, принимающих данный документ	Нет	Нет	Да
Предполагаемые методы подготовки данного документа	Обобщение	Обобщение	Синектика, метод стратегического планирования, сценарный метод и др.

действия, группировку сил ПВО и вертолетную эскадрилью¹¹. После распада СССР Сирия признала Россию преемницей СССР и обязалась выплачивать ей долги за советские поставки, что сделано не было, и после поставки крайней партии из 300 танков Т-72 поставки вооружения были временно прекращены¹². Затем Сирия, еще проявляя «запас прочности» благодаря политической и военной помощи и постепенно адаптируясь к новым реалиям, некоторое время решала свои внешнеполитические задачи без поддержки извне. Вплоть до середины первого десятилетия XXI в. САР сохраняла за собою доминирующее положение в Ливане, продолжала тесно взаимодействовать с Ираном, наладила взаимоотношения с ведущими государствами Ближнего Востока – Египтом и Саудовской Аравией. Как констатировал в одной из бесед с директором Службы внешней разведки Российской Федерации Е. М. Примаковым Х. Асад, «может быть, мы и не сможем самостоятельно привести дело к всеобщему урегулированию, но уж во всяком случае в состоянии не допустить такой ситуации, когда Сирия останется одинокой лицом к лицу с Израилем»¹³. Фактически, свертывание военно-технического сотрудничества с Россией в этот период было в какой-то мере компенсировано налаживанием связей в военной области с Китаем, Северной Кореей, Украиной, Беларуссией¹⁴.

Тем не менее, геополитическое и политическое положение САР в регионе и на мировой арене достаточно нестабильно (конфликт с Израилем, постоянное давление США и их союзников, прессинг со стороны международного терроризма). Отношение США к Сирии строится в рамках их глобального гегемонистского проекта¹⁵. Поэтому мы считаем объективно обусловленной зависимость САР от разнообразной поддержки со стороны России. А Российской Федерации, как нам представляется, также выгодны тесные политические отношения с САР, поскольку именно САР – достаточно сильный политический игрок в ближневосточном регионе, без участия которого, полагаем, невозможно убедительно обеспечить региональную и национальную безопасность, позитивно влиять на ситуацию и разрешение конфликтов. Как верно написал в своей диссертации исследователь Осман Аль Биш, «Дамаск стремился сохранить за собой роль важнейшего игрока на ближневосточной арене, имеющего эффективные рычаги воздействия на острейшие региональные проблемы, включая арабо-израильский конфликт»¹⁶.

Россия в этот период неоднократно выступала с инициативами, призванными разблокировать процесс ближневосточного регулирования. Так, в 1996 г. ею было еще выдвинуто предложение, чтобы главы государств и правительств стран-участниц конфликта взяли на себя обязательства соблюдать достигнутые предшественниками договоренности и параллельно продви-

гаться вперед по всем переговорным линиям, включая сирийско-израильский конфликт («идея Красного креста»). Однако успешно претворить в жизнь данную инициативу, как известно, не получилось, поскольку премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху отказался выполнять договоренности, на которые вышли его предшественники И. Рабин и Ш. Перес, и согласиться на уход израильских войск с Голанских высот. Кроме того, негативную роль сыграла позиция Х. Асада, поддержавшего российское предложение, но обставившего свое согласие неприемлемыми для израильтян условиями.

В конце 1997 г. Российская Федерация фактически предупредила боевые действия между САР и Израилем (к которым оба государства уже были готовы), очевидно, способные к выходу ситуации в регионе фактически из-под любого контроля. Решающую же роль в нормализации обстановки сыграли в тот момент, как известно, «челночные» поездки между двумя странами российского министра иностранных дел Е. М. Примакова, лично убедившего руководство обоих государств в несостоятельности взаимного недоверия. Вместе с тем в конце 2009 г. стремление США вести дело к возобновлению переговоров между Сирией и Израилем непосредственно под американской эгидой, а совсем не под американо-российской, породило потенциальную угрозу оттеснения России от разрешения сирийско-израильского конфликта.

Однако современные возможности России оказывать политическую поддержку САР в этот период не являлись безграничными, поскольку Россия была вынуждена считаться в ближневосточных делах с позицией и политикой США, Израиля, ряда западноевропейских стран. Характерна точка зрения России на роль САР в организации (или в неучастии) убийства в феврале 2005 г. премьер-министра Ливана Р. Харири. Хотя причастность к террористическому акту САР была (и остается до сих пор) недоказанной, США использовали случившееся, чтобы добиться ухода САР из Ливана.

Нужно подчеркнуть, что, как отмечает Осман Аль Биш, «...укрепление многосторонних связей САР с рядом европейских стран и Ираном вызвало негативную реакцию США, вылившуюся в антисирийские санкции <...> США усилили критику и за сотрудничество со страной-изгоем Ираном, и за поддержку “Хизбаллы”, и за сохранение российской военно-морской базы в сирийском городе Тартус, и за антиизраильскую направленность внешней политики...»¹⁷. Действия США в тот период по отношению к САР напоминают антироссийские действия после 2014 г.

Однако именно в этот период также начало возобновляться военно-техническое сотрудничество (далее – ВТС) России с САР. Но Россия продолжает строить его так, дабы с одной стороны микшировать, т. е., уменьшить его негатив-

ное воздействие на ее отношения с Израилем и США. Аналогично ведет себя и САР, как отмечает исследователь С. А. Мырзаibraимов, «Сирия ведет более осторожную политику с целью предотвращения в свой адрес нарастания критики со стороны США и международного сообщества»¹⁸. Однако, с другой стороны, Россия стремится вести себя достаточно самостоятельно в регионе, четко понимая свои национальные интересы в нем.

Так, в конце 1990-х гг. Россия не согласилась прекратить поставки САР противотанковых ракет, несмотря на введение США санкций в отношении производящих их предприятий. Вместе с тем в 2006 г., по словам члена Общественного совета при Минобороны России А. Цыганка, российская сторона отклонила под нажимом Израиля просьбу сирийцев о продаже им ракет «Искандер». Как пояснил министр иностранных дел России С. В. Лавров, «мы готовы продавать Сирии такое оружие, которое имеет, прежде всего, оборонительный характер и никоим образом не нарушает стратегического баланса сил в регионе»¹⁹.

На сегодняшний день САР является единственной арабской страной, на территории которой – в Тартусе – сохраняется присутствие российского ВМФ. Хотя в настоящее время пребывание российских кораблей в Средиземном море носит скорее все же присутственный, чем стратегический характер, использование базы может стать в будущем для России, по оценке американского исследователя А. Коэна, «первым шагом на долгом пути к возобновлению глобального военно-морского присутствия»²⁰. При этом специалисты отмечают, что в применении военной силы Россия исходит и из геополитических соображений²¹.

Сирийцы фактически готовы к наращиванию военного сотрудничества с Россией, полагая, видимо, что это побудит Россию более решительно выступать на их стороне. Видимо, в этом случае уместны прикладные политические аналогии: например, после совместного решения США и Польши о размещении на территории последней элементов противоракетной обороны США сирийский президент в апреле 2008 г. подтвердил готовность руководства Сирийского государства позитивно рассмотреть потенциальную просьбу (видимо, надеясь, что таковая будет) России о базировании на территории САР российских ракет типа «Искандер». Фактически это сирийское предложение выглядело предложением дать американцам так называемый асимметричный ответ.

Получается, что политический вес и влияние САР на Ближнем Востоке и среди арабских государств позволяет российскому политическому руководству считать сотрудничество с САР детерминантом практического обеспечения любых (политических, геополитических, стратегиче-

ских) российских интересов в данном регионе. А политическое руководство САР, полагаем, также постоянно заинтересовано в разнообразной поддержке России до тех пор, пока не завершатся как политический (с потенциальной возможностью быстрого перерастания в вооруженную фазу) конфликт САР с Израилем, так и напряженность в отношениях САР с США. Однако, мы полагаем, даже при улучшении обстановки в регионе политическое руководство САР еще долго будет заинтересовано в конструктивном взаимодействии с Россией, ибо в этом случае САР не будет столь зависима от США и их союзников. Российская же политика в САР была обращена на одновременную реализацию сразу нескольких задач. Ведь это взаимодействие никогда не ограничивалось только геополитическими целями: в частности, Россия нуждалась в испытаниях на практике позитивных результатов собственной военной реформы и демонстрации этих результатов своим потенциальным противникам.

После кончины в 2000 г. Х. Асада и прихода к власти его сына и преемника Башара достаточно дружественные отношения САР с Россией сохранились и продолжали укрепляться. В 2005 г. Россия списала Сирии 10 млрд долл. долга в обмен на гарантии преференций²². После длительного застоя 1990-х гг. ВТС между двумя странами возобновилось. В 2012 г. сирийское правительство заказало у России 36 учебно-боевых самолетов Як-130²³. Активизировались контакты по интеграции САР в Таможенный союз ЕврАзЭС. То есть в начале XXI в. значительно усилилось ВТС между двумя государствами: САР и Россией.

Наиболее же важным фактором развития ВТС России и САР стал фактор военно-политический. Нет смысла останавливаться на нем подробно, поскольку во многих исследованиях достаточно подробно прописана политическая часть этого фактора. Тезисно подчеркнем несколько принципиальных моментов, концептуально характеризующих военно-политические отношения между САР и Россией:

– Российская Федерация публично настаивала на разрешении конфликтов в регионе в основном мирными средствами (переговоры и дипломатия). Об этом пишут многочисленные российские и сирийские исследователи и политические деятели;

– САР, несомненно, всегда стремилась поддерживать баланс сил на Ближнем Востоке²⁴;

– пока САР не вернет себе Голанские высоты, улучшение арабо-израильских и, соответственно, сирийско-американских отношений весьма и весьма проблематично²⁵. И понятно поэтому, что САР нуждается в непрекращающейся военно-политической поддержке со стороны России;

– именно Россия старательно поддерживала имидж САР как сильного государства в данном

регионе. При этом основные усилия в российско-сирийских (в том числе военно-политических) отношениях всегда концентрировались на поддержании существующего национально-государственного управления САР;

– Россия имеет и четко осознает свои стратегические интересы в САР;

– на территории САР четко заметна совершенно реальная тенденция к выходу многих так называемых западных (обобщенное название США и их союзников, т. е. стран в основном англосаксонской культуры) стран за пределы решений Совета Безопасности ООН²⁶.

Сделаем несколько выводов.

Во-первых, политическое противоборство на Ближнем Востоке наблюдается практически весь XX век. В его рамках стороны разделились на два блока: арабский – включающий Сирию, Ливию, Иран, Ирак, Египет, с как бы просоциалистической (или близкой к этому курсу) ориентацией, и проамериканский (в исторической ретроспективе в рамках организации Багдадского пакта) – включающий Турцию, Израиль. Советский Союз поддерживал арабские страны, в особенности Египет и Сирию, в которых правящие позиции занимала просоциалистическая партия Баас. Мы считаем, что такое противоборство сложилось и осуществлялось в рамках политического и геополитического противостояния в этом регионе.

Во-вторых, основными направлениями сотрудничества СССР и САР были поставка вооружения, подготовка солдат и офицеров, политико-идеологическая лояльность слабого государства более сильному. Фактически экономическое взаимодействие как основа политического сотрудничества между двумя странами не было конкретным и четко прописанным документально. Мы считаем, что в развитии экономического сотрудничества в перспективе заложен очень серьезный потенциал развития сирийско-российских отношений.

В-третьих, авторский анализ показал, что Россия фактически является единственной в мире страной, традиционно поддерживавшей руководство Сирийского государства. Этой поддержке сопутствовали и способствовали: общие стратегические и геополитические интересы в регионе, традиции долговременного сотрудничества между двумя странами, схожесть типа политических режимов и даже авторитарный характер большинства их лидеров. Возможно, что экономический фактор (экономическое сотрудничество) в случае его взаимопольности для обоих государств со временем придаст новую динамику развитию сирийско-российских отношений.

В-четвертых, процесс официального политического обеспечения взаимодействия СССР и САР был на достаточно низком уровне. Как показал традиционный анализ документов, до-

говор о дружбе между СССР и САР не подразумевал конкретных действий, за исключением запрета на союзы с целью прямого вреда другой стороне. По данным анализа и исторических справок о визитах руководителей САР в Россию, можно судить о так называемом «ручном управлении» данным процессом и заключением разовых договоров об экономической поддержке.

Примечания

- 1 См.: Пир-Будагова Э. П. История Сирии. XX век. М. : ИВ РАН, 2015. С. 110.
- 2 См.: Сидоркова И. «Танки-шахиды» без кондиционеров // Газета.ру : [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/09/11/10188101.shtml> (дата обращения: 18.10.2019).
- 3 См.: Румянцев В. П. Политика США в связи с трансформацией Багдадского пакта и образованием блока СЕНТО (1958–1960 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 323. С. 163–169.
- 4 См.: Хесуани Н. Д. Экономическое развитие и внешняя торговля Сирии : 1960–1990-е гг. : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.
- 5 См.: Мартынкин А. В., Канах А. М. Черноморский флот в контексте российско-сирийских отношений // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 12. С. 69–80.
- 6 См.: Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой (Подписан в г. Москве 08.10.1980) // Инфор.-правовой портал «Сейчас.ру». URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/14860> (дата обращения: 18.10.2019).
- 7 См.: Agreement on the Establishment of a Free Trade Area between the Government of Israel and the Government of the United States of America // Israel Ministry of Foreign Affairs : [site]. URL: <https://www.mfa.gov.il/mfa/mfa-archive/1980-1989/pages/israel-us%20free%20trade%20area%20agreement.aspx> (дата обращения: 18.10.2019).
- 8 Фукуяма Ф. Сильное государство : Управление и мировой порядок в XXI веке : пер. с англ. М. : АСТ ; АСТ МОСКВА ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. С. 4. (Philosophy).
- 9 Там же.
- 10 См.: Емельянов А. И. Геополитическая роль России в современном мире : цивилизационная составляющая // Образование и право. 2017. № 11. С. 17–20.
- 11 См.: Пир-Будагова Э. П. Указ. соч. С. 110.
- 12 См.: Развитие отношений между СССР и Сирией // Блог журналиста Валерия Бурта. URL: <https://mywebs.ru/blog/history/28184/> (дата обращения: 18.10.2019).
- 13 Ахмедов В. М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М. : Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока ; Ин-т востоковедения, 2003. С. 89.
- 14 См.: Емельянов А. И. Трансформация политической элиты России на рубеже XX–XXI вв. в условиях внешнеполитической конфронтации // Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2019. № 3. С. 85–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-85-98

- ¹⁵ См.: Белозёров В. К. Истоки и перспективы глобального американского проекта // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. № 1. С. 126–134.
- ¹⁶ Осман Аль Биш. Приоритетные направления внешней политики Сирийской Арабской Республики : 2000–2012 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 14.
- ¹⁷ Там же. С. 17.
- ¹⁸ Мырзаibraимов С. А. Политика Сирии в отношении России на современном этапе : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Бишкек, 2011. С. 15.
- ¹⁹ Цит. по: Саллум Ф. Основные направления в межарабской политике САР после кувейтского кризиса 1991–2000 гг. // Германия и германский вопрос в истории XX века : сб. науч. ст. Минск : БГПУ, 2010. С. 101.
- ²⁰ Тренин Д. Россия и кризис в Сирии // Рабочие материалы Карнеги. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_Syria_Rus_web_Feb2013.pdf (дата обращения: 18.10.2019).
- ²¹ См.: Белозёров В. К. Геополитические смыслы военной доктрины Российской Федерации // Геополитика и безопасность. 2015. № 1 (29). С. 9–14.
- ²² См.: Прощённые миллиарды. Каким странам Россия списала советские долги // Аргументы и факты. 30.04.2014. URL: <http://www.aif.ru/money/economy/1161067> (дата обращения: 18.10.2019).
- ²³ См.: Россия продала Сирии 36 самолетов боевых Як-130, цена сделки \$550 млн // Газета.ру : [сайт]. URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2012/01/23/n_2176569.shtml (дата обращения: 18.10.2019).
- ²⁴ См.: Осман Аль Биш. Указ. соч.
- ²⁵ См.: Мырзаibraимов С. А. Указ. соч. С. 15.
- ²⁶ См.: Степанова Е. А. Вооруженный конфликт в Сирии и политика России // Пути к миру и безопасности. 2012. № 2 (243). С. 7–25.

Образец для цитирования:

Зейд М. Генезис политического взаимодействия России и Сирии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 104–111. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-104-111>

Cite this article as:

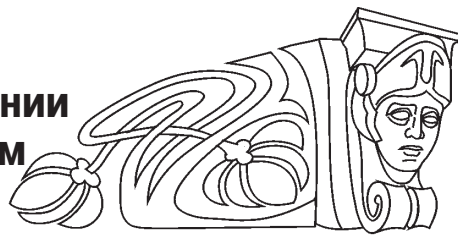
Zeid M. Genesis of Russian and Syrian Political Interaction. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 104–111 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-104-111>

УДК 327.81

«Мягкая сила» как инструмент гуманитарной политики США в отношении Социалистической Республики Вьетнам

Н. В. Шафинская

Шафинская Наталья Валерьевна, аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, shafinskaya06@gmail.com

В статье рассматриваются основы концепции «мягкой силы», которая активно используется США для продвижения своих интересов в ключевой стране Юго-Восточной Азии – Социалистической Республике Вьетнам. На основании изучения материалов органов исполнительной власти Соединенных Штатов, в частности, Государственного департамента и Посольства США в СРВ; документов Правительства СРВ; материалов американской, вьетнамской и российской прессы; результатов опросов общественного мнения; статистических данных, характеризующих усиление американской активности во Вьетнаме в сфере экономики, образования и культуры; собственных подсчетов автора по присутствию в стране представительств государственных и общественных структур США; результатов исследований отечественных и зарубежных авторов рассматриваются основные элементы «мягкой силы» как инструмента политики США в отношении СРВ: ее целевые установки, механизмы, направления, формы и методы реализации, дается оценка ее эффективности, упоминается ее последующая трансформация в концепцию «умной силы». Рассмотрены экономические и партнерские наднациональные отношения между США и Социалистической Республикой Вьетнам, осуществляемые в рамках политики «мягкой силы», а также примеры воздействия этой политики на СРВ в виде выделения денежных средств на гуманитарные цели и финансирования средств массовой информации. Проанализированы результаты воздействия политики «мягкой силы» на Социалистическую Республику Вьетнам, в том числе появление художественных произведений и проведение социологических опросов, демонстрирующих в целом положительное отношение населения Вьетнама к США; функционирование культурных и гуманитарных учреждений американского происхождения; открытие на территории Социалистической Республики Вьетнам учреждений высшего образования США и реализация образовательных программ США в Юго-Восточной Азии в целом; поддержка ЛГБТ-движения в СРВ. **Ключевые слова:** внешняя политика, «мягкая сила», США, Вьетнам, экономические отношения, образовательные программы, культурные учреждения.

“Soft Power” as a Tool of USA Humanitarian Policy Towards the Socialist Republic of Vietnam

N. V. Shafinskaya

Natalia V. Shafinskaya, <https://orcid.org/0000-0001-8197-4576>, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 84/1 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119606, Russia, shafinskaya06@gmail.com

The article reviews the basics of the concept of “soft power”, which is actively used by the United States to promote its interests in the essential country of Southeastern Asia – the Socialist Republic of Vietnam. Basing on studying of materials of Executive authorities of the United States, such as the State Department and the U.S. Embassy in Vietnam; documents of the Government of Vietnam; the American, Vietnamese and Russian media; results of public opinion polls; statistical data characterizing the increased American activity in Vietnam in the field of economy, education and culture; author’s own calculations of USA state offices and public structures presenting in Vietnam; the research results of Russian and foreign authors; basic elements of “soft power” as an instrument of US policy in relation to Vietnam are analyzed: their objectives, the mechanisms, directions, forms and methods of implementation. Its effectiveness is evaluated, also mentioned its transformation to the concept of “smart power”. Economical and affiliate supranational relationships between USA and Socialist Republic of Vietnam, conducted as means of soft power, are analyzed, as well as examples of soft power’s influence at Socialist Republic of Vietnam, such as providing finances for humanitarian purposes and financing mass-media. Results of soft power’s influence at Socialist Republic of Vietnam are also analyzed, such as creating works of art and conducting social polls, demonstrating generally positive opinion of Vietnamese population about USA; functioning cultural and humanitarian institutions of American origins; opening higher educational institutions of USA on the territory of Socialist Republic of Vietnam and conducting educational programs of USA in Southeastern Asia on the whole; supporting LGBT-movement in Socialist Republic of Vietnam.

Keywords: foreign policy, “soft power”, USA, Vietnam, economic relationships, educational programs, cultural institutions.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-112-117>

Понятие «мягкая сила» ввел в оборот американский политолог Дж. Най-мл. в 1990 г., в 2011 г. он же дал одно из самых полных определений «мягкой силы» – как способности влиять на других при помощи приобщающих инструментов, определяющих международную повестку дня, а также при помощи убеждения и позитивной привлекательности с целью достижения желаемых результатов. Вместе с тем Дж. Най-мл. считал важным подчеркнуть, что «мягкую силу» нельзя воспринимать как инструмент манипуляции другими международными акторами. Открытая или скрытая манипуляция приводит лишь к ухудшению партнерских отношений и не дает желаемых результатов в процессе международного взаимодействия¹. Как полагают автор концепции «мягкой силы», власть – это способность воздействовать на других с целью получения желаемых результатов, что возможно

с помощью трех главных методов: посредством принуждения, оплатой либо привлечением.

При этом продвижение «мягкой силы» должно осуществляться на основе трех элементов: культуры (в основании лежат ценности, привлекаемые для стран), политических ценностей и эталонов (при соответствии их осуществления как дома, так и за границей) и внешнеполитической деятельности (в ее проявлениях и определенных действиях), создающей законный и нравственный авторитет при комплексном применении ряда инструментов.

В качестве этих инструментов выступает, в первую очередь, «публичная дипломатия», т. е. широкое привлечение во внешней политике общественных организаций «от Голливуда и Гарварда до Фонда Билла и Мелинды Гейтс»². При этом деятельность государственных учреждений ограничивается планированием, координацией, финансированием и анализом итогов проведенных мероприятий. Концепция же обширной презентации работы неправительственных организаций и сокрытия непосредственной роли государственных структур в использовании «мягкой силы» идет «красной нитью» во многих работах Дж. Найя. Это поясняется американской традицией к рассредоточению власти и рвением отдавать власть от ответственности в случае возможных внешнеполитических провалов.

Во-вторых, в использовании «мягкой силы» особая значимость отводится формированию в государстве организаций, занимающихся гуманитарной работой: библиотек, различных информационных центров, образовательных учреждений, из числа которых особенный интерес уделяется учреждениям, которые занимаются преподаванием и пропагандой английского языка как ресурса, обеспечивающего коммуникации, и продвижением ценностей американской культуры за рубежом.

В-третьих, это реклама современных «высоких» технологий для формирования образа сильной в финансовом и технологическом плане современной державы для последующего его продвижения на новые пространства.

Впоследствии концепция «мягкой силы» претерпела некоторую трансформацию, формализовавшись в концепции «smart power» («умной силы»), которая объединяет жесткие и мягкие ресурсы³. В этой связи в отечественном научном пространстве идут дискуссии о сущности и формах реализации данных концепций⁴.

Основываясь на этих теоретических предпосылках, в настоящей статье осуществляется попытка рассмотрения «мягкой силы» как инструмента политики США в отношении Социалистической Республики Вьетнам: ее целевых установок, механизмов, направлений, форм и методов реализации, оценки ее эффективности. Источниковой базой работы стали материалы органов исполнительной власти Соединенных

Штатов, в частности Государственного департамента и Посольства США в СРВ; документы Правительства СРВ; материалы американской, вьетнамской и российской прессы; результаты опросов общественного мнения; статистические данные, характеризующие усиление американской активности во Вьетнаме в сфере экономики, образования и культуры; собственные подсчеты автора по присутствию в стране представительств государственных и общественных структур США; результаты исследований отечественных и зарубежных авторов: К. Делвина, М. С. Зеленковой, Д. Казариновой, О. Г. Леоновой, Дж. Найя-мл., Г. Ю. Филимонова и др.

В качестве основных методов исследования данных материалов выступали: исторический, геополитический, статистический и сравнительный.

Во второй половине 1990-х гг. США усилили внимание к Юго-Восточной Азии, что было связано как с возвышением региона в качестве динамичного центра экономического роста, так и со стремлением выстроить «кольцо сдерживания» против возрастающего политического, экономического и культурного влияния Китая в регионе. В этой связи Социалистическая Республика Вьетнам представляет особый интерес и является одним из ключевых направлений внешней политики Соединенных Штатов. Период нормализации отношений между странами начался в 1995 г., когда между ними были возобновлены дипломатические отношения. В частности, во время президентства Б. Обамы его администрация стала осуществлять политику, нацеленную на усиление проникновения в регион, при этом Вьетнам был выбран в качестве одного из основных страновых приоритетов. Именно в эти годы госсекретарь Х. Клинтон сформулировала на основе разработок Дж. Найя-мл. идею упомянутой выше «smart power» («умной силы») в американской внешней политике, которая была распространена и на Вьетнам и продолжает реализовываться до сих пор.

Важнейшим направлением реализации этой политики стало расширение торгово-экономических отношений между США и СРВ. Результатом этих действий стал масштабный рост товарооборота между странами, который увеличился с 1,08 млрд долл. в 2000 г. до 47,15 млрд долл. в 2016 г.⁵. При этом были устранены трейдерские ограничения в отношении СРВ, которые функционировали еще со времен «второй войны в Индокитае». Снятие торгового эмбарго затронуло и военно-техническую область. В этом контексте постоянно увеличивающийся объем товарооборота между двумя странами и статус США как «второго» после КНР по величине экономического партнера усиливает зависимость СРВ от США.

Другим направлением реализации американской политики стало формирование партнерства

между США и СРВ в рамках наднациональных организаций, прежде всего Транстихоокеанского партнерства (ТТП), в противовес иным региональным ассоциациям, где присутствуют Китай и Россия, к примеру АСЕАН. Следует отметить, что после предпринятого Администрацией Д. Трампа выхода США из ТТП в 2017 г. прослеживается интенсивная работа Государственного департамента Соединенных Штатов по подготовке двусторонних «особых соглашений» со странами-участницами партнерства, в том числе и с Вьетнамом.

Важным инструментом американской внешней политики является информационное воздействие на население Вьетнама с целью формирования в массмедиа образа Америки в качестве гуманного государства, оказывающего помощь нуждающимся во всем мире и реализующего глобальные гуманитарные программы. Так, например, на «гуманитарные» цели Госдепартаментом США в 2019 г. планировалось выделить Вьетнаму 76,5 млн долл., Индонезии – 66,6 млн, Мьянме – 64,1 млн, Камбодже – 22,9 млн, Лаосу – 12,5 млн, Таиланду – «всего» 1,8 млн⁶. При этом приведенные данные не учитывают деятельности американских негосударственных фондов.

Значительный вклад в улучшение имиджа США во Вьетнаме также внесли многочисленные средства массовой информации, которые финансируются США, а некоторые из них имеют свои штаб-квартиры в Америке. Важно подчеркнуть, что помимо публикуемых положительных новостей этот инструмент используется американской стороной также для распространения среди населения нужной информации. Так, одним из примеров может служить деятельность Клуба свободных журналистов, изначально созданного как интернет-портал, поддерживаемый США и критикующий в своих материалах политику Коммунистической партии и Правительства Вьетнама. После череды арестов основателей и главных авторов Клуба в переговорный процесс вмешались США, в результате чего они были освобождены и высланы в США, где в 2015 г. продолжили свою деятельность⁷.

Интересным примером деятельности США по улучшению своего имиджа и в попытке «преодолеть вьетнамский синдром» можно считать изданную в 2015 г. книгу «Сочувствующий» автора вьетнамского происхождения Вьет Тхань Нгуена, которая удостоилась Пулитцеровской премии в 2016 г. и была переведена на десятки языков мира, в том числе на русский. Писатель в своем повествовании обходит тему ужасов войны, акцентируя внимание на душевном состоянии главного героя, выступающего двойным агентом – как США, так и СССР. Поданные в такой интерпретации события того времени позволяют по-другому взглянуть на историю в целом и роль США в этой войне в частности, где изна-

чальные мотивы Америки в расчет не принимаются.

Усиление деятельности по формированию положительного имиджа Вьетнама в США с целью преодоления упомянутого выше «вьетнамского синдрома» и, соответственно, продвижения «бренда США» во Вьетнаме отразилось в социологических исследованиях, в частности, проведенных «Pew Research Center». Эта организация официально является самостоятельной, однако она очень близка к информационной элите Демократической партии США. Итоги вышеупомянутого исследования вызывают массу вопросов, прежде всего по их репрезентативной выборке и ее соотношению с социальной картиной во Вьетнаме. Опубликованные результаты активно транслировались на американскую и зарубежную аудиторию, отражая данные о том, что 76% опрошенных выражали положительное мнение о США. Молодое поколение в возрасте 18–29 лет в особенности положительно воспринимали США (89%). Основным противоречием выступают данные о положительной оценке США теми, кто пережил войну во Вьетнаме. Так, из тех, кто старше 50 лет, более 60% дали этой стране положительную оценку⁸. Повторим, что, согласно нашим исследованиям, приведенные цифры вызывают немало вопросов, однако в целом отражают современное состояние общественного мнения во Вьетнаме.

Еще одним механизмом реализации американской «мягкой силы» является активизация деятельности, особенно на юге Вьетнама, американских гуманитарных учреждений с целью развития и «подпитки» вьетнамской национальной элиты, которая со временем может оказывать существенное влияние на политические процессы. Вместе с тем ведется работа по проникновению в сформировавшиеся научные и культурные группы, также оказывающие определенное воздействие на социально-экономическую жизнь Вьетнама. Прежде всего, это происходит через многочисленные НКО (по состоянию на 2016 г. их количество составляло 1100), деятельность которых остается неподконтрольной со стороны вьетнамских властей по причине отсутствия соответствующего законодательства. В этой связи следует отметить, что 20 сентября 2018 г. вышло Постановление Правительства СРВ об учреждении и функционировании иностранных культурных учреждений⁹, обязывающее все иностранные культурные центры, а также организации, занимающиеся гуманитарной деятельностью во Вьетнаме, пройти перелицензирование и направлять ежегодные подробные отчеты о своей деятельности. Через этот документ вьетнамская сторона пытается взять под контроль работу таких организаций с целью упорядочения и обеспечения прозрачности их деятельности.

В сфере образования важным механизмом по реализации американской «мягкой силы» яв-

ляется активность американских университетов, в частности открытого в 2016 г. Университета Фулбрайта в городе Хошимин (бывшем Сайгоне). Согласно сведениям издания «Вьетнам-ньюс», госсекретарь США Дж. Керри планировал вложить в деятельность данной организации около 180 млн долл., из них 80 млн было затрачено на открытие университета, а оставшиеся 100 млн предполагалось вложить в его развитие в течение трех последующих лет¹⁰. В настоящее время активно обсуждается открытие филиалов данного университета по всей стране.

Другим примером воздействия США на социально-культурную жизнь Вьетнама может служить деятельность американской организации «YSEALI» (Инициатива молодых лидеров Юго-Восточной Азии), в арсенале которой среди прочих гуманитарных проектов имеется программа Агентства США по международному развитию (USAID) «Единение Меконга через образование и обучение» (Connecting the Mekong Through Education and Training). Эта пятилетняя образовательная программа, помимо Вьетнама, направлена на Бирму (Мьянму), Камбоджу, Лаос и Таиланд и подразумевает подготовку школьных учителей¹¹.

Стоит отметить, что реализуемые США во Вьетнаме образовательные программы достаточно многочисленны и рассчитаны на различный контингент участников, основными выступают программы Университета Фулбрайт (The Fulbright Programs), стипендиальные программы Хьюберга Хамфри (Hubert H. Humphrey Fellowship Program), студенческие интенсивные программы изучения английского языка (Undergraduate Intensive English Language Study Program, UIELSP), стипендиальные программы изучения английского языка для подростков в возрасте от 14 до 18 лет из малообеспеченных семей (English Access Microscholarship Program), стажировки учителей/преподавателей английского языка из США в учебных заведениях стран ЮВА (English Language Fellow Program), а также постоянно действующие программы по линии публичной дипломатии¹². При этом координацией всех этих и других образовательных программ занимается Бюро образовательных и культурных связей, созданное Госдепартаментом США¹³.

Следует также отметить ежегодно увеличивающееся количество вьетнамских граждан, обучающихся в США. Так, в 2017 г. Вьетнам занял 6-е место по количеству иностранных студентов, обучающихся в Соединенных Штатах, всего более 22 тыс. чел.¹⁴, тогда как в 2017/2018 учебном году их было уже 24 тыс., при этом поток американских студентов во Вьетнам за получением образования по состоянию на 2018 г. составил более 1200 чел., и эта цифра продолжает расти¹⁵. Наряду с этим, для сравнения, уместно привести статистику о количестве обучающихся в американских вузах в 2017/2018 учебном году

иностранцев из других стран Юго-Восточной Азии, согласно которой последние сильно отстают от Вьетнама: из Индонезии – 8650 чел., из Малайзии – 8271 чел., из остальных стран региона количество студентов не превышает 7500 чел.¹⁶. Эти данные также подтверждают приоритетность вьетнамского направления для США в регионе.

В отдельное направление деятельности можно выделить поддержку США вьетнамского ЛГБТ-сообщества. Бывший посол США в СРВ Тед Осиус (срок полномочий 2014–2017 гг.), основатель Ассоциации американских послов-геев, в течение всего срока своей службы активно пропагандировал, в том числе в СМИ, ценности нетрадиционной сексуальной ориентации¹⁷. При его непосредственном участии в 2016 г. в Ханое (ранее подобные акции проводились только в г. Хошимин) впервые в истории страны прошел гей-парад, на который помимо представителей вьетнамского ЛГБТ-сообщества были приглашены и представители иностранного дипкорпуса «для поддержки этой культуры и выражения солидарности с притесняемым контингентом», а также с целью призвать общество признать их право на полноценную жизнь во вьетнамском социуме. Так, по состоянию на 2016 г. количество вьетнамцев, допускающих однополые отношения, составляло до 19% среди женщин и до 7,9% среди мужчин¹⁸, при этом общее население страны на тот период времени составляло 93 млн 421 тыс. 835 чел.¹⁹, и соотношение женщин и мужчин было примерно одинаковым (46 708 966 женщин и 46 712 869 мужчин). Путем простых вычислений получается, что, разделяя мнение относительно равноправия в обществе между теми, кто придерживается классического понимания института семьи, и теми, кто выразил свою приверженность к «однополый любви», а также зачастую выступая гарантом их прав и свобод, США могут рассчитывать на поддержку своих инициатив со стороны более чем 12,5 млн вьетнамцев.

Об усилении внимания со стороны американской политики к Вьетнаму свидетельствует и проведенный автором анализ институционального дизайна государственных и общественных структур США, находящихся во Вьетнаме и проецирующих на население страны «мягкую силу», результаты которого отражены в таблице, содержащей, для сравнения, и данные о российских организациях.

Таким образом, проанализировав ключевые направления применения «мягкой силы» США во Вьетнаме, можно говорить об интенсивном и целенаправленном продвижении национальных интересов Америки в этой стране. Основываясь на расширении торгово-экономических отношений; целенаправленной политике по формированию партнерства между странами в наднациональных организациях; воздействию на население Вьетнама через СМИ, в том чис-

Присутствие во Вьетнаме представительств государственных и общественных структур РФ и США по состоянию на июнь 2019 г.

Представительства	Организации, занимающиеся политической деятельностью (политология, генконсульства, фонды, занимающиеся политическими исследованиями)		Организации, занимающиеся культурной деятельностью (культурные центры, представительства театров и под.)		Организации, занимающиеся образовательной деятельностью (образовательные центры, представительства вузов, фонды, внедряющие образовательные программы)		Организации, занимающиеся научной деятельностью (научные фонды, предлагающие гранты на научную деятельность или ведущие самостоятельную научную деятельность)		СМИ (имеющие официальную аккредитацию во Вьетнаме)	ИТОГО
	Г	О	Г	О	Г	О	Г	О		
РФ	3	0	1*	0	0	3	1	0	1	9
США	2	1	2	1	2	5	2	4	9	28

Примечание. В таблице не учитывались организации, занимающиеся торгово-экономической деятельностью; * – Российский центр науки и культуры (РЦНК) занимается и культурой, и образованием, и наукой и проч., тогда как этими направлениями занимаются разные американские организации. РЦНК посчитан в таблице 1 раз.

ле с использованием результатов опросов общественного мнения, для продвижения позитивного имиджа США как страны, оказывающей помощь нуждающимся во всем мире и реализующей глобальные гуманитарные программы; активизации деятельности НКО; активной политике в сфере образования и использовании фактора вьетнамского ЛГБТ-сообщества, Соединенные Штаты осуществляют масштабное воздействие на вьетнамское общество, что, несомненно, представляет вызов интересам России и Китая в регионе и требует адекватного ответа.

Примечания

- 1 См.: *Nye J. S., Jr. Soft Power : The Means to Success in World Politics.* N. Y. : Public Affairs, 2004.
- 2 *Nye J. S., Jr. A Smarter Superpower // Foreign policy magazine.* URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/13/a-smarter-superpower/> (дата обращения: 03.07.2019).
- 3 См.: *Nye J. S. The War on Soft Power // Foreign policy magazine.* URL: <https://foreignpolicy.com/2011/04/12/the-war-on-soft-power/> (дата обращения: 14.06.2019).
- 4 См.: *Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 66–74.*
- 5 См.: Товарооборот между Вьетнамом и США увеличился в 43,5 раза с 2000 года // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4404267> (дата обращения: 13.07.2019).
- 6 См.: *ForeignAssistance.gov.* URL: <https://www.foreignassistance.gov/explore> (дата обращения: 06.07.2019).
- 7 См.: *Зеленкова М. С. Политика «мягкой силы» США во Вьетнаме // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 2 (41) С. 40–54.*
- 8 См.: *Pew Research Center.* URL: <https://www.pewresearch.org/global/2014/07/14/chapter-1-the-american-brand/> (дата обращения: 07.07.2019).

- 9 См.: *Hồ sơ thành lập chi nhánh cơ sở văn hóa nước ngoài ở Việt Nam [Постановление Правительства Социалистической Республики Вьетнам № 126/2018/NĐ-CP об учреждении и функционировании иностранных культурных учреждений] // Thu Vien Phap Luat.* URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Van-hoa-Xa-hoi/Nghidinh-126-2018-ND-CP-thanh-lap-va-hoat-dong-cua-co-so-van-hoa-nuoc-ngoai-tai-Viet-Nam-336356.aspx> (дата обращения: 07.07.2019).
- 10 См.: *Fullbright University officially launched in Viet Nam // Viet Nam News.* URL: <http://vietnamnews.vn/society/297311/fulbright-university-officially-launched-in-viet-nam.html#q0fi29Pov0P1cMJw.99> (дата обращения: 03.06.2019).
- 11 См.: *U.S. mission to ASEAN.* URL: <https://asean.usmission.gov/education-culture/leaders/> (дата обращения: 10.07.2019).
- 12 См.: *U.S. Embassy & Consulate in Vietnam.* URL: <https://vn.usembassy.gov/vi/education-culture-vi/tai-tro-hoc-bong/> (дата обращения: 13.05.2019).
- 13 См.: *Зеленкова М. С. Указ. соч.*
- 14 См.: *Số sinh viên Việt đang học tập tại Mỹ đứng thứ 6 thế giới [статья в электронной газете «Мир и Вьетнам» о том, что вьетнамские студенты занимают 6-е место по количеству обучающихся в Америке] // The Gioi & Viet Nam.* URL: <https://baoquoc.vn/so-sinh-vien-viet-dang-hoc-tap-tai-my-dung-thu-6-the-gioi-60836.html> (дата обращения: 06.07.2019).
- 15 См.: *Số lượng du học sinh Việt Nam tại Mỹ tăng năm thứ 17 liên tiếp [статья на сайте радио «Голос Вьетнама» о том, что количество вьетнамских студентов в Америке увеличивается 17-й год подряд, и это не предел] // The Voice of Vietnam.* URL: <https://vov.vn/xa-hoi/giao-duc/so-luong-du-hoc-sinh-viet-nam-tai-my-tang-nam-thu-17-lien-tiep-838770.vov> (дата обращения: 06.07.2019).
- 16 См.: *Statista.* URL: <https://www.statista.com/statistics/233880/international-students-in-the-us-by-country-of-origin/> (дата обращения: 06.07.2019).
- 17 См.: *Gay Star News.* URL: <https://www.gaystarnews.com> (дата обращения: 10.07.2019).

- ¹⁸ См.: Lương Thế Huy. Số liệu mới về tỷ lệ người đồng tính, song tính trong dân số [Данные о процентном соотношении мужчин и женщин, ощущающих себя гомосексуальными] // Facebook. URL: <https://www.facebook.com/notes/1%C6%B0%C6%A1ng-th%E1%BA%BF-huy/s%E1%BB%91-li%E1%BB%87u-m%E1%BB%9Bi-v%E1%BB%81-t%E1%BB%B7-1%E1%BB%87-ng%C6%B0%E1%BB%9Di-%C4%91%E1%BB%93ng-t%C3%ADnh-song-t%C3%ADnh-trong-d%C3%A2n-s%E1%BB%91/10156353981760623/> (дата обращения: 10.07.2019).
- ¹⁹ См.: Thegioibantin.com. URL: <http://thegioibantin.com/thap-dan-so-viet-nam-2016.html> (дата обращения: 10.07.2019).

Образец для цитирования:

Шафинская Н. В. «Мягкая сила» как инструмент гуманитарной политики США в отношении Социалистической Республики Вьетнам // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 112–117. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-112-117>

Cite this article as:

Shafinskaya N. V. “Soft Power” as a Tool of USA Humanitarian Policy Towards the Socialist Republic of Vietnam. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 112–117 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-112-117>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 327.8

К вопросу об актуальных политико-стратегических уроках Первой мировой войны

(Социум. Государственная стратегия. Война : Политико-стратегические уроки Первой мировой войны / В. К. Белозеров, И. С. Даниленко, А. И. Емельянов, А. Я. Касюк, А. В. Соловьев. – М. : Неолит ; ИПБ СНГ, 2019. – 192 с.)

Д. Г. Передня

Передня Дмитрий Григорьевич, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, 2975829@mail.ru

В статье анализируется содержание монографии, посвященной проблемам войны и мира и функционированию социумов в условиях политических трансформаций Первой мировой войны. Дается оценка представлению о концептуальном видении авторами последствий применения военной силы в международных отношениях, последующих социальных изменениях и возможностях разработки политических стратегий и проектов с учетом исторического опыта. Уделено внимание и излагается в монографии позиции о распространении в социумах и среди государственного руководства противоборствовавших сторон представлений о возможности войны.

Ключевые слова: мировая война, стратегия, информационное противоборство.

On the Issue of Relevant Political and Strategic Lessons of the First World War

(Sotsium. State strategy. War: Political and strategic lessons of the First World War / V. K. Belozеров, I. S. Danilenko, A. I. Emelyanov, A. Ya. Kasyuk, A. V. Solovyov. – Moscow, Neolith, IPB CIS, 2019. – 192 p.)

D. G. Perednya

Dmitriy G. Perednya, <https://orcid.org/0000-0002-1534-0812>, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 8 Zoya & Alexandr Kosmodem'ianskie St., Moscow 125993, Russia, 2975829@mail.ru

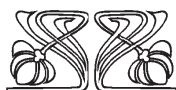
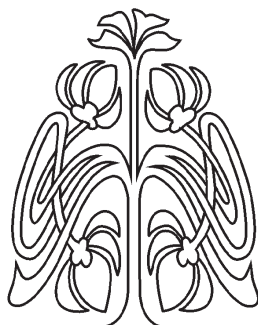
The article analyzes the contents of a monograph on the problems of war and peace and the functioning of societies in conditions of political transformations of the First World War. The paper assesses the authors' conceptual vision of the consequences of the use of military force in international relations, the subsequent social changes and the possibilities of developing political strategies and projects taking into account historical experience. Attention is also paid to the position stated in the monograph on the dissemination of ideas about the possibility of war in societies and among the state leadership of the opposing parties.

Keywords: world war, strategy, information warfare.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-118-122>

Всякий раз, когда мы обращаем внимание на какую-нибудь новую книгу, полезно задаться вопросом: стоит ли тратить на ее прочтение драгоценное время в условиях информационного изобилия сегодняшнего дня? Каково качество этого продукта? Помочь ответить на эти вопросы призвана эта статья.

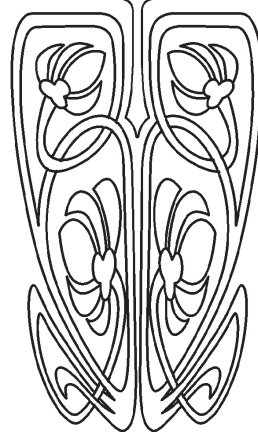
Как известно, в нашей стране о Первой мировой войне, ее причинах и последствиях написано хоть и меньше чем о Второй мировой, но все же немало. Тем не менее, даже первое знакомство с книгой «Социум. Государственная стратегия. Война: Политико-стратегические уроки Первой

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

мировой войны», подготовленной авторским коллективом, в который вошли весьма компетентные исследователи, показывает, что выбранная концепция выделяется оригинальностью постановки проблемы, подачи материала и научной новизной. Ведь, как правило, когда речь заходит о войне, сознание фокусируется на ее ходе, участниках, успехах и неудачах, жертвах военного противоборства. То есть часто война как социальное явление рассматривается в известной изоляции от общего социального контекста конкретного исторического периода. Рецензируемая монография представляет собой нечто иное. Ее замысел построен на той исходной посылке, что Первая мировая война ознаменовала качественные изменения в политической борьбе, в жизни социумов, применении военной силы. В итоге реализованный в книге ракурс рассмотрения собственно войны оказался значительно шире, объемней, рельефней.

Работа является исторической лишь отчасти, фактически она носит междисциплинарный характер, в значительной мере социолого-политологический и одновременно прогнозный. Поэтому издание заслуживает внимания тех читателей, которых интересует настоящее и будущее России в геополитическом контексте. Авторы при этом исходят из тесной связи доктрин и идеологий с функционированием социальных и политических институтов¹.

Структурно работа состоит из четырех глав, в которых последовательно и системно изучаются процессы в социумах стран Антанты и Тройственного союза. Отдельно анализируются общественно-политические явления и процессы в рамках информационного противоборства в годы Первой мировой войны. В завершающей главе речь идет о трансформации взглядов на войну и понимании будущей войны.

Социумы воюющих стран

Главной особенностью войны стал ее всепоглощающий характер. Впервые в противостояние были втянуты социумы воюющих сторон, вовлеченными в борьбу оказались представители всех слоев общества. Это явилось неожиданностью для правящих кругов враждующих стран. В большинстве случаев они оказались не готовы к возникшей ситуации. Последовательное знакомство с содержанием монографии приводит к мысли о довлеющей силе презентизма упрощенного мышления и низких прогнозных способностей элит того периода. Возникает желание задуматься о том, насколько далеко простирается сегодняшнее видение дальнейших перспектив международных взаимодействий, в том числе и тех, которые осуществляются с использованием военной силы. Одним из главных результатов прочтения книги является убежденность в необходимости наличия долгосрочной созидательной государственной стратегии. При этом подразумевается не формальный документ,

а целостный конструкт, органично интегрированный в массовое сознание, осознаваемый и разделяемый как правящими кругами, так и основными группами общества и лидерами мнений.

Результатом драматичной, изнурительной и кровопролитной четырехлетней борьбы, развернувшейся на огромных континентальных и морских пространствах, стало то, что социальная и политическая организации социумов в ряде стран, еще недавно казавшихся незыблемыми и вечными, не выдержали испытания войной. Процессы социальных дисфункций, аномии, роста социальной напряженности трансформировали социальную структуру, произвели значительные изменения в духовной жизни общества.

Отдельно стоит отметить способность авторов умело балансировать между универсализмом и обобщениями, дифференцированным подходом к анализу социумов как элементов разных этнических и цивилизационных образований. Общими были, например, обострения между различными слоями элит, элитами и народными массами государств-участников. Но степень обострения и характер проявления были разными и по-разному проявились в войне и в общественной жизни. Неодинаково проявлялись сепаратизм, устремления гомогенных этносов использовать противников в своих интересах, фактически становясь тем самым на путь измены, предательства имперских интересов.

В интересном ключе подаются авторами возможные выборы дальнейших путей развития конфликтующих стран и попыток управления реализацией того или иного выбора в условиях точек бифуркации. Анализируется и стратегия расходования накопленных потенциалов за предвоенный период. Происшедшее означало прекращение поступательного, эволюционного развития и переход к турбулентному, революционному пути, отягощенному издержками, связанными с низким качеством политического управления социальными процессами. У читателя есть возможность проследить поведение различных слоев общества в условиях военного противостояния, изменение их установок, мнений, ожиданий. Например, у интеллигенции обнаружилась склонность к переоценке общественно-политического опыта западных стран и недооценке национального опыта и традиций. Исследователи обратили внимание и на изменение отношения населения к союзникам и к самой войне. Потеря веры в союзников оказала деморализующее влияние на Россию, неприятие увеличилось по мере истощения всех видов ресурсов и вследствие непонимания смысла и целей войны.

В книге образно показаны причины неудачи либеральной трансформации страны в условиях военного времени: как либералы, господствовавшие в Государственной думе, решили воспользоваться исторической ситуацией и подчинить себе или вовсе свергнуть монархию, взять в свои руки

руководство страной и вооруженными силами и вместе с союзниками победоносно завершить войну. Между тем, как справедливо замечают авторы, перестройка монархического социального организма в либеральный требовала постепенности, продуманной политики и в условиях войны была в принципе невозможна.

В военные годы серьезные изменения в жизни общества привели к росту девиантного и деликвентного поведения. Например, во Франции выросла преступность, увеличилось количество ограблений, получило распространение мошенничество, в том числе в благотворительной сфере, ширилась практика попрошайничества. Во всех странах произошел небывалый взлет беспризорности и подростковой преступности. Все это было вызвано социальными факторами, спровоцированными войной: отсутствие старшего поколения мужчин, занятость матерей на заводах и фабриках, призыв учителей в армию, сокращение занятий в школах, участвовавшие случаи прогулов школьниками уроков. Рост венерических заболеваний, распространение проституции – это также следствия изменений в жизни стран, вызванные войной.

Демонтаж традиционных основ и подрыв традиционного уклада распределения социальных ролей в обществе не происходили бы так быстро, если бы не Первая мировая война. Она явилась катализатором и вызвала, в частности, практически во всех воюющих странах ускоренную эмансипацию женщин. Данный процесс затем был усугублен Второй мировой войной, и последствия его проявляются до сих пор. Женщины активно участвовали в забастовках в 1917 г., они втягивались в светскую жизнь, становились более раскрепощенными. Женская мода тоже изменилась в сторону большей скромности и функциональности. Поэтому демобилизованные солдаты встречали дома уже совсем других жен. Изменился их социальный статус, возросли активность и самостоятельность, эти и подобные этим явления провоцировали рост разводов.

Знакомство с монографией показывает, что авторы, осуществив комплексный подход, смогли провести анализ всех основных групп зависимостей: между армией и обществом; между различными структурными элементами армии; между военнослужащими как носителями межличностных связей и отношений. Среди выводов, которые напрашиваются по ходу прочтения книги, есть такой, который касается утраты функций войны как традиционной формы конфликта, негативной диалектики между военным устрашением и боеспособностью вооруженных сил и возможностью их социальной интеграции и легитимации².

Известно, что доминирование США в мире во многом обусловлено результатами Первой мировой войны. В период, когда произошло резкое увеличение загруженности предприятий США, требовалось больше рабочих. Началось привлечение афроамериканцев, организовано их обучение.

Вслед за этим ускорился рост их самосознания на фоне расширения прав всех граждан. Именно в тот период завершалась политика изоляционизма и началось формирование общественного сознания американцев, ощущавших себя представителями сверхдержавы с мировыми амбициями. Позднее вступление США в войну показало дальновидность и расчетливость их правительства, широкий горизонт его стратегического мышления.

Стремясь сосредоточиться на жизни социумов, на оценке их жизнеспособности в период военного противоборства, авторы рассматриваемого произведения смогли обнаружить многие истоки реваншизма, выявить закономерности действий стран и коалиций в послевоенном мире. При этом они придерживались дифференцированного подхода, фактически осуществили качественный сравнительный анализ, на основе фактического материала проиллюстрировали запас социальной прочности стран-участниц к бедствиям войны. В ее начале этот запас был различным в разных странах, однако на завершающем ее этапе он оказался исчерпанным почти у всех. Только в отдельных странах, вступивших в войну на ее завершающем этапе, как это сделали США, последствием стало получение невиданной в мирное время прибыли и достижение положения первого в мире кредитора. Война создала условия для роста социального неравенства, баснословного обогащения отдельных групп и личностей, достигнутого зачастую криминальными и аморальными методами, что способствовало созреванию предпосылок для социальных революций в ряде стран.

Изобилует интересными подробностями описание влияния войны на социальные процессы, протекающие в немецком обществе. Среди положительных итогов военной кампании, которая, кстати сказать, была воспринята абсолютным большинством германцев с ликованием, – единение германского народа. Для относительно недавно сформировавшейся германской нации это немаловажно. Война позволила и этническим общностям преодолеть внутренние разногласия и консолидироваться посредством получения различными социальными группами общего военного опыта.

Информационное противоборство, изменение взглядов на войну

В рецензируемом труде особое внимание уделено информационному противоборству, связанному с мобилизацией духовных сил народа в своих странах с одновременным разложением морального духа противника. Именно в условиях Первой мировой войны формировались теоретические основы и отработывалась практика применения информационно-психологического воздействия на вооруженные силы противника, подрыва морального состояния населения во вражеском государстве.

В последние годы в Российской Федерации принято значительное количество официальных документов по проблемам информационной безопасности. Ознакомление с изданием показывает, что основы современного состояния противоборства в сфере коммуникаций закладывались в период Первой мировой войны. Особую роль в событиях, предвещавших войну, а также в ходе нее стали играть средства массовой информации. В тот период ведущими СМИ были массово издававшиеся газеты. В частности, именно печатная пресса стала рупором британского правительства, где бы ни говорили на английском языке. Более всего на этом поприще преуспели газеты «Daily Mail» и «Times». Постепенно в общественном мнении Германия представляла как в крайней степени авторитарная страна, антиподом Британии. А сила общественного мнения, учитывая демократические традиции английского королевства, придавала легитимность военным действиям против империи Вильгельма II. Пожалуй, впервые информация стала важным элементом в механизме, инициирующем войну. Книга содержит, например, информацию о пропагандистской активности воюющих сторон, ее координации, результативности, динамике. В условиях длительных боевых действий, затянувшейся войны, дезориентации и деморализации социумов в конечном итоге была развернута ожесточенная борьба за массовое сознание воюющих сторон, которое стало объектом интенсивного воздействия со стороны противника.

Большую роль в эскалации противостояния, втягивания в войну широких слоев общества сыграло противостояние менталитетов. Освещаемые в газетах реалии войны заставляли людей испытывать возмущение и негодование в связи с попранием ценностей, представлявшихся людям незыблемыми. Немецкие методы ведения войны приводили к колоссальным материальным потерям, что входило в противоречие и вызывало отторжение у британцев, сторонников принципа неприкосновенности частной собственности. Минирование проливов, атаки на гражданские суда, обстрел морских курортов на северо-востоке Англии в конце 1914 г. и начавшаяся в 1915 г. воздушная бомбардировка Лондона и юго-востока Англии нарушали ставшую привычной неприкосновенность гражданского населения. Фактически война потеряла былую локацию, ограничивавшуюся линией соприкосновения войск. Война приходила прямо в тыл и расценивалась общественностью как покушение на английский домашний очаг. Все эти события, подогреваемые пропагандой и тиражируемые в СМИ, способствовали росту антигерманских настроений среди гражданского населения. В России подверглось нападению посольство Германии, в Британии были нападения на местных немцев. Правительство практически не пыталось остановить антигерманскую истерию, которая по мере

увеличения числа убитых и раненых возбуждала чувство мести. Подобные этим процессы в социуме стимулировали рост экстремистских настроений, готовность вести войну любыми средствами, до полного уничтожения противника. Это во многом развязывало руки правительствам стран, оно все больше вмешивалось во все сферы общественной жизни, формировался режим «тотальной войны». Сознание миллионов людей милитаризировалось, довоенная структура общества с каждым новым годом войны подвергалась все большей эрозии, переформировывалась в соответствии с требованиями военного времени.

Подстегиваемый информационными инъекциями патриотизм приводил к социальной нетерпимости, которая находила выражение в увеличении социального разлома и строгого социального осуждения многих индивидов и социальных групп. Среди подобных субъектов оказывались те граждане, которые уклонялись от исполнения социальных обязанностей, спекулянты, обогатившиеся за счет войны; просто люди, живущие не по средствам или не отказавшиеся в достаточной степени от роскоши; политики и генералы, с недостаточным рвением или успехом участвовавшие в ведении войны; люди с пацифистскими настроениями. Среди британской общественности особое негодование вызывали мужчины, на вид годные к военной службе, но уклоняющиеся от нее.

Затем закономерно последовал спад военного энтузиазма, приведший к введению обязательной военной службы, принудительному набору в вооруженные силы неженатых мужчин. В последние годы войны в составе всех армий было подавляющее большинство насильственно мобилизованных людей. В анализируемой работе информационные воздействия показаны во взаимосвязи с изменениями общественного мнения. Для этого использовался ряд индикаторов, главный из которых связан с доверием в его различных проявлениях, межличностном, институциональном, системном, предвосхищенном³.

К необычным для прежних войн явлениям авторы относят введение различных антиалкогольных мер. Это имело как социальные последствия, так и экономические. Структура бюджета всех воюющих стран существенным образом изменилась. Дополнительные меры экономии, налоги, пошлины способствовали росту социальной напряженности, расширению протестных настроений, общего недовольства. Во второй половине войны заметно усилились такие неформальные информационные каналы, как слухи. Прежде всего, речь идет о слухах, связанных с грядущим голодом. В какой-то момент на фронтах наступил кризис боевого духа, который уже невозможно было преодолеть прежними информационными посылками. Заслуживают рассмотрения попытки властей, например, правительства Австро-Венгрии, предпринять меры, чтобы отгородить солдат, воюющих на северо-восточных фронтах, от

новостей, получаемых с родины. Письма, в которых говорилось о нехватке еды или голоде на родине, изымались, поскольку эти сведения могли «негативно отразиться на боевом духе и подвергнуть опасности установленную дисциплину»⁴.

Интересны изменения, происходившие в религиозной сфере индивидов, жизнь которых совпала с периодом мировой войны. Снижение солидаризации в обществе, рост дезинтеграционных и секуляризационных процессов постепенно переориентировали недовольство и агрессию масс на собственные правительства. Все это приводило к изменениям во внутренней и внешней политике стран, участвовавших в войне.

Интересный момент, на который обратили внимание авторы, был связан с тем, что представители стран-победителей, несмотря на победу в войне, не ощутили удовлетворения. Общество окунулось в уныние от неощутимости дивидендов, связанных с войной, от отсутствия реальных оправданий понесенным потерям и разрушениям. Всех тяготили разрушения не только внешнего материального мира, но и внутреннего, который менее заметен, но не менее важен. Пережитое обществом напряжение не соответствовало его первоначальному ожиданиям.

Одно из ключевых слов в названии монографии – «стратегия». Использование понятия «стратегия» всегда требует от ее субъекта ответственного и осмысленного поведения, поскольку фактически означает претензию на понимание будущего и его целеустремленного созидания. Думается, прочтение обсуждаемой книги позволит значительным образом обогатить представления о содержании стратегического видения социально-политических проблем. Вместе с тем в книге откровенно говорится о том, что в современных условиях с пониманием, концептуализацией и разработкой стратегии есть определенные проблемы. На данное обстоятельство один из представителей авторского коллектива В. К. Белозёров ранее обращал внимание⁵. Вместе с тем ознакомление с монографией оставляет у внимательного читателя чувство некоторой недосказанности, так как авторы, критикуя политическую недалекость лидеров стран, не предлагают варианты преодоления их прогнозной некомпетентности и подготовки лиц, принимающих решения, к тому, чтобы видеть будущее без качественных отличий от настоящего. Но в том, что общества качественно меняются после мировых войн, авторы абсолютно правы.

Завершая рассмотрение содержания монографии и подводя итог, можно сказать, что со-

здатели книги провели достаточно глубокое осмысление итогов и социально-политических последствий Первой мировой войны. Тем самым восполнен пробел в анализе важного исторического периода, знания о котором способствуют лучшему пониманию проблем и перспектив современности. Все главы книги содержат и актуализируют информацию, так или иначе ценную с позиций сегодняшнего дня, пригодную для разработки стратегического подхода в политике, доктринальных установок, связанных с применением военной силы⁶. Этому способствовали в том числе новые данные, факты, неизвестные ранее в отечественной науке источники и литература, представленные в работе.

Книга легко читается, текст изложен доступным языком. Думается, монография способна привлечь внимание не только экспертов в сфере социально-политических процессов, взаимодействия на международной арене в военное время, разработчиков государственных стратегий. Книга будет полезна и тем, чей научный интерес связан со сферой массовой коммуникации, социологии управления, политической социологии, социологии духовной жизни. Иными словами, работа не является узкоспециальной и потому особенно ценна и полезна.

Примечания

- 1 См.: Белозёров В. К. Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестн. МГЛУ. 2013. Вып. 24. С. 31–40.
- 2 См.: Ведерников В. Н. Военная социология : вопросы теории, методологии, истории и практики. М. : ГА ВС, 1994. С. 45.
- 3 См.: Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. С. 85.
- 4 Letter from Marie Krbuschek in Vienna to brother Anton Wolf; and censor's memo, 27 March 1918, cited in Healy. Vienna, 2004. P. 85.
- 5 См.: Белозёров В. К. Образ будущей войны в политических идеологиях и государственных стратегиях // Выбор долгосрочной стратегии в условиях глобальной нестабильности и цивилизационное наследие России : Коллективная монография по материалам XV Международных Панаринских чтений / отв. ред. В. Н. Рассторгуев ; науч. ред. А. В. Никандров. М. : Институт Наследия, 2018. С. 106–123.
- 6 См.: Белозёров В. К. Военная доктрина Российской Федерации о предсказуемости военных конфликтов // Электронный научный журнал «Проблемы безопасности». 2011. № 2 (12). С. 23–35.

Образец для цитирования:

Передня Д. Г. К вопросу об актуальных политико-стратегических уроках Первой мировой войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 118–122. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-118-122>

Cite this article as:

Perednya D. G. On the Issue of Relevant Political and Strategic Lessons of the First World War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 118–122 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-118-122>

Подписка на 2020 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36016,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

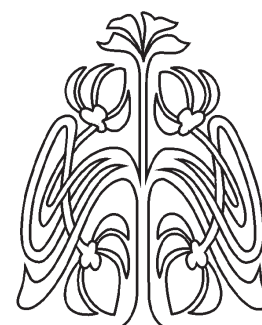
СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Социологический факультет

Тел./факс: +7(845-2) 21-36-60, 51-81-26

E-mail: BegininalA@info.sgu.ru, vil57@yandex.ru

Website: <http://soziopolit.sgu.ru/>

ПОДПИСКА

